

КОСТАНАЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИМЕНИ ШРАКБЕКА КАБЫЛБАЕВА

А.Н. Табулденов

**ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ
И ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН
(1937-1956 годы)**

МОНОГРАФИЯ

Костанай 2015

УДК 325.254.6
ББК 63.3 (2) 622-4
Т 12

Рекомендовано Ученым советом
Костанайской академии МВД Республики Казахстан

Рецензенты:

декан гуманитарно-социального факультета
Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова,
доктор исторических наук, доцент *А.А. Айтмухамбетов*;
профессор кафедры «Қазақстан тарихы»
Костанайского государственного педагогического института,
доктор исторических наук, профессор *А. Күзембайұлы*;
начальник отдела организации научно-исследовательской
и редакционно-издательской работы Костанайской академии
МВД Республики Казахстан, кандидат исторических наук
полковник полиции *К.Р. Сейтиева*

Табулденов А.Н.

**Т 12 Депортации народов и эвакуация населения в Северный
Казахстан (1937-1956 годы):** монография. – Костанай:
Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2015. – 192
с.

ISBN 978-601-210-126-3

В монографии рассматриваются депортации народов, эвакуация населения в Северный Казахстан в 1937-1956 гг. В работе показаны особенности переселенческой политики советского государства; освещен процесс приема и размещения депортированного и эвакуированного в северные области республики населения; определен вклад переселенцев в развитие экономики, науки, культуры, здравоохранения Казахстана.

Работа адресована слушателям ведомственных учебных заведений, студентам, практическим работникам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами отечественной истории.

УДК325.254.6
ББК 63.3 (2) 622-4

ISBN 978-601-210-126-3

© Костанайская академия МВД РК, 2015
© Табулденов А.Н., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ.....	6
1. ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН.....	26
1.1 Численность, география расселения депортантов.....	26
1.2 Процесс обустройства спецпереселенцев	43
1.3 Роль депортантов в экономическом развитии северного региона.....	68
2. ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	83
2.1 Динамика численности, особенности обустройства эваконаселения.....	83
2.2 Вклад эвакуантов и эвакопредприятий в развитие севера республики	103
3. РОЛЬ ДЕПОРТАЦИИ И ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 1937-1956 гг.	128
3.1 Особенности миграционного развития северного региона	128
3.2 Трансформация полиэтнической картины Северного Казахстана.....	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	170
ПРИЛОЖЕНИЯ	184

СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

АП РК	-	Архив Президента Республики Казахстан
ЦГА РК	-	Центральный Государственный архив Республики Казахстан
ГАКО	-	Государственный архив Костанайской области
ГАОО	-	Государственный архив Акмолинской области
ГАСКО	-	Государственный архив Северо-Казахстанской области
ГАПО	-	Государственный архив Павлодарской области
ГАГК	-	Государственный архив города Кокшетау
ГАГК	-	Государственный архив города Костанай
ККМ	-	Костанайский краеведческий музей
КОИКМ	-	Костанайский областной историко-краеведческий музей
Райзо	-	Районный земельный отдел
ОблзО	-	Областной земельный отдел
ОСП МВД	-	Отдел спецпоселений Министерства внутренних дел
ПВС СССР	-	Президиум Верховного Совета СССР
АН СССР	-	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АН КазССР	-	Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики
МГБ	-	Министерство государственной безопасности
МВД	-	Министерство внутренних дел
УМЗ	-	управление мест заключения
СССР	-	Союз Советских Социалистических Республик
СМ	-	Совет Министров
СНК	-	Совет Народных Комиссаров
Наркомтруд	-	Народный комиссариат труда
ЦИК	-	Центральный исполнительный комитет
НКВД	-	Народный комиссариат внутренних дел
Горрайкомы	-	городской районный комитет
КПК	-	

Обкомы	-	областной Комитет Коммунистической партии
КП (б) К		большевиков Казахстана
Промкооперация	-	промышленная кооперация
СКО	-	Северо-Казахстанская область
ГКО	-	Государственный комитет обороны
САВО	-	Средне-Азиатский военный округ
ДВК	-	Дальне-Восточный край
НВФ	-	научно-вспомогательный фонд
л/с	-	личный состав

ВВЕДЕНИЕ

Полиэтнический и мультикультурный облик Северного Казахстана формировался на протяжении нескольких столетий. Значительное влияние на его развитие в XX веке оказали депортации репрессированных народов, эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны, а также активные миграционные процессы в 30-50-е годы XX века. Север республики представлял собой Казахстан в миниатюре – события, происходившие в масштабах региона, оказывали непосредственное воздействие на этнодемографическое самочувствие всей республики. В свою очередь, север Казахстана испытывал на себе общереспубликанское, общесоюзное влияние.

Занимая выгодное географическое, экономическое положение, север республики в предвоенное и военное время разместил на своей территории значительную часть депортированного и эвакуированного в Казахстан населения. Имея стратегический характер, регион в годы войны принял десятки эвакуированных промышленных предприятий, объекты науки, культуры, здравоохранения. Вместе с тем, Северный Казахстан играл роль транзитной территории на пути следования в республику переселенцев, их последующего размещения и распределения по различным регионам Казахстана. Северный Казахстан стал надежным тылом, где на эвакуопредприятиях плечом к плечу трудились местные жители, депортированные этносы и эвакуонаселение. Эвакуированные в Северный Казахстан промышленные объекты выпускали необходимые фронту вооружение, боеприпасы; объекты науки, образования, культуры, здравоохранения занимали особое место в развитии научных учреждений, расширении сети учебных заведений, возвращении в строй раненных солдат и офицеров. На базе эвакуообъектов позднее возникли собственно казахстанские предприятия.

Институт депортации являлся своеобразной визитной карточкой страны Советов, представляя собой советский сценарий Великого переселения народов. Парадокс проводимой советским государством политики заключался в том, что часть этносов заставляли переходить к оседлости, обрекая других на постоянные миграции, перманентные переселения. Эвакуация населения, промышленных объектов, их размещение в Северном Казахстане в годы войны являлись

беспримерной в мировой истории героической, драматической эпопеей, «одним из самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны» [1, с. 144]. Депортации этносов и эвакуация населения представляли собой два диаметрально противоположных портрета руководства СССР, тоталитарной системы в целом и, как следствие, их неравнозначного отношения к своему населению. С одной стороны, по приказу представителей власти на эшафот отправляли тысячи невинных людей, с другой - всеми мерами пытались спасти от гибели миллионы советских граждан, хозяйства, материальные ценности, промышленное оборудование, учреждения науки, культуры, здравоохранения.

Прикрываясь «фиговым листком» наказания политических противников, изменников и предателей Родины, тотальному остракизму подверглись целые народы. Северный Казахстан, будучи одним из объектов переселенческой политики советского государства, являясь частью гигантского исправительного учреждения, стал местом их ссылки и пожизненного проживания. Вместе с тем, север республики олицетворял собой спасительную гавань, «ноев ковчег», приютивший и давший кров сотням тысяч людей.

Несмотря на насильственный и вынужденный (стихийный) характер депортационных и эвакуационных процессов, руководство СССР пыталось им придать системный, закономерный характер. Идеологическая, политическая и экономическая база создавалась одновременно с самими депортационными и эвакуационными процессами.

Размещение в Северном Казахстане депортантов и эвакуантов в определенной степени компенсировало уменьшение численности населения в результате гибели людей на фронтах, высокой смертности населения из-за голода, болезней, тяжелых материально-бытовых условий в годы войны. Депортации способствовали более стабильному росту численности населения, эвакуация носила кратковременный характер - по окончании войны почти все эвакуанты покинули республику. В результате депортации и эвакуации населения, миграционных процессов в Северном Казахстане возросла плотность населения, в регионе появились представители «новых» этносов, увеличилась численность народов, проживавших ранее, что в дальнейшем способствовало большей

полиэтничности северного региона. Депортированные этносы и эвакуированное население Северного Казахстана внесли весомый вклад в Победу СССР в Великой Отечественной войне, восстановлении хозяйства и инфраструктуры страны в послевоенное время. Депортации народов и эвакуация населения, активные миграционные процессы в 1937-1956 годах, способствовали значительной трансформации социально-экономической, этнодемографической, культурной картины, дальнейшему развитию мировоззренческого восприятия местных жителей Северного Казахстана. Межнациональные отношения, взаимопомощь, согласие стали залогом успешной созидательной деятельности депортантов, эвакуантов и местного населения.

Исследование процесса формирования и развития полиэтнического, социально-экономического, мультикультурного облика Северного Казахстана, обусловленного депортациями, эвакуацией населения и миграционными процессами в 1937-1956 годы, имеет большое значение для разработки и реализации научно-обоснованной социально-демографической политики государства, опирающейся на всесторонний анализ развития страны в исторической ретроспективе. Изучение этих процессов также объясняется попыткой восполнить имеющиеся пробелы в историческом знании по данным проблемам познания истоков, извлечения уроков из прошлого. Вместе с тем, исследование этих проблем играет большую роль в воспитании казахстанцев в духе патриотизма, укреплении гражданского мира и межнационального согласия в Республике Казахстан.

Обращаясь к вопросу освещения исследуемых проблем в научной литературе предшествующего периода, следует отметить, что наиболее изученным с политической, военной, экономической, культурной точки зрения является процесс эвакуации населения, промышленных предприятий, учреждений культуры, образования, здравоохранения из прифронтовых районов СССР в годы Великой Отечественной войны, их размещение в восточных районах страны, в том числе и в Казахстане.

Весь спектр научных исследований, рассматривающих проблемы эвакуации, можно разделить на ряд групп. В первую группу вошли труды, показывающие стратегическую экономическую роль Казахстана в качестве основного тылового региона советского государства в процессе размещения населения и деятельности

эвакопредприятий. В их числе работы Г.А. Абишева [2], В.Я. Басина [3], В.С. Городецкой [4], Ж. Абуталипова [5], Т. Ашимбаева [6]. В данных работах представлена широкая панорама перестройки экономики республики на военные рельсы, однако север Казахстана в этих исследованиях не рассматривается.

Особенности экономического развития Казахстана в годы войны, обусловленные эвакуационным фактором, роль государственных органов и партии в организации эвакуации населения и объектов в тыловые районы СССР показаны в работах обобщающего характера [7]. В них на богатом фактическом материале показаны изменения в общественном производстве, влияние эвакуированных предприятий на экономический облик республики. Комплекс трудов историков советского периода посвящен истории рабочего класса и крестьянства Казахстана, в которых раскрыты количественные и качественные изменения, произошедшие в их составе в военные годы вследствие влияния эвакуационного фактора [8].

Развитие отдельных отраслей промышленности Казахстана в военные годы и вклад эвакуанов и предприятий в их деятельность отражены в трудах К. Сапарбаева, С.К. Жакупбекова, Р.Б. Сулейменова, Х.И. Бисенова и других [9]. В работе Нурбековой Г.Д. представлена деятельность казахстанских женщин, работавших в годы войны на нужды фронта. Наряду с местными жителями показана роль эвакуированных женщин в промышленном развитии Казахстана [10]. В трудах Т.Б. Балакаева, Л.Т. Балакаевой [11], Белан П.С. [12] обосновывается закономерный характер эвакуации, связанный с дальнейшей индустриализацией республики, сама эвакуация выступает в качестве очередного звена в дальнейшем промышленном освоении Казахстана.

В монографии Ф.Н. Базановой определено влияние эвакуационных мероприятий на количественную трансформацию населения Казахстана в годы войны. Автор показывает численность, состав эвакуанов, отток населения республики в послевоенные годы [13]. Роль северного региона автором отдельно не рассмотрена.

Роль Казахстана в качестве арсенала фронта, вклад эвакуанов в развитие народного хозяйства республики представлены в трудах академика М.К. Козыбаева [14]. М.К. Козыбаев совместно с Н.Е. Едыгеновым отмечают, что процесс эвакуации осуществлялся в соответствии с генеральной перспективой

развития восточных районов страны [15, с. 110]. Таким образом, отрицается вынужденный, зачастую стихийный характер эвакуационных процессов. Размещение эвакуантов и деятельность эвакуопредприятий в Северном Казахстане авторами отдельно не рассматриваются. В противовес мнению данных исследователей Я.Е. Чадаев [16], Г.А. Куманев [17] акцентируют свое внимание на вынужденном характере эвакуационных процессов, считая, что без успешного их проведения невозможно было организовать прочный тыл и оперативно переключить народное хозяйство на массовый выпуск военной продукции. Северный Казахстан отдельно авторами не рассмотрен.

Особенности организационной, военно-хозяйственной деятельности Советов Казахстана в годы войны, процесс размещения и обустройства эвакуопредприятий, эвакуонаселения в западных областях республики представлены в монографии Т.З. Рысбекова «Советы Казахстана (1938-1986 гг.)» [18]. В публикациях Ю.Шокаманова [19], Б.О. Жангуттина [20] отмечается, что проведенная в СССР в 1941–1942 гг. массовая эвакуация населения была беспрецедентной в истории стран и народов, как по своим масштабам и срокам, так и по условиям, в которых она проводилась. Место Северного Казахстана авторами не акцентируется.

В следующую группу работ включены труды, посвященные эвакуации в Казахстан научных, культурных, медицинских учреждений и их функционированию в республике в военный период. В их числе труды Н.Е. Едыгенова, Р.Б. Сулейменова, показывающие творческие изыскания эвакуированных деятелей культуры, их вклад в духовное развитие республики [21]. Северный регион республики авторами отдельно не рассмотрен. Л.Ш. Башировой, А.К. Бисенбаевым, Р.М. Жумашевым, М.А. Жакуповой исследованы актуальные аспекты культурно-просветительской работы, деятельность научных, медицинских учреждений и высших учебных заведений, учреждений, развитие социалистической культуры в масштабах всего Казахстана в годы Великой Отечественной войны [22]. В работах М.А. Жакуповой показаны особенности размещения эвакуированных медицинских учреждений в Казахстане, их вклад в развитие сферы здравоохранения, науки северного региона. Автор показал численность эвакуогоспиталей, в том числе и в Северном Казахстане, процесс реэвакуации эвакуообъектов в послевоенные годы.

Таким образом, в вышеотмеченных трудах внимание авторов уделялось стратегическому политическому, культурному аспектам эвакуации населения и предприятий в Казахстан, обосновывался ее закономерный, естественный с экономической точки зрения характер. Эвакуационные мероприятия рассматривались с позиции долгосрочного промышленного освоения территории республики. Вне поля зрения исследователей оставалась вынужденность, зачастую стихийность данных мероприятий, имевших важное государственное значение. Особенности приема, размещения, обустройства и деятельности эвакуантов и эвакуируемых, роль эвакуантов в этнодемографическом, мультикультурном развитии Северного Казахстана должного отражения в исторической литературе не получили.

Проблемы депортации в советской историографии не затрагивались в течение почти полувека, что было обусловлено политической, идеологической конъюнктурой советского государства. В большинстве случаев речь шла о добровольном, плановом переселении значительной части населения, ссылке в республику раскулаченных хозяйств, «неблагонадежных» народов, предателей и изменников Родины. В связи с перестроечным временем и политикой гласности, введением в научный оборот ранее засекреченных документов, пробуждением национального самосознания в отдельных союзных республиках интерес к проблемам насильственного переселения народов в СССР значительно возрос.

Одним из первых к проблемам депортации народов в рамках СССР в конце 80-х годов XX века среди зарубежных исследователей обратился А.М. Некрич, определивший этапы насильственных переселений, численность, этнический состав депортантов, их участие в экономическом развитии тоталитарного государства [23]. Автор приходит к выводу, что депортация в годы войны не была случайным актом, совершенным при чрезвычайных обстоятельствах военного времени, так как она осуществлялась как в довоенные, так и послевоенные годы. Роль Казахстана, севера республики отдельно автором не рассматривается.

В монографии Ф.Н. Базановой показан процесс трансформации этнодемографической картины Казахстана, определены причины, масштабы миграционных процессов республики в XX веке, обусловленных, в том числе и эвакуационным фактором. В силу

известных причин вне поля зрения Ф.Н. Базановой осталась проблема депортации народов в Казахстан. Автор лишь упоминает корейских переселенцев, отмечая добровольность их переселения в конце 30-х годов XX столетия [13].

Среди российских исследователей, занимающихся проблемами депортации народов, следует отметить В.Н. Земскова [24], Н.Ф. Бугая [25], П. Поляна [26]. В их трудах определены причины депортаций, география расселения спецпереселенцев, отражена численность депортантов, в том числе и в северных областях Казахстана. В.Н. Земсков, раскрывая историю раскулаченных крестьян (трудпоселенцев) в 1940-1945 гг., приводит данные численности, половозрастного состава, географии расселения трудпоселенцев по регионам Казахстана, показатели рождаемости и смертности этой категории населения, определяет причины переселения народов, сокращения численности спецпереселенцев в военные годы в результате социальных мероприятий государства, политики геноцида. В работах Н.Ф. Бугая убедительно показано, что депортация привела к трагедии целых народов, последствия которой проявляются и на современном этапе. Депортация отлучила народы от национальных корней, лишила их генетической памяти, превратив в обезличенное население, культурный слой этноса был разрушен и развеян. П. Полян выделил пять основных этапов депортации народов в СССР в 30-х - 40-х годах XX века, при этом без внимания оставив тотальную депортацию корейского населения и его размещение в Казахстане. Вероятно, данный этнос историк не считал «классически» депортированным народом, так как мероприятия по расселению и обустройству корейцев в республике носили противоречивый характер – с одной стороны советское государство проявляло заботу о нуждах переселенцев, с другой – лишало их родного очага, разлучало многих на долгие годы.

Академик М.К. Козыбаев одним из первых в отечественной исторической науке обратился к проблеме депортации этносов в Казахстан [27]. В ряде публикаций он осветил процесс депортации в республику советских немцев [28]. Автор считает, что депортационные и эвакуационные процессы имели отрицательное влияние на массовую мобилизацию населения республики в годы войны, так как советский режим в их лице имел дармовую рабочую силу [29, с. 174].

В работах К.С. Алдажуманова, Е.К. Алдажуманова [30],

М. Хасанаева [31], Т. Кульбаева, А. Хегая [32] представлены сведения о численности спецпереселенцев, депортированных в республику в довоенные и военные годы, показаны особенности использования депортантов в лагерной экономике республики, последствия депортации, специфика беззакония и произвола сталинского режима в отношении к собственным гражданам. Северный регион авторами отдельно не рассмотрен. Значительный интерес представляет работа Ж.Б. Абылхожина [33], в которой анализируется социально-экономическое развитие республики в годы войны, впервые в казахстанской историографии рассматривается «лагерная экономика» и использование труда заключенных. Драматические события 30-х годов XX века отражены в работах М. Койгельдиева и Т. Омарбекова [34].

В работе «История Казахстана. Народы и культуры» представлена динамика численности, этнический состав депортированного и эвакуированного населения, в том числе и в Северном Казахстане; показаны особенности миграционных процессов, их направления в республике в военное и послевоенное время, влияние депортационно-эвакуационного факторов на этнодемографическое самочувствие Казахстана [35].

В следующую группу вошли труды, посвященные истории депортации и размещению в Казахстане отдельных этносов.

На основе привлечения широкого спектра архивных материалов социально-экономическое, культурное развитие корейцев в Казахстане показано в работах Г. Хана, Д. Мена, И. Югая, А. Хегая, С. Ку, Ким Сын Хва, И. Кима, Л. Квона, З. Кима, Н. Пана, Б. Хасанова, С. Жетписовой, Ж. Ковжасаровой [36]. Депортация корейцев из Дальнего Востока в Казахстан, процесс их расселения и обустройства, социально-экономическое положение, правовой статус этноса, расселение получили освещение в работах Г.В. Кана [37]. Насильственному переселению в Казахстан корейцев в конце 30-х годов посвящены работы Г.Н. Кима. Автор обратился к проблемам историографии и библиографии изучения корейцев в Казахстане [38]. Результатом совместного труда П.М. Черныша и В.Н. Хана стала книга «Корейцы Костанайской области», написанная на документальной основе и повествующая об истории корейцев со времени их депортации из Дальнего Востока на территорию Костанайской области до наших дней [39].

Судьба депортированных в Казахстан немцев отражена в

публикациях К.Н. Эрлиха [40], Л.А. Будгарта [41], Э.В. Лайгера [42], В.И. Пассата [43], В.А. Аумана [44], А.А. Германа, В.И. Бруля, В. Бауэра, А.А. Айсфельда, Я.Е. Дитца и других. Луи де Йонг доказал несостоятельность обвинения немецкого народа в массовом предательстве [45]. Г.Г. Вормсбехер, А.Н. Кичихин осветили историю появления немцев в Казахстане, причины депортации, процесс их расселения в республике [46]. В.К. Штрек затронул численность немцев, развитие диаспоры в послевоенное время [47]. Г.К. Бельгер обратился к феномену «депортации» народов, исследовал ее истоки, трагические последствия. Основная часть публикаций автора посвящена депортации и размещению в Казахстане немецкого этноса [48]. Следует отметить, что на сегодняшний день комплексной работы, посвященной депортации и размещению в Северном Казахстане немцев, пока нет.

Депортации кавказских этносов посвящены публикации К.И. Чомаева [49], М.Н. Жабоева [50], Д.В. Шабаева [51], Х.М. Ибрагимбейли [52], И.М. Шаманова [53], Р.С. Агиева [54], Э.А. Аджиевой [55], Р.С. Тебуева [56], З.И. Шахбиева [57]. Ими упоминаются отдельные населенные пункты Северного Казахстана, где размещались кавказские этносы. Насильственное переселение поляков в Казахстан, процесс их обустройства исследованы С. Жаманкуловым [58], Л. Михайловой [59], С.М. Машимбаевым, Л.Т. Исовой [60].

Юридические аспекты депортации, правовой статус спецпереселенцев в Казахстане изучены Ю.И. Романовым [61], М.Т. Баймахановым [62], А. Хегай [63], Б. Жангуттиным [64]. Правовой статус спецпереселенцев и их борьба за свои права в Северном Казахстане ими отдельно не рассмотрены.

В следующую группу исследований включены труды, посвященные истории этнодемографического развития Казахстана в 30-е - 50-е годы XX века.

Следует отметить, что первые работы, появившиеся в 70-х годах XX столетия и рассматривавшие данную проблематику, характеризовались обзорностью, замалчиванием отдельных событий в истории Казахстана. При освещении динамики численности населения республики в военные годы основное внимание авторов уделялось эвакуации населения, его динамике и составу. В силу известных политических обстоятельств не получила должного отражения проблема населения, депортированного в Казахстан.

Е.Н. Гладышева одна из первых предприняла попытку определить изменения в национальном составе населения Казахстана, обусловленных, в том числе, депортационным и эвакуационным факторами [65]. Автор показал особенности и суть миграционной подвижности населения республики. В работах Е.Н. Гладышевой проанализированы материалы Всесоюзных переписей 1939 и 1959 гг., представлены этнодемографические изменения, имевшие место в Казахстане в военный и послевоенный период. Север республики автором отдельно не рассмотрен.

В трудах А.Н. Алексеенко, Н.В. Алексеенко содержатся ценные данные по численности, этническому составу депортированного и эвакуированного в Казахстан населения [66]. Показана этнодемографическая картина республики, ее трансформация вследствие воздействия различных миграционных процессов и факторов. М.Б. Татимов определил значение и масштабы миграционных процессов в Казахстане, показал влияние депортационного и эвакуационного факторов на этнодемографическую ситуацию в республике [67]. Северный Казахстан автором отдельно не рассмотрен.

Большое значение в области исторической демографии имеют труды М.Х. Асылбекова, А.Ш. Алтаева [68], А.Б. Галиева [69], рассматривающие социально-демографическое развитие Казахстана как многогранный, целостный процесс на фоне глобальных социально-экономических и политических преобразований в стране. Они показали роль миграционных процессов в этнодемографическом развитии республики. Северный регион авторами отдельно не показан. Значение миграционных процессов в Казахстане определено в работах Е.Б. Сыдыкова [70].

В числе исследований истории миграционных процессов в Казахстане следует отметить работы Е.Ю. Садовской [71]. Автор дала определение термину «депортация» в качестве акций этнического геноцида, определенного вида наказания. Без внимания Е.Ю. Садовской осталась эвакуация населения, оказавшая кратковременное, но значительное влияние на рост численности, разнообразие этнической картины республики, ее отдельных регионов. В.В. Козина рассмотрела миграционные процессы в Центральном Казахстане, осветила роль депортации в развитии многонационального состава населения республики [72].

Среди казахстанских философов отметим монографии

Н. Киикбаева, Е. Ержанова, К. Жандильдина. В работах М.М. Сужикова рассматриваются актуальные аспекты межнациональных отношений в Казахстане, история формирования полиэтничного состава населения Казахстана [73]. Особенности развития многонационального состава населения республики, истоки появления, современное состояние насильственно переселенных в Казахстан народов, политика государства в отношении казахстанских диаспор отражены в публикациях О. Дымова [74].

К истокам формирования казахстанской толерантности, полиэтничности, вопросам межнациональных отношений, перспективам развития казахстанских диаспор посвящены многочисленные труды Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева [75]. Глава государства обращается к трагедии переселенных народов, оценивая ее как «беспрецедентную в мировой истории акцию и по масштабам, и по жестокости». На примере собственного жизненного опыта, взаимоотношений членов его семьи с представителями депортированных народов, Н.А. Назарбаев показывает сложную судьбу насильственно переселенных в Казахстан людей.

Общие и частные аспекты депортации народов и эвакуации населения в Казахстан затрагивались в диссертационных исследованиях. Диссертация С.И. Ковальской посвящена историографии миграционного развития Казахстана, начиная с конца XVIII века до наших дней. Автор впервые в качестве объекта исследования выбрала работы историков за весь период изучения миграций населения республики [76]. А.Б. Есимова проанализировала демографические процессы в Казахстане в годы войны, определила роль и значение политических, социально-экономических и культурных аспектов [77]. Диссертация Ж.У. Кыдыралиной содержит материал о спецпереселенцах и трудармейцах в Западном Казахстане (1937-1957), их правовом статусе, взаимоотношениях с местным населением, трудовой деятельности, вкладе переселенцев в экономическое и культурное развитие западного региона республики [78]. А.И. Кудайбергенова определила изменения в социальном и национальном составе населения Казахстана с 1939 по 1959 годы [79]. А.А. Какенова изучила социально-демографические процессы в Северном Казахстане в 1926-1959 годах, затронула влияние депортации и эвакуации населения на этнодемографическую ситуацию севера республики [80]. В работе рассматривается

количественная сторона депортации и эвакуации, и ряда других факторов, оказавших влияние на трансформацию общей картины севера республики. Не показан процесс размещения, обустройства, правовое положение депортантов и эвакуантов, их противостояние с местными властями, их совместный вклад в развитие республики. М.Ч. Калыбекова рассмотрела Казахстан в качестве объекта переселения депортированных народов в 1937-1956 годы, исследовала историографию насильственного переселения народов, определила причины депортации, динамику численности, географию расселения, правовой статус, трудоустройство депортантов, последствия депортации [81]. В диссертации Ш.Т. Нурман представлена история переселенческой политики Советской власти в Казахстане с 1920 по 1941 годы [82]. Процесс насильственного переселения народов в Казахстан представлен в диссертации Н.А. Абуова. Автор, используя архивные материалы Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей, показал процесс переселения, численность, состав, правовой статус депортантов [83]. Размещению в Юго-Восточном Казахстане корейского населения, их современной судьбе посвящена диссертация Р.К. Ан [84]. В ее работе имеются сведения о корейских колхозах, перемещенных из Северного Казахстана в Жетысу. Е.В. Ярочкина исследовала историю корейской диаспоры в Северном Казахстане [85].

Несмотря на широкий спектр научных исследований, проблемы депортации этносов, эвакуации населения и миграционные процессы в Северном Казахстане в 30-х - 50-х годах XX века в комплексном виде не изучены. В перечисленных трудах эти вопросы рассматривались вкуче с другими факторами, оказавшими влияние на развитие республики. Процесс приема и размещения депортантов, эвакуации, эвакуопредприятий, обустройства эвакуантов в Северном Казахстане практически не рассмотрен, не показана динамика численности, этнический, социальный состав, правовой статус депортантов и эвакуантов, закономерный характер их борьбы за свои права, деятельность эвакуобъектов на севере республики. Недостаточно исследовано взаимодействие местного населения с депортантами и эвакуантами, влияние депортации и эвакуации на социально-экономическое, культурное развитие Северного Казахстана, республики в целом.

Учитывая актуальность и практическую значимость рассматриваемых в исследовании проблем, их недостаточную

разработанность, автор ставит перед собой цель – исследовать депортации этносов, эвакуации населения и миграционные процессы в Северном Казахстане в период с 1937 по 1956 годы во всем их многообразии.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

- определить двойственный статус Северного Казахстана в процессе приема, размещения, перераспределения прибывавшего в регион депортированного и эвакуированного населения, эвакуопредприятий по областям республики;

- определить динамику численности, этнический, социальный состав депортированного и эвакуированного населения, географию их расселения в Северном Казахстане;

- показать особенности размещения и обустройства переселенцев на севере республики;

- проанализировать причины и методы борьбы переселенцев за улучшение своего материально-бытового положения, правового статуса;

- показать роль депортированного и эвакуированного населения в развитии аграрного, промышленного секторов экономики севера республики;

- показать процесс дислокации и деятельности эвакуированных предприятий в Северном Казахстане;

- выявить основные этапы в истории этнодемографического развития северного региона республики в 1937-1956 гг.;

- проанализировать последствия депортации этносов и эвакуации населения, миграционных процессов в социально-экономическом, этнодемографическом, мультикультурном развитии Северного Казахстана, республики в целом.

Хронологические рамки исследования охватывают исторический период – с 1937 по 1956 годы. Это время характеризуется активными депортационными и эвакуационными процессами, оказавшими значительное влияние на этнодемографическое, социально-экономическое, культурное развитие Северного Казахстана, республики в целом.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Северного Казахстана. Территориальные границы Северного Казахстана в рассматриваемый период неоднократно изменялись, однако в 30-х - 50-х годах XX века регион объединял Костанайскую,

Северо-Казахстанскую, Павлодарскую, Кокчетавскую и Акмолинскую области. Основанием для выделения этих областей в единую общность наряду с географическими и хозяйственными параметрами, служит и специфика его исторического, социально-демографического и этнокультурного развития. В диссертации сохранены административные и географические названия и термины изучаемого времени.

Объектом исследования является этнодемографическое, социально-экономическое, культурное развитие Северного Казахстана в 30-х - 50-х годах XX века.

Предметом исследования являются депортированные этносы, эвакуированное население, миграционные процессы в Северном Казахстане в 1937-1956 гг.

Научная новизна исследования состоит в том, что данная монография является первым комплексным исследованием, посвященным депортации народов, эвакуации населения и миграционным процессам в Северном Казахстане с 1937 по 1956 гг.

В монографии на основе широкого круга ранее не вводимых в научный оборот источников:

- проводится региональное комплексное исследование проблем депортации этносов, эвакуации населения и миграционных процессов в Северном Казахстане в 1937-1956 гг.;

- использован значительный объем ранее малоизученных архивных материалов из фондов Государственных архивов Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Костанайской, Акмолинской, Павлодарской областей;

- в территориальных рамках Северного Казахстана проводится сопоставительный анализ процессов депортации и эвакуации населения, их влияния на этнодемографическое, социально-экономическое, культурное развитие севера республики. Показаны идентичные черты и отличительные особенности приема, размещения и обустройства переселенцев в северном регионе, их борьба за выживание и улучшение материально-бытовых условий;

- на материалах Северного Казахстана исследуются проблемы трансформации полиэтнической, мультикультурной картины региона, транзитного статуса севера республики в процессе приема и размещения депортантов и эвакуантов;

- выявлены этапы в истории этнодемографического развития Северного Казахстана в 1937-1956 годы. Первый этап охватывает

1937-1941 годы, второй – 1941-1945 годы, третий – 1945-1956 годы. В научный оборот вводятся следующие термины и понятия: «эвакуанты», «места первоначального, повторного, окончательного расселения», «методы активного, пассивного сопротивления», «миграционная мобильность этноса», «этнофобия», «этнонигилизм».

Источниковую базу исследования составляет комплекс архивных, статистических источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот. В зависимости от своего содержания фактическая база диссертационного исследования может быть дифференцирована на следующие группы источников.

Основной группой источников являются официальные документы, касающиеся в целом национальной политики СССР в отношении депортированных в Казахстан и его северные области народов, а также государственных мероприятий, направленных на эвакуацию и размещение в Казахстане населения, промышленных предприятий, объектов культуры, науки, здравоохранения. В исследовании использовались материалы фондов Архива Президента Республики Казахстан, Центрального Государственного архива Республики Казахстан, Государственных архивов Костанайской, Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Павлодарской, Акмолинской областей.

В ходе исследования были изучены документы фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан: №1109 - Президиума Верховного Совета КазССР, №37 - Совета Министров КазССР, №30 - Совета Народных Комиссаров КАССР, №5 – ЦИК КАССР, №937 - Управление Уполномоченного при СНК КССР по переселению, Республиканская контора «Спецстрой», №83 – Наркомтруд КАССР, №698 – Казгоскомстат. Были также использованы дела фондов №40 – НКВД КАССР, 350 – Центральная административная комиссия при ЦИК КАССР, №1137 – Совета министров Казахской ССР. Также были изучены дела Архива Президента Республики Казахстан, в частности, фонды №141 и 708, содержащие документы о деятельности Казкрайкома ВКП (б) и ЦК Компартии Казахстана с 1937 года, №139 – ЦИК КССР, а также дела из «Особых папок».

В монографии использованы фонды архива Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан по Костанайской области (фонд №3 «Спецпереселенцы»). Были изучены личные дела

спецпереселенцев, находившихся на спецпоселении до 1956-1957 годов в Северном Казахстане, а также документы Костанайского областного историко-краеведческого музея (отдел №7 «Кустанайская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годы»).

В процессе работы были изучены фонды областных и районных Советов народных депутатов, их отделов и управлений сельского хозяйства, органов статистики, фонды колхозов и совхозов, списки землепользователей. Особенную ценность представили документы директивного характера партийных органов, постановления Правительства КазССР и решения облисполкомов и райисполкомов, протоколы общих собраний колхозников, земельные балансы и другие архивные материалы.

В Государственном архиве Костанайской области изучены фонды: №72 - документы о размещении и обустройстве корейцев, поляков, немцев, народов Северного Кавказа, эвакуации; №268 – документы о материально-бытовом обслуживании спецпереселенцев; №250 - материалы о деятельности депортантов и эвакуантов в сфере образования; №54 - документы о численности, этническом составе депортантов; №616 - коллекция документов личного происхождения репрессированных граждан. В работе использованы материалы фондов: 234 (Статистическое управление исполнительного комитета Кустанайского облисполкома) и 268 (Кустанайский облисполком).

В Государственном архиве г. Кокшетау в фондах №№13, 730, 107, 22, 1383, 1189 изучены документы о размещении и обустройстве польского, чеченского, ингушского, балкарского, иранского этносов. В Государственном архиве Акмолинской области изучены материалы фондов №№ 554 (Статистическое управление Акмолинской области), 1 (Акмолинский обком КП Казахстана), 25 (Акмолинский райком КП Казахстана), 223 (Целиноградский горком КП Казахстана), 27 (Акмолинский горсовет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), 182 (Списки административных ссыльных заключенных Акмолинска). Депортации в Северо-Казахстанскую область корейского, чеченского, ингушского, балкарского, польского этносов исследованы в документах Государственного архива Северо-Казахстанской области в фондах №№1189, 1472, 2143, 1646, 30, 1383. В Государственном архиве Павлодарской области исследован фонд №646, содержащий архивные документы о депортации и размещении в области польского населения.

Прием, размещение и расселение, учет эвакуированного населения, его численность и трудоустройство в Кустанайской области представлены в фондах №№72-П (Оп. 6. Д. 156, 157, 165; Оп. 8. Д. 92), 268 (Оп. 11. Д. 24), 250 (Оп. 1. Д. 35). Вопросы размещения и обустройства эвакуированных в северный регион промышленных предприятий отражены в фондах №№268 (Егорьевский станкостроительный завод «Комсомолец», фабрика «Клинволокно», Сталинградская авиашкола пилотов), 72-П (оборудование промартелей с Украины), 779, 250, 8-П, 250, 520 (швейная фабрика «Большевичка»), 348 («Казглавкожобувьпром»), 1455, 151-П («Химволокно»), 1533 (Тогузакский механический завод), 249 (эвакогоспитали). Аналогичные процессы в масштабах Кокшетауской области представлены в фондах №№13, 22, 1383, 1189, Северо-Казахстанской области - в фондах №№1189, 30.

Вторую группу источников составили данные периодической печати, статистические сборники, отдельные архивные сообщения неофициального характера и т.д. Удельный вес материалов этой группы незначителен, так как в них, как правило, не поднимаются вопросы социально-экономического характера, а основное внимание уделяется политическим проблемам.

Основным источником информации об устройстве депортантов и эвакуантов являются статистические отчеты исполкомов районов, городов, областей, ежемесячно предоставлявшиеся в отделы по хозяйственному устройству депортированного и эвакуантского населения при областных исполкомах. Ценные сведения о численности, составе, обустройстве депортантов и эвакуантов в Северном Казахстане содержат отчеты, составлявшиеся по переписи населения 1939 года, ежегодных отчетов аульных сельских советов, информации, ежемесячно предоставляемой паспортными столами и ЗАГСами районов, областей. Информация об особенностях размещения депортантов и эвакуантов содержится также в планах, результатах проверок обустройства, докладных записках, справках, приказах, телеграммах, письмах, личной переписке и других документах. В работе были также использованы статистические разработки списков избирателей голосования в Верховный Совет СССР и Верховный Совет КССР, которые помогли определить возрастной и половой состав взрослого населения северных областей Казахстана. Были также задействованы данные записей книг о гражданском состоянии.

Следует отметить субъективный характер некоторых сведений о

численности населения Кустанайской области за данный период. Связано это было с тем, что большое количество людей не было зафиксировано в документах паспортных столов, вследствие отсутствия у них прописки в конкретных населенных пунктах. Кроме того, причиной недоучета населения стал факт бездействия ЗАГСов некоторых районов области в течение определенного времени, в результате чего имели место разрывы в сроках регистрации актов рождений и смерти людей.

Трудность объективного изучения исследуемых проблем заключалась в противоречивости данных различных источников, порой в ошибочности и фрагментарности их свидетельств. Несмотря на этот факт, источниковая база в целом достаточно информативна и дает солидный фактический материал, позволяющий глубоко исследовать различные аспекты рассматриваемых проблем.

Процесс эвакуации отражен в сборнике «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945» [86]. Архивом Президента Республики Казахстан были изданы сборники: «Из истории поляков Казахстана (1936-1956 гг.)» [87], «Из истории немцев Казахстана. 1921-1975 гг.» [88], «История Казахстана: исследования и документы. Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг.» [89]. Большое значение в освещении переселений этносов в республику имеет сборник документов: «История Казахстана: белые пятна» [90]. На страницах сборника материалов «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» известные историки, политологи, писатели, юристы на строго документированной основе анализируют и раскрывают суть процесса депортации народов, их размещение в Казахстане. Работа охватывает наиболее значимые вехи трагической эпопеи, включая ранее неизвестные сведения и факты, уникальные свидетельства очевидцев и жертв политических репрессий [91]. Важное место в освещении исследуемых проблем занимает также сборник документов «Спецпереселенцы в Карагандинской области» [92]. История депортации корейского, чеченского, ингушского этносов, их размещение в Казахстане и трагическая судьба описаны в «белых книгах» [93].

В монографии использованы данные Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959 годов, материалы периодической печати, в частности, Кустанайской областной газеты «Сталинский путь» и др. На страницах газет «Правда», «Казахстанская правда», «Большевик

Казахстана» получили отражение проблемы экономики, искусства, науки, здравоохранения Казахстана в военные годы. Судьба депортированных в республику немцев нашла свое отражение в многочисленных публикациях, размещенных в литературно-публицистическом альманахе «Феникс».

Теоретико-методологическая основа монографического исследования опирается на методы и методологические принципы научного исследования, позволяющие показать сущность изучаемых проблем. В качестве основополагающего метода исследования следует отметить сравнительно-исторический метод, позволяющий изучать проблемы депортации этносов, эвакуации населения и миграционных процессов в Северном Казахстане в 1937-1956 гг. в их хронологической, логической, количественной и качественной взаимосвязи. В связи с этим изучение проблем осуществлялось в сопоставлении их между собой с целью выявления общих и особенных черт, определения влияния депортационных и миграционных процессов на этнодемографическое, социально-экономическое, культурное развитие севера республики. В ходе изучения диссертационных проблем использовались принципы историзма, научной объективности, целостности, развития. Следуя принципу историзма, материал излагается в хронологической последовательности. Объективность достигается привлечением архивных документов, стремлением к всестороннему анализу документов, относящихся к объекту исследования.

Большое значение имеет применение диалектического подхода в плане исследования противоречивых тенденций, обнажившихся в политике советского государства в отношении собственного народа, обосновании процессов депортации и эвакуации населения в Северный Казахстан. Одним из ключевых аспектов в диссертации является принцип объективности, связанный с преодолением идеологических стереотипов, односторонности в трактовке отдельных проблем и фактов, недооценки или переоценки роли исторических событий. В работе также применялись конкретно-исторический, проблемно-хронологический, описательный методы исследования. Применяя принцип системного анализа, изучение диссертационных проблем осуществлялось в качестве последовательных и одновременных событий, как в республиканском, так и общесоюзном масштабе. Наличие обширного объема историко-статистического материала обусловило применение

статистических методов для оценки степени достоверности, полноты и репрезентативности источниковой базы исследования.

Одними из основных теоретико-методологических работ, использованных в монографии, являются труды Г.М. Иванова, А.М. Коршунова, Ю.В. Петрова, В.В. Иванова, И.Д. Ковальченко, И.Д. Андреева, В.А. Виноградова, М.К. Козыбаева, Х.М. Абжанова, Н.А. Абдуллаева, Е.А. Абиля, посвященные проблемам методологии и методам исследования исторической науки, в том числе и истории Казахстана [94].

Научная и практическая значимость исследования заключается в необходимости восполнения имеющихся пробелов в истории этнодемографического развития Северного Казахстана в середине XX века, попытке объективно подойти к освещению исследуемых проблем, показать влияние депортации и эвакуации на развитие полиэтнической, мультикультурной картины Северного Казахстана, республики в целом. Значимость диссертации также заключается в соотнесении исторического феномена данных проблем с идентификацией народов Казахстана.

Статистический и фактический материал, представленный в монографии, может использоваться при создании работ, посвященных формированию полиэтнического облика Северного Казахстана, подготовке спецкурсов и лекций по истории Казахстана, социальной истории, исторической демографии Казахстана, политологии, социологии, этнологии, курса по проблемам миграции населения, другим гуманитарным дисциплинам.

1. ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН

1.1 Численность, география расселения депортантов

Процесс депортации представляет собой одну из специфических форм или разновидностей политических репрессий. Они являлись своеобразной формой учёта и принуждения государством его политических противников. Определяющими особенностями депортаций как репрессий, являются их административный характер, принудительность, «списочность», направленность не на конкретное лицо, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и осуществляемую по инициативе и приказу партийных и государственных органов, ОГПУ, НКВД и других ведомств. Для принудительных депортаций характерны организованность и масштабность. Наиболее яркий пример - так называемые «наказанные народы, представителей которых выселяли не только с их исторической родины, но и из всех других районов и городов, а также демобилизовались из армии, что, по существу, являлось этнодепортацией, которой в 1930-е - 1940-е годы была охвачена вся страна. Одновременно с местом жительства представители «наказанных народов» лишались своей автономии, относительной национальной государственности. В СССР тотальной депортации были подвергнуты десять народов - немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы, крымские татары (лишились своих национальных автономий), финны, корейцы, турки-месхетинцы; частичной - более сорока этносов Советского Союза [71, с. 33].

Официальной версией применения тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Собственно говоря, превентивные депортации – это наказание даже не за потенциальное предательство, а за «принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война» [95, с. 187].

Первым этносом, подвергшимся тотальной депортации в Северный Казахстан в конце 30-х годов XX века, стали корейцы. Именно на них апробировался механизм насильственной переселенческой политики советского государства, система испытаний на выживаемость, жизнеспособность народов.

Первые представители корейского народа появились в республике уже в 1935-1936 годах в результате административного переселения бывших партизан, участников корейского освободительного движения [91, с. 109]. 21 августа 1937 года было принято постановление №1428-326 сс СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», согласно которому в Казахстан из Бурят-Монгольской АССР, Хабаровского, Приморского краев и Читинской области были депортированы корейцы [96, с. 11]. Через три дня после выхода Постановления в Алма-Ату поступила шифрограмма Ежова, в которой перед местными работниками НКВД ставилась задача разработки административных мер по предотвращению бегства корейцев в другие районы и распылению их по СССР, а также укрепления оперативного аппарата районов вселения, усиления агентуры с учетом возможных попыток японцев установить связь с корейцами.

Корейцы пережили два этапа переселения. Первый - с осени 1937 года до весны 1938 года. В этот период их перевезли с Дальнего Востока, разместив в землянках, складах, конюшнях, свинарниках, бывших тюрьмах, брошенных мечетях. К концу 1937 года в Казахстан была переселена основная часть корейцев [96, с. 8, 51].

Согласно планам НКВД СССР, первоначально предусматривалось разместить в Казахстане 6 тысяч семей, из них половина должна была заниматься рыболовством на Арале и Балхаше, другая – рисоводством в Южно-Казахстанской области. В Северном Казахстане на землях Красноармейского и Тарангульского совхозов Северо-Казахстанской области планировалось расселить 3 тысячи хозяйств, на землях свиновхоза «Красный Партизан» Кустанайской области – 500 хозяйств [96, с. 16]. По решению СНК КССР от 9 октября 1937 года первыми на станцию Кустанай должны были прибыть 200 семей служащих [39, с. 46]. Эшелон с корейским населением из Кур-Урминского района Хабаровской области был отправлен 19 октября 1937 года в количестве 349 семей, 1318 человек. Он прибыл 7 ноября в п. Федоровка Кустанайской области [39, с. 40]. Прибывшие колхозы были размещены: в Кустанайском, Затобольском, Федоровском, Мендыгаринском, Джетыгаринском, Орджоникидзевском, Карабалыкском, Семиозерном, Убаганском, Тургайском районах и Кустанае [39, с. 48, 49].

В октябре 1937 года в Северо-Казахстанскую область были

завезены 9350 корейцев, 1775 семей, 524 одиночки в количестве 25 колхозов. Их расселили в колхозах с немецко-польскими переселенцами в Келлеровском, Красноармейском, Сталинском районах. Среди них 96 членов и кандидатов ВКП (б), 165 комсомольцев, 50 студентов, 647 специалистов сельского хозяйства.

К 1 декабря в СКО из ДВК, Хабаровского края прибыло 11911 человек. Они были размещены в Блюхерском, Келлеровском, Красноармейском, Сталинском, Шортандинском, Летовочном, Атбасарском, Акмолинском районах [97, л. 193]. В их числе: колхозники - 1080 семей, 5160, рабочих - 456 семей, 1540, чернорабочие – 339 семей, 1100, служащие – 371 семья, 1169, члены кустпромартелей – 58 семей, 293, неорганизованные колхозники, рабочие, единоличники – 633 семьи, 2641 человек [97, л. 188]. Среди прибывших 129 человек являлись членами в кандидаты ВКП (б), 234 – ВЛКСМ, членами профсоюзов - 74 корейца, в том числе 22 квалифицированных специалиста, 6 чернорабочих, 46 служащих. Часть имела высшее и средне-специальное образование - 102 студента: из педагогического - 16, медицинского – 5, политехнического – 1, строительного – 1 институтов; медицинского – 8, сельскохозяйственного – 17, педагогического – 41, индустриального – 1, морского – 2, автодорожного – 1, авиалетного – 2, музыкального – 1, физкультурного – 1, техникумов, рабфака – 4 [97, л. 222].

В Павлодарскую область корейцев не завозили. Но, согласно информации сотрудника государственной безопасности Шкеле от 1-2 февраля 1938 года, в Карагандинской области были размещены 3037 семьи, 14 792 человека. Часть из них являлась шахтерами и горняками. Несколько семей были переселены в с. Майкаин и направлены на работу в комбинат Майкаинзолото, расположенный в Баянаульском районе, относившемся к Карагандинской области. Позднее, согласно Постановлению Президиума ЦИК КССР от 4 февраля 1938 года, в состав Павлодарской из Карагандинской области был включен Баянаульский район. Так в Павлодарской области появились корейские семьи [98, с. 113].

Численность корейцев в Казахстане росла ежемесячно. На 1 февраля 1938 года в республике насчитывалось 20 789 семей, 98 454 человека [96, с. 69]. В Северо-Казахстанской области – 2299 семей, 9350 человек, Кустанайской – 720 семей, 3 746 человек [96, с. 44]. Из 720 хозяйств Кустанайской области в свиновхозе «Красный

Партизан» были размещены 500, в порядке доприселения – 100, рабочих, служащих, кустарей – 120 хозяйств [39, с. 72].

В феврале 1938 года начался второй этап переселения. С этого времени корейцев стали расселять в местах их постоянного проживания. Основная их масса была размещена на неосвоенных землях, на землях разорившихся, экономически нерентабельных, ликвидированных совхозов [39, с. 8]. Это было связано с тем, что на их территории имелось хоть какое-то жилье, обветшалые, заброшенные, недостроенные здания, где переселенцы могли найти приют. Кроме того, они были почти изолированы от местного населения. Полагаем, что за счет размещения переселенцев в таких «ненаселенных пунктах», власти пытались «вдохнуть» вторую жизнь в эти разорившиеся хозяйства.

С первых дней пребывания в Северном Казахстане корейцы просили местную власть о переселении в другие регионы. Так, 3 марта 1938 года корейцы колхоза «1 Марта» Келлеровского района СКО обратились с просьбой о переселении в Южный Казахстан для занятия рисоводством [97, л. 113]. Корейцы колхозов «Осоавиахим», «Имано-Вакский», «Пионер», «Новая жизнь» и «Ленинский путь» предупредили, что в случае отказа их ожидает голодная смерть. Не дожидаясь разрешения вопроса, 580 хозяйств выехали из области [97, л. 172]. Причинами массовых выездов были трудная адаптация к суровым северным условиям, неустроенность, отсутствие продовольствия, одежды, возможности заниматься традиционным хозяйством, поиск родных и близких.

Покидая Северный Казахстан, корейцы обустроивались в южных, юго-восточных областях республики. К примеру, колхозы «Пионер», «Имано-Вакский», «Новый путь», «Тихоокеанский революционер», «Осоавиахим», колхоз имени Сталина, выехавшие из СКО, обосновались в Алма-Атинской области [84, с. 138]. Из СКО весной 1938 года 799 корейских хозяйств были вывезены в совхоз «Каратал» Алматинской области [97, л. 113].

В Кустанайской области в поисках лучшей доли из Мендыгаринского, Карабалыкского, Семиозерного и Федоровского районов выехали практически все корейцы. Часть осела в Кустанае, пригородных колхозах, где занималась выращиванием овощей, злаковых культур. Часть семей переселилась в Джетыгару для работы на комбинате «Джетыгаразолото». Вместе с тем и из Джетыгары весной 1938 года выехало около 100 семей. В Тургайском районе

разбежались рыболовецкие артели «Рыбак» и «Джаманау-Му», где рыбачить было сложно [39, с. 49-51].

О постоянном движении корейского населения в масштабах севера свидетельствуют примеры. Так, в январе 1938 года из п. Васильевского в Затоболовку выбыли 11 корейских семей [39, с. 115]. Корейцы из п. Комсомолец Келлеровского района СКО, просились выехать в Караганду для воссоединения с главами их семейств, которые трудились на шахтах и рудниках региона [92, л. 172-174].

В результате миграции корейцев преимущественно в южные области республики их численность на севере сократилась. В СКО на начало 1938 года осталось около 7 тысяч корейцев, Кустанайской области - 992 хозяйства. К концу года в Кустанайской области насчитывалось 983, по другим данным – 1084 хозяйства [100, л. 12-14], СКО - 778 хозяйств [101, л. 18]. Всего в Казахстане в 1937-1938 годах было образовано 70 корейских колхозов, где проживало 8037 семей, 35 724 корейца [39, с. 125]. Остальная часть проживала смешанно с другими этносами.

На 1 января 1939 года в Акмолинском районе насчитывалось 29 корейских хозяйств, 116 человек, Петропавловске – 20 хозяйств, 110 человек, Сталинском районе – 77 хозяйств, 310 корейцев, на руднике «Джаламбет» - 169 хозяйств, 837 корейцев, Келлеровском районе – 67 хозяйств, 256 человек, Красноармейском районе СКО – 10 хозяйств, 40 корейцев [39, с. 146]. К 7 октября 1939 года в Кустанайской области располагалось 1088 хозяйств [102, л. 152].

К середине 1939 года отток корейцев из Северного Казахстана продолжился. В Кустанайской области имелось 1090 корейских хозяйств, размещенных в двух колхозах. Значительную часть составляли рабочие и служащие – 587 хозяйств. В СКО насчитывалось 772 хозяйства, размещенных в 5 колхозах [97, л. 67]. В Северном Казахстане насчитывалось 7 корейских колхозов.

В предвоенные годы частичной депортации подверглись поляки. В начале 1936 года были переселены поляки, проживавшие в Западной Украине и Западной Белоруссии. К концу 1936 года в Северном Казахстане насчитывалось 68 тысяч поляков. Большая часть этих хозяйств была расселена в колхозах СКО. Сюда они прибывали из Киевской, Харьковской, Винницкой и ряда других областей. В Кустанайской области было размещено 1000 польских хозяйств [87, с. 20]. Переселение поляков продолжалось и в последующие месяцы. В результате поляки стали преобладать в

Северо-Казахстанской (53 %) и Акмолинской областях – 22 % [87, с. 115, 116]. В Келлеровском, Красноармейском, Сталинском районах Северо-Казахстанской области к 1938 году насчитывалось около 30 тысяч поляков [87, с. 138, 139]. Население этих районов состояло из спецпереселенцев: поляков, немцев, корейцев. В Кустанайской области поляки были сосредоточены в Карасуском, Тарановском, Урицком, Семиозерном и других районах.

Следует отметить, что накануне войны, в 1939-1940 годах в состав СССР вошли Западная Украина и Западная Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония. Советская власть приступила к переселению проживавших там поляков. Всего было четыре операции по переселению поляков: три в 1940 году и одна – в мае-июне 1941 года. Причинами переселения являлось «стремление ослабить этническую напряженность, избежать возможности пособничества фашистам в выступлении против Советской власти». Этапирование эшелонов в глубь СССР отнимало от 2 до 4 недель. Операции проводили ночью, между двумя и шестью часами. Контингентом первой депортации являлись бывшие военнослужащие, получившие землю в Восточной Польше. Весной 1940 года состоялась отправка офицеров, госслужащих, помещиков, участников повстанческих организаций. В каждый дом посылали подводы и солдат. Стучались, сверяли списки, отбирали паспорта, брать с собой разрешалось до 100 кг. Подводы подавали к станции, грузили в товарные вагоны [87, с. 97].

В основном поляков направляли в Кустанайскую, Северо-Казахстанскую, Павлодарскую и Акмолинскую области. Весной 1940 года в СКО находилась 21 000 поляков, Павлодарской – 11 201 поляк. Местами их сосредоточения в Павлодарской области являлись: Кагановичевский, Куйбышевский, Иртышский, Бескарагайский, Баян-Аульский, Максим Горьковский районы [98, с. 105]. В один Урлютюбский район было направлено 300 поляков. Численность поляков в местах расселения колебалась от 1,5 до 2 тысяч человек [87, с. 100].

Осенью 1940 года переселение поляков в Казахстан возобновилось. Из Западной Украины и Белоруссии в республику было переселено свыше 60 тысяч человек [87, с. 163]. В июне 1941 года переселению подверглись польские граждане, бежавшие на восток, большинство которых являлось евреями. Их также расселили на севере республики. В СКО стало насчитываться 20 064,

Павлодарской – 11 411, Кустанайской – 8705, Акмолинской - 1894 поляка.

К началу войны в Казахстане было расселено свыше 130 тысяч поляков. В первые месяцы войны в республику прибыло еще около 50 тысяч человек. В Северном Казахстане насчитывалось около 50 тысяч поляков [87, с. 128, 186]. В Кустанайской области их разместили в Мендыгаринском, Орджоникидзевском, Семиозерном, Тарановском, Федоровском районах [103, л. 3]. Согласно докладной записке председателя Кустанайского облисполкома от 4 декабря 1941 года в Кустанайской области проживало около 5 тысяч поляков.

В Павлодарской области они проживали в Баянауле, Павлодарском районе и Павлодаре [104, с. 112]. В СКО – Айртауском, Мамлютском, Красноармейском, Ленинском, Пресновском, Келлеровском районах, Кокчетаве. На 25 декабря 1941 года в Павлодарской области насчитывалось 9333, к середине следующего года - около 8 тысяч поляков [104, с. 15].

Вскоре после нападения Гитлера на СССР и установления официальных отношений с польским правительством в Лондоне Указами Президиума Верховного Совета от 12 июля и 17 августа 1941 года многие поляки были амнистированы и освобождены из спецпоселения: им разрешалось свободное проживание, кроме пограничных и запретных зон, а также режимных городов. В январе 1943 года бывшие польские граждане были паспортизированы, большинство из которых получило советское гражданство, часть сохранила польское. По соглашению между правительствами СССР и Польши от 30 июля 1943 года амнистия была распространена на всех бывших польских граждан на территории СССР.

К октябрю 1943 года в Казахстане насчитывалось 64 267 поляков, из них в Северном Казахстане – 28 439. В Акмолинской области проживало 9098, Кустанайской – 5545, Павлодарской – 5600, СКО – 8196 человек [87, с. 185]. В последующие годы их численность в республике значительно сократилась.

В ночь на 15 декабря 1937 года в Грузии, Крыму, Приазовье, на Кубани начались массовые аресты и расстрелы греков, которым вменялась «шпионско-диверсионная, антисоветская, повстанческая, националистическая работа в СССР по заказу английской, германской и японской разведок» [105, с. 30]. С 1942 по 1950 годы были приняты Постановления Президиума Верховного Совета о депортации греческого населения на восток. В постановлении ГКО от

12 мая 1941 года говорилось о том, что «изгнание греков с Черноморского побережья Краснодарского края и Грузии, из Крыма осуществлялось с целью очищения пограничных районов государства от нерусских народов ввиду неверия в их благонадежность».

Депортации греков в Казахстан осуществлялась в три этапа. В 1942 году были высланы греки из Краснодарского края, в 1944 - из Крыма, в 1949 - из Грузии. Репрессии против греков осуществлялись, прежде всего, в отношении мужчин, именно они в возрасте от 20 до 55 лет составляли 90 % «изъятых».

В Постановлении ГКО от 11 мая 1944 года греков наряду с крымскими татарами, болгарами, армянами именовали немецкими пособниками. В июле планировалось выселить 14 300 греков. Людей перевозили в товарных вагонах, все имущество было конфисковано. О том, как происходило переселение, вспоминал Н.И. Чангалиди. Семья жила в Краснодарском крае. 10 апреля 1942 года его вместе с другими греками вызвали в отделение милиции и «предложили» в течение пяти дней выехать в Казахстан. Эшелон до места назначения шел 62 дня. Практически 20% греков погибло в пути следования. Выгрузились на станции Тогузак Комсомольского района Кустанайской области. Причины спешного выезда им никто не объяснял, говорили, что это лишь на время войны» [105, с. 30].

Значительная часть греков была расселена в Южном Казахстане, однако, небольшое их количество было направлено в северные области республики. Так, в Кустанайской области греков разместили в Комсомольском, Семиозерном, Федоровском, Урицком районах, Кустанае. В области в годы войны на спецучете находились 107 греков [106, л. 1]. В Федоровском районе греческое население проживало в п. Александрополь.

В Северном Казахстане также были размещены депортированные иранцы. В октябре 1938 года под грифом «секретно» вышло Постановление СНК СССР №1084-269 «О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР». Более 2 тысяч иранских семей были выселены из Азербайджана, Туркменистана, Грузии, Армении и расселены в Казахстане. К 1939 году в Казахстане насчитывалось 73 иранских колхоза. Значительная часть была размещена в Северо-Казахстанской и Павлодарской областях. Только в СКО было обустроено 68 иранских колхозов, 1329 хозяйств [107, л. 1]. Согласно Постановлению бюро Павлодарского обкома КП (б) К от 17 мая 1940

года «О разгрузке Павлодара и Павлодарского района от иранцев» из Павлодара в Иртышский район были направлены на расселение 450 иранцев, не занятых на постоянной работе, 300 иранцев - в Урлютюбский район [104, с. 123].

Приток иранского населения в область продолжался в последующие месяцы. В августе 1940 года прибыли 4056 хозяйств [104, с. 122]. На конец сентября 1941 года в 12 районах области насчитывалось 21 147 человек, планировалось еще разместить 15 000 иранцев [104, с. 75]. К концу года в Павлодарской области было зафиксировано свыше 36 тысяч иранцев [104, с. 2]. Они были сосредоточены в Цюрюпинском, Максимо-Горьковском, Иртышском районах. В Кустанайской области их зарегистрировано не было.

В 1937-1939 годах в Казахстан были переселены азербайджанцы, турки, ассирийцы, армяне. Переселение азербайджанцев было осуществлено согласно решению НКВД Азербайджанской ССР от 10 мая 1937 года. В ноябре-декабре 1937 года в Казахстан прибыли курды, жившие на пограничной полосе с Турцией в Азербайджане и Армении. К концу года в южных областях республики насчитывалось 1121 курдских и армянских хозяйств [35, с. 189]. В Северном Казахстане курды, наряду с тюрками и армянами к середине 1939 года проживали в двух колхозах Северо-Казахстанской области в количестве 737 хозяйств [108, с. 10].

Увеличение численности этих этносов в Казахстане можно проследить по материалам переписей населения. Если по переписи 1926 года в Северном Казахстане проживали 6 азербайджанцев, то в 1939 году - 1100 человек. Численность армян с 13 в 1926 году возросла до 1388 в 1939 году. По состоянию на 1 мая 1942 года в Павлодарской области были зафиксированы 1 армянин, 1 турок, 5 татар [109, л. 64].

Летом 1940 года депортации охватили Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину. 14 июня советское государство предъявило ультиматум Литве, 16 июня - Латвии и Эстонии. В Прибалтике и Молдавии депортация «антисоветских элементов» началась в конце мая 1941 года. Их арестовывали, изымали имущество и направляли в лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующим поселением на 20 лет в отдаленных местностях СССР, в том числе в Казахстане. Директива от 14 июня 1941 года «План мероприятий НКВД по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР»

предусматривала выселение свыше 80 тысяч человек. Часть населения предполагалось разместить в Казахстане, из них в Кустанайской области - около 2 тысяч человек. Операция по переселению была начата в полтретьего ночи с 12 на 13 июня 1941 года, на сборы давалось 2 часа.

По состоянию на 1 мая 1942 года в Павлодарской области было зафиксировано 11 латышей, 12 молдаван, 1 мадьяр, 1 австриец, 9 румын, 4 чеха, 6 евреев, 6 мордовцев, 8 хорватов, 5 чувашей, 10 французов [109, л. 64]. Эти переселенцы прибыли в область не только из стран Прибалтики, но и были «за компанию» переселены из ряда восточноевропейских государств.

Начальный этап депортации немцев в Казахстан следует отнести к 1931 году, когда из республики немцев Поволжья было переселено 11 285 раскулаченных семей. В 1936 году из приграничных с Польшей районов Украины, в составе поляков в Казахстан прибыли 20 тысяч немцев [74, с. 58]. Их направляли в СКО, Кустанайскую, Павлодарскую и Акмолинскую области. Только в СКО насчитывалось 30 смешанных немецких и польских поселков [97, л. 6]. На начало 1938 года здесь проживало 11 099 немцев [87, с. 56].

О значительной концентрации немцев в Казахстане в довоенное время свидетельствуют данные переписи 1939 года, по которой в республике проживали 92 571 немец, из них в северных областях – 49 420 человек. В Кустанайской области – 9794, Павлодарской – 6553, Северо-Казахстанской – 22 969, Целиноградской – 10 104 немца [35, с. 132].

С началом войны репрессии против немцев возобновились. 28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживавших в районах Поволжья». В этот же день СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О переселении всех немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края области». Одновременно объявлялись указы о переселении немцев из Мурманской, Московской, Краснодарской областей, Ленинграда, Грузинской, Азербайджанской, Армянской ССР и других регионов. В Указе отмечалось, что «среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья. О наличии большого количества диверсантов и шпионов никто из немцев

Поволжья советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает врагов советского народа, Советской власти. В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии в республике немцев Поволжья, прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против немцев Поволжья. Во избежание нежелательных явлений и предупреждения кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем, чтобы переселяемые были наделены землей, чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах» [74, с. 159, 160].

Этот документ являлся своеобразным обоснованием и оправданием «вынужденной» насильственной переселенческой кампании советского государства по отношению к немецкому народу. Одним росчерком пера «решалась» проблема профилактики, предупреждения массовых преступлений со стороны немцев Поволжья.

Первыми переселению подверглись немцы Ленинградской области. В Казахстан к концу 1941 года были переселены 7 тысяч немцев. 8 октября 1941 года было принято Постановление ГКО №744 сс «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР». К концу года в Казахстан прибыли немцы из Дагестана, Чечено-Ингушской АССР – 7306, Калмыцкой АССР – 5965, Куйбышевской области – 8665, Московской – 8617, Ростовской – 21 400 человек. Для осуществления перевозки от станций прибытия до мест вселения выделялись денежные средства. Кустанайской, Акмолинской, Северо-Казахстанской областям выделили по 100 тысяч рублей, Павлодарской – 262 тысячи» [110, л. 2].

По аналогии с поляками, основная часть немцев была размещена в Акмолинской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областях. В Кустанайскую область прибыли немцы АССР Немцев Поволжья, Ворошиловградской, Киевской, Харьковской, Одесской, Воронежской, Донецкой, Сталинградской, Крымской, Запорожской областей, Днепропетровска, Челябинска.

Первая партия в количестве 7135 человек прибыла в область на эшелонах №№803, 804 [111, л. 1, 19]. За два осенних месяца в кустанайский регион прибыло около 55 тысяч человек. Из них только

лишь в Кустанайском районе было размещено 43 580 человек немецкой национальности.

Планы по приему и размещению спецпереселенцев перевыполнялись многократно. Чрезвычайные условия военного времени вносили свои коррективы. Так, на сентябрь 1941 года в Кустанайскую область должно было прибыть 20 тысяч человек.

В колхоз «Красный Партизан» Джетыгаринского района прибыло 39 семей (207 чел.), в мясосовхоз «Милютинский» - 16 хозяйств (89 чел.), Убаганский - 308 семей (1527 чел.), Затобольский - 444 семьи (2227 чел.), Карабалыкский - 546 семей (1784 чел.), Федоровский - 292 хозяйства (1301 чел.) [110, л. 20]. К концу 1941 года в области стало насчитываться почти 40 тысяч [100, л. 10], СКО - около 50 тысяч немцев [101, л. 22]. В СКО были размещены выходцы из Крымской АССР, Закавказских республик [102, л. 125]. В Павлодарскую область прибыли 13 эшелонов с 30 169 немцами [112, л. 28].

Профессиональный состав немцев был таким: учителя, врачи, инженеры, журналисты, писатели, библиотекари, студенты, актеры, артисты. К примеру, в составе 1301 человека, прибывшего в 1941 году в Федоровский район, были трактористы, шофера, кузнецы, токари, слесари, плотники, столяры, комбайнеры, агрономы, механики, бухгалтера, счетоводы, врачи, учителя, ветеринарные врачи, санитары и другие [113, л. 2].

В 1941-1942 годах в Северном Казахстане насчитывалось 243 211 немцев, из них в Акмолинской - 74 213, Кустанайской - 64 964, Павлодарской - 52 034, СКО - 52 000. К концу 1941 года их численность в Казахстане составила 441 713 [28, с. 238]. К весне 1942 года численность немцев в Павлодарской области составила 37 703 человека [109, л. 64].

Несмотря на первоначальное увеличение численности немцев в 1941-1942 годах, уже к концу следующего года наметилась тенденция их уменьшения в Северном Казахстане. Так, к октябрю 1943 года их насчитывалось 179 235 человек, из них в Акмолинской области - 59 952, Кустанайской - 40 791, Павлодарской - 38 022, СКО - 40 470 немцев [88, с. 137, 138]. Это уменьшение было связано с мобилизацией немцев в трудовую армию, переездом в другую местность, заболеваемостью, высоким уровнем смертности. Немцев неоднократно переселяли, что обуславливалось перераспределением рабочей силы. Так, в марте 1943 года из 150 семей немцев

Кустанайской области 100 были повторно переселены из Пешковского в Амангельдинский район, 50 - из Урицкого в Тургайский район [113, л. 283].

Насильственные переселения немцев продолжались и в последующие годы. В Казахстан в 1944-1945 годах прибыли немцы, выселенные из Украины, Белоруссии и Прибалтийских стран. К концу 1945 года в республике были размещены около 9 тысяч немецких семей, прибывших из западных районов СССР [28, с. 239]. За период с 1941 по 1956 годы в Кустанайской области на спецучете находились 54 662 немца [106, л. 2]. В это число входили местные, осужденные, отправленные на поселение, депортированные немцы.

Из 1 миллиона 400 тысяч немцев в Казахстан было вывезено 438,4 тысячи немцев [114, с. 238]. По другим данным численность прибывших в Казахстан немцев колебалась от 420 тысяч до 462 тысяч человек [74, с. 60].

Осенью 1943 года депортации подверглись 2,2 тысячи калмыков [74, с. 17]. 27, 28 декабря 1943 года были изданы Указ ПВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» и Постановление СНК о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, в Омскую и Новосибирскую области. Операция по депортации калмыков проводилась 28 и 29 декабря 1943 года под кодовым названием «Улусы». Небольшая часть калмыков была расселена на севере. В Кустанайской области на спецучете состояли 20 калмыков [106, л. 2].

2 ноября 1943 года в 4 часа утра войска НКВД ворвались в города и села Карачая. Карачаевцы пострадали из-за того, что вели себя «предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали советских граждан, сопровождали немецкие войска, а после их изгнания противодействовали проводимым советской властью мероприятиям, скрывали бандитов и заброшенных агентов, оказывая им активную помощь» [51, с. 105]. Часть карачаевцев была размещена в Северном Казахстане.

26 февраля 1944 года был издан приказ НКВД «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения». 5 марта вышло Постановление ГКО о выселении из КБ АССР. 8 апреля 1944 года вышел Указ ПВС о переселении балкарцев и переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР. Шамиль Шахангериевич Чеченов, офицер, прошедший боевыми дорогами от

Кавказа до Эльбы, вспоминал: «...старики, дети, женщины успели взять только носильные вещи, многие не хотели уходить, плакали, целовали камни гор, могильные плиты предков... Люди падали на колени, плача, целовали камни...» [114, с. 105].

Об особенностях транспортировки и разгрузки балкарцев в Северном Казахстане свидетельствуют следующие факты. По состоянию на 24 часа 16 марта 1944 года в Северо-Казахстанскую область следовал эшелон №398. В пути следования умерло 15, при попытке к бегству один убит, госпитализировано 24, отправлено в карантин - 602 человека. С эшелона СК-365 на станции Петропавловск был снят ребенок, умерший от истощения. Из эшелона СК-340 на этой же станции были сняты 3 человека, больных тифом, один человек - с воспалением легких. Всего было погружено 14 эшелонов, в которых доставлено в места расселения 37 618 человек, из них в Павлодарскую - 2 614, Акмолинскую области - 5 124 человека [115].

На 20 июня 1944 года была намечена высылка в Казахстан 2 492 членов кабардинских семей «активных немецких ставленников, предателей и изменников». Свыше полутора тысяч кабардинцев были направлены в Южный Казахстан.

13 апреля 1944 года, сразу же после освобождения Крыма от немцев, НКВД и НКГБ приступили к очистке его территории от антисоветских элементов в лице крымских татар. Массовые выселения из Крыма могут рассматриваться не только как тотальная этническая депортация, но и как своего рода «пограничная зачистка». В донесении Сталину от 10 мая 1944 г. нарком внутренних дел СССР Л. Берия сообщал о «дезертирстве» из рядов Красной Армии в 1941 году свыше 20 тысяч татар, изменивших Родине, перешедших на службу к немцам и с оружием боровшихся против Красной Армии». Это донесение стало преамбулой к комплексу мероприятий по наказанию «провинившегося народа». Спустя сутки, Сталин подписал постановление ГКО №5859 сс от 11 мая 1944 года «О крымских татарах». Постановления ГКО о выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР принимались 2 апреля, 11 и 21 мая 1944 года. Основную операцию начали на рассвете 18 мая и провели за 3 дня. По фронтам издавались приказы об увольнении из рядов Красной Армии крымских татар [31, с. 112].

Наряду с крымскими татарами депортации из Крыма подверглись 12 тысяч болгар, 14 тысяч греков, 10 тысяч армян,

немцы, итальянцы, румыны, караимы [115]. В Казахстан прибыли 7 тысяч болгар. На севере республики их численность была незначительной. В середине 40-х годов переселению подверглись грузины. Представители этноса проживали в Северном Казахстане накануне войны. Так, в Сталинском районе СКО уже в 1938 году проживали 83 грузина [116, л. 238-239]. На 1 мая 1942 года в Павлодарской области на спецпоселении находилось 13 грузин [109, л. 64].

Начав в конце марта 1944 года с курдских и азербайджанских семей, Сталин принялся за «мусульманские народы» Грузии, проживавшие близ советско-турецкой границы. 31 июля 1944 года было принято решение о переселении 16 700 хозяйств турок, курдов и хемшилов из приграничных районов Грузии в Казахстан. Выселение началось 15 ноября 1944 года и продолжалось три дня. Всего было выселено свыше 100 тысяч человек. Из них почти 30 тысяч прибыли в Казахстан. 25–26 ноября 1944 года из Аджарской АССР были выселены 113 грузинских хозяйств. Представители грузинского этноса были размещены в южных областях Казахстана.

Начав с депортации небольших народов, власти принялись за чеченцев и ингушей, которым вменили создание повстанческого комитета, «активное и поголовное участие в террористическом движении против Советов и Красной Армии». 29 января 1944 года была утверждена «Инструкция о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», постановление ГКО о выселении чеченцев и ингушей было датировано 31 января, соответствующий приказ НКВД — 21 февраля 1944 года. 31 января ГКО издал Постановление «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» [117, с. 33]. Большинство вайнахов было направлено в Казахстан (239 768 чеченцев и 78470 ингушей). К февралю насчитывалось около 240 тысяч чеченцев и 80 тысяч ингушей. К 1 марта было отправлено 478 479 человек, из них 387 229 чеченцев, 91 250 ингушей [117, с. 41]. Районами их расселения на севере республики стали Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Кустанайская области [118].

Весной 1944 года поток переселенцев активизировался. В места спецпоселения потянулись осужденные, демобилизованные из Красной Армии, вайнахи, проживавшие в городах Европейской части СССР, выявленные на Кавказе, уклонявшиеся, репатрианты и другие. 180 эшелонов, прибыв по Орджоникидзевской железной дороге, 20

марта 1944 года, доставили в Казахстан 494 456 человек. Они были размещены в Северо-Казахстанской – 39 021, Кустанайской – 45 768, Павлодарской – 42 127, Акмолинской – 59 988 и других областях. В марте 1944 года в Павлодарскую область прибыли 8 651 семей, 41773 чеченцев, ингушей, балкарцев, кабардинцев [119, л. 63]. В колхозах области было обустроено 5326 семей, 22 310 человек, в совхозах – 882 семьи, 3421 человек, промпредприятиях – 1652 семьи, 5861 человек [54, с. 112]. В этом же году чеченцев и ингушей насчитывалось: СКО – 39 542 [120, с. 140], Кустанайской – 42 275 [121, л. 24].

На 1943-1944 годы приходится пик роста численности спецпереселенцев. К 1 января 1945 года в Казахстане находилось 360 404 чеченца и ингуша, из них в Акмолинской – 43 964, Кустанайской – 41 223, Кокчетавской – 28 414, Павлодарской – 33 720, СКО – 20 563 человека [122, с. 91], что было связано с высокой смертностью из-за голода, массовых заболеваний, переселений в другие регионы республики. Таким образом, в Северном Казахстане к середине 40-х годов насчитывалось около 150 тысяч чеченцев и ингушей, то есть почти 50% от всей численности данных спецпереселенцев, размещенных в республике.

Операция по переселению вайнахов продолжилась в 1945 году. К 15 апреля 1945 года из Грузинской ССР было выселено 2741 чеченец, Азербайджанской – 2 100, Краснодарского края – 12 152 ингуша [123, с. 200]. На начало октября 1945 года на спецпоселении числилось 405 900 чеченцев и ингушей. К началу 1947 года в Кустанайской области были зарегистрированы 9481 семья, 36 612 вайнахов, из них 2539 семей чеченцев (10 060 чел.) и 6942 семьи ингушей (26 552 чел.). На следующий год – 8956 семей, 34 647 человек, из них – 2467 семей чеченцев (9518 чел.), 6489 семей ингушей (25 129 чел.) [124, л. 2]. На 1 января 1948 года в Павлодарской области числилось 6392 семьи чеченцев и ингушей (23 883 чел.), 405 семей балкарцев (1370 чел.) [54, с. 748].

В 12 областях и 133 районах Казахстана было расселено 400 600 чеченцев и ингушей. Из них в СКО – 20 тысяч, Кустанайской – 40 700, Акмолинской области – 36 тысяч чеченцев и ингушей [54, с. 100, 101]. Согласно справке отдела спецпоселений НКВД СССР, на октябрь 1946 года на учете в республике находилось 890 698 человек; на 1 января 1949 года - 820 165, из них в Северном Казахстане – 404 508, при этом 96 700 человек с Северного Кавказа [125, с. 199].

Несмотря на то, что в послевоенный период, когда, казалось бы, все причины и поводы, выдвигавшиеся в обоснование депортаций, утратили свою силу, насильственные переселения продолжались. Первые послевоенные годы представляли собой «передышку». Но репрессивная политика, принудительные переселения активизировались в 1947-1948 годах. Согласно Указу ПВС от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Постановлением Совета Министров от 22 февраля 1948 года к переселению в Сибирь и Казахстан из Тульской, Вологодской, Костромской и Московской областей намечалось 82,5 тысячи человек [95, с. 156].

К концу 40-х годов XX века началась депортация членов семей противников политики советизации в ряде регионов советского государства. Из Западной Украины и Литвы, западных районов Украины были переселены 75 тысяч оуновцев. В феврале 1948 года на спецпоселение был отправлен 49 331 литовец, оппозиционно настроенный советскому режиму. Часть из них была вселена в Северный Казахстан. В марте 1949 года из стран Прибалтики были переселены 100-150 тысяч «буржуазных националистов» и членов их семей. 6 апреля 1949 года из Молдавии было выселено 40 850 кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, пособников немецких оккупантов и деятелей профашистских партий. В конце 40-х годов XX века переселению подверглись «сектанты-иеговисты», «бродяжники и попрошайки», евреи. Насильственные переселения литовцев, латышей, эстонцев продолжались в 1948-1952 годы [95, с. 157]. Вместе с ними в Казахстан прибыли румыны, евреи и другие народы. Часть была расселена в Северном Казахстане. Так, в Кустанайской области к середине 50-х годов XX века на спецучете находились 4 литовца, 8 латышей, 11 молдаван и 1 румын [106, л. 1].

17 мая 1949 года ЦК ВКП (б) принял решение о переселении греков, которое мотивировалось очисткой Черноморского побережья РСФСР, Украины, Грузии, Абхазии, Азербайджана от «политически неблагонадежных элементов». Их предлагалось сослать на вечное поселение, расселить и трудоустроить в Южном Казахстане. Переселение осуществлялось в июне 1949 года, всего было депортировано 57 680 человек, в том числе и 15 485 дашнаков. В Казахстан было депортировано около 100 тысяч греков, часть которых оказалась на севере республики. Летом 1949 года, с

территории Грузии, Армении, Азербайджана, побережья Черного моря были выселены армяне-дашнаки, турки, принятые в советское гражданство [95, с. 158].

Приток депортантов в Северный Казахстан продолжался и в 50-х годах XX века. Так, в марте 1951 года из Таджикистана в Кокчетавскую область было выселено 2795 басмачей и их семей. Десятки тысяч раскулаченных, по постановлению от 5 сентября 1951 года, поступили на спецпоселение в Казахстан из Прибалтики, Правобережной Молдавии, Западной Украины, Западной Белоруссии [95, с. 159].

Следует отметить, что численность депортированного населения в Северном Казахстане была значительной. Только в Кустанайской области к 1 декабря 1952 года общая численность спецпереселенцев составила 80 034 человека.

Таким образом, в течение 30-х - 50-х годов в Северный Казахстан по депортационной «путевке» прибыло значительное количество переселенцев, что непосредственно отразилось на численности, этническом, демографическом, социальном составе населения северного региона, республики. Прибытие извне большого количества людей компенсировало убыль местного населения в годы войны, способствуя более или менее стабильному этнодемографическому развитию северных областей, Казахстана в целом. Вместе с тем, эти процессы оказали влияние на снижение доли казахского населения и преобладание славянских этносов в северном регионе. Северный Казахстан вследствие депортационных процессов в основном разместил у себя корейцев, поляков, немцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев, иранцев и другие народы. О значительной доле спецконтингента в северном регионе свидетельствовали населенные пункты, в основной своей массе состоявшие из спецпереселенцев.

1.2 Процесс обустройства спецпереселенцев

Парадокс национальной политики, осуществлявшейся советской властью в отношении своих народов на протяжении десятилетий, заключался в том, что миллионы людей искусственно разлучали с родиной, позднее пытались помочь, зачастую в безвыходной ситуации. Снимая с повестки дня одни проблемы, советское

государство автоматически создавало другие, но уже для республик, разместивших спецпереселенцев.

С одной стороны, Северный Казахстан являлся транзитной территорией на пути следования депортантов в республику. При станциях разгрузки для встречи переселенцев создавались приемные пункты, отвечавшие за обеспечение их питанием, транспортом для перевозки. Согласно документам, «в местах разгрузки создавались специальные группы, разъяснявшие международное, внутреннее положение СССР, знакомявшие с информацией о вселяемой области. На станциях работали буфеты, газетные киоски» [126, л. 2]. Таким образом, несмотря на насильственный характер депортационных мероприятий, власти пытались придать им мирный, гуманный характер.

В места вселения направлялись представители НКВД, местной администрации. Руководители населенных пунктов откомандировывали своих представителей «для проведения массово-разъяснительной работы, тщательного отбора и приглашения переселенцев переселиться в ту или иную область [127, л. 80]. Прибывших людей разбирали по регионам, «нуждавшимся» в рабочих руках.

Следует отметить, что планы по приему спецпереселенцев в Северном Казахстане были перевыполнены многократно. Аналогичной была ситуация по всей республике. Как правило, первоначальные планы по расселению переселенцев в количественном отношении перевыполнялись в два-три раза.

В установке по размещению высланных просматривалась тенденция игнорировать природно-климатические условия проживания, хозяйственные навыки депортированных и не допускать их расселения в регионах, смежных с районами выселения [35, с. 65]. Такое сходство проявлялось внешне. Так, депортированные из Орджоникидзевского края Крымской АССР немцы размещались в Орджоникидзевском районе Кустанайской области. Тоска по родине, родным местам позднее будет проявляться в наименованиях колхозов и совхозов, которые будут даваться самими спецпереселенцами.

Практически все депортанты были расселены в сельской местности. Это объяснялось тем, что основная их часть была занята в сельском хозяйстве. Их размещали либо смешанно, либо из спецхозов создавали населенные пункты. Зачастую такие села располагались изолированно.

В общей картине расселения депортантов, как в Северном Казахстане, так и республике в целом, можно выделить места первоначального, повторного и окончательного расселения. Первоначальное расселение представляет собой расселение переселенцев на территории вселяемой области, непосредственно по прибытию в регион. Первоначальное расселение зачастую носит временный характер. Повторное расселение предполагает расселение переселенцев на территории вселяемой области, осуществляемое неоднократно. Оно происходит после частичного обустройства на новом месте и носит как принудительный, так и самостоятельный характер. Эти процессы были связаны с перераспределением людских ресурсов в малочисленные, осваиваемые, нуждающиеся в рабочей силе регионы. Инициатива по повторному переселению исходит зачастую от представителей власти на местах. Повторное расселение характеризовалось внутрирайонными, внутриобластными миграциями. Повторное переселение осуществлялось и на межгосударственном уровне, из одной республики в другую. В хронологическом отношении первоначальное и повторное расселение депортированных этносов можно датировать второй половиной 30-х – серединой 40-х годов XX века. Окончательное расселение представляет собой расселение переселенцев на территории вселяемой области, государства, в последующее после вселения время. Оно носит постоянный характер, а также определяется степенью адаптации этносов в регионе расселения. Этот период охватывает вторую половину 40-х - 50-х годов XX столетия, а также последующее время проживания депортированных этносов на территории государства. Окончательное расселение предполагает длительное проживание депортантов в одной местности.

Обустройство спецпереселенцев осуществлялось СНК союзных, автономных республик, краевыми, областными исполкомами Советов депутатов трудящихся. В Казахстане контроль за обустройством спецпереселенцев осуществляли Переселенческое управление Наркомзема КССР, руководители регионов, переселенческие отделы при УНКВД. В процесс были также вовлечены практически все Наркоматы страны.

В марте 1944 года были приняты Правила по хозяйственному и трудовому устройству спецпереселенцев. Задачами обустройства являлось содействие в обзаведении скотом, птицей, индивидуальным хозяйством. Согласно Правилам обустройство переселенцев зависело

от их принадлежности к разным группам. К первой относились социально-опасные спецпереселенцы, переселенцы, помогавшие немцам проводить карательные и репрессивные меры в отношении советских граждан во время немецко-фашистской оккупации. Ко второй - не социально-опасные спецпереселенцы, кандидаты ВКП (б), члены ВЛКСМ, бывшие сотрудники органов НКВД, руководящий состав и работники советских учреждений, профсоюзных и инициативных организаций.

Проводя параллели в обустройстве спецпереселенцев, следует отметить двойственность, терпимость и заботу о корейцах, польском населении, и игнорирование проблем немцев, чеченцев, ингушей, других народов, подвергнутых переселению в разгар войны.

Проблемы, с которыми ежедневно сталкивались спецпереселенцы, были почти идентичными: недостаточное продовольственное снабжение, отсутствие рабочих мест, топлива, одежды, ограничения в передвижении и другое. Зачастую обустройство проходило медленно. Распространенной была тенденция «потери актуальности в результате истечения срока давности», суть которой заключалась в том, что решением спецпереселенческих вопросов занимались на протяжении первых двух лет переселения, позднее о них уже не вспоминали. Как следствие, принимались несвоевременные мероприятия по обустройству.

Другой крайностью являлась готовность руководителей отрапортовать о перевыполнении планов, не уделяя при этом внимания качеству мероприятий. Широкое распространение имели безответственность, малограмотность, амбиции отдельных руководителей, перепоручение проблем переселенцев другим. Отдельные руководители не владели информацией о численности, составе депортантов. Следует отметить характерную черту тех лет – обвинять во всех бедах других. Вместе с тем, представители власти были ограничены в своих полномочиях, не имели необходимых материалов, продовольствия для обеспечения спецпереселенцев. Однако, профессиональный иммунитет против несправедливости имелся и у проводников сталинской политики на местах. Архивы хранят документы о руководителях, активно помогавших переселенцам. Благодаря их поддержке, местному населению, выброшенные на ветер депортанты сумели выжить и преодолеть все жизненные испытания.

Размещением корейцев занимался Отдел лагерей, трудпоселений и мест заключения НКВД Казахской ССР [39, с. 16]. 9 октября 1937 года СНК Казахской ССР принял Постановление «О расселении и хозяйственном устройстве корейских переселенцев», согласно которому часть корейцев разместили в Северном Казахстане [39, с. 30, 31]. Отдельные регионы не имели указаний по обустройству корейцев. Об этом свидетельствует докладная записка председателя Северо-Казахстанского облисполкома председателю СНК КССР, составленная в декабре 1937 года. Область не была готова к приему переселенцев. Имелись проблемы с топливом, одеждой, обувью, промтоварами. Руководитель области был озабочен устройством студентов, инвалидов, интересовался правовым статусом корейцев, предлагал меры по их обустройству, организации в области школы для корейцев, отправку на учебу студентов, выплату пособий, подготовку кадров для области. В целях трудового устройства просил разрешения на организацию отходничества рабочих и служащих, не работавших по специальности [128, л. 13].

В СКО корейцы были объединены в колхозы: «Ворошилова», «Сталина», «Комсомолец», «Красный кореец», «Красный Восток» [97, л. 159]. Корейцы также проживали в колхозах «Красный Оренбуржец», «Коминтерн», «Красная Корея», «Имано-Вакский», «Степное», «Краснокаменка», «имени Осоавиахима». Из четырех корейских колхозов Кустанайской области - «Заря Востока», «Тихоокеанская звезда», «Земледелец», «им. Исаева» в 1938 году были созданы два крупных: «Самир» и «5-е декабря» [129, л. 103]. Причины объединения хозяйств заключались в «необходимости хозяйственного укрепления и укрупнения колхозов, увеличения производства огородных культур, для чего требовалась дополнительная рабочая сила в лице переселенцев» [130, л. 200]. Колхоз им. К. Либкнехта Акмолинской области был организован в декабре 1937 - апреле 1938 гг. на базе совхоза №2 «Карагандауголь». Его костяк составили от 60 до 80 корейских семей, выходцы из одноименного колхоза Еврейской автономной области Дальневосточного края. В Карагандинской области он был единственным «чисто» корейским колхозом, являвшимся поставщиком овощеводческой продукции для районного и областного центров [131, с. 15]. К концу 1938 года в СКО и Кустанайской области корейские семьи были сосредоточены в семи колхозах [130, л. 48].

Первые попытки дать оценку хозяйственному устройству корейцев в Казахстане приходится к концу 1937 года. К этому времени отмечалось неудовлетворительное материально-бытовое, социально-экономическое положение колхозов «Новая жизнь», «Ново-Гречановка», «Новый труд» и других сел Северо-Казахстанской области [97, л. 8-10].

Не ограничиваясь заявлениями и жалобами о своем трудном положении в адрес первых руководителей, корейцы выдвигали ультиматум. Так, корейцы колхозов «Рисовый Октябрь», «Коллективный труд», «Восточная заря» СКО в письме Калининскому отмечали, что их агитировали за смену хозяйственной ориентации. Однако, они и «не думали изменять своей специальности по посеву риса». В конце письма был сформулирован ультиматум: «Если переброска в рисосеющие районы не будет осуществлена, мы, колхозники и колхозницы, уедем сами», «в случае невыполнения данного решения будем вынуждены разбазаривать колхозное имущество». [97, л. 113]. Неповиновение переселенцев выражалось в организации побегов из районов расселения. Массовой акцией протеста была продажа скота. По сути, корейцы отказывались от содержания скота, прокормить который были не в состоянии.

Особых изменений в обустройстве корейцев к середине 1938 года не произошло. Медленными темпами осуществлялось строительство домов. Так, в 1938 году саманные дома в колхозах «Самир» и «5 декабря» Кустанайской области возводились несколько месяцев. Стены в зиму остались сырыми. В эти дома были вселены люди. С наступлением морозов стены намокли, покрылись ледяной коркой. Весной при осадках потолок периодически промокал. Уже через два года большинство домов пришло в негодность. Пригородные хозяйства корейских колхозов СКО не были ликвидированы, заселение в них не осуществлялось, часть колхозов не имела земельных участков. Такая ситуация была в колхозе «Красный кореец» Келлеровского района СКО. Корейцам не хватало продуктов, так как во время переселения они передали государству скот, рис, сою, свеклу. За сданные продукты получили «обязательства».

Основная часть депортированных в Казахстан поляков была размещена в Акмолинской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областях. На территории Акмолинской области в поселках «Первомайка», «Лозовое», «Каменка», «Камышенка» и

других пунктах проживают дети и внуки бывших спецпереселенцев, родившиеся в Приишимье. Первоначально эти села возникли как «точки», в которых были размещены переселенцы, каждая точка имела свой порядковый номер [132, с. 2].

Многочисленными были поляки в СКО. Часть поляков поселили в Тайнчинском районе. В одном Красноармейском районе они проживали в 30 селах. В результате роста численности поляков 29 июля 1936 года в СКО был образован Келлеровский, а 16 октября 1939 года - Чкаловский район, в состав которых вошли польские поселки. С этого времени в народе эти районы стали называть «переселенческими». Польское население в Келлеровском районе составляло 30%, в Чкаловском – 50%. Значительной была численность поляков в поселках Калиновка, Подольское, Константиновка, Зеленый Гай, Донецкое, Чкалово. Близ ферм «Джаркуль», «Алабота», «Кара-Кога», «Сауле», «Кара-Агач» и других были организованы 13 польских поселков, население которых прибыло из Житомирской, Винницкой, Кировоградской областей. Позднее переселенческим точкам были даны названия: Калиновка, Донецкое, Белоярка, Подольское, Ясная поляна, Вишневка, Константиновка, Краснокиевка, Ново-Березовка, Ново-Гречановка, Зеленый Гай, Чкалово, Петровка и другие [132, л. 167].

В Рузаевском районе Северо-Казахстанской области в 1937 году в 180 польских и украинских хозяйствах, переселенных из Украины, большая часть переселенцев испытывала нужду в продуктах и работе [128, л. 45-48]. В аналогичной ситуации находились поляки зимой 1938 года в Красноармейском районе СКО. Поляки Урлютюпского и Баянаульского районов Павлодарской области также голодали. Часть семей проживала в скотобазах, телятниках, конюшнях. В «лучших» условиях находились семьи, разместившиеся в домах колхозников.

Не ограничиваясь бесправным положением переселенцев, руководство отдельных населенных пунктов взимало налоги с колхозников, приютивших у себя переселенцев. Спецпереселенцы села Михайловка Урлютюпского района сообщали о том, что с них брали по 10 рублей с человека за квартиру; платить им было нечем, многие оказались на улице. Такие случаи имелись в Цюрюпинском районе Павлодарской области. Колхозники, выселяя поляков, заявляли: «В квартплате мы не нуждаемся и без вас много канители, а тут еще за вас налог плати государству». В Ильинском сельсовете полячек Хромец и Ракецкую вместе с детьми выселили в баню.

Продажу хлеба приостановили [128, л. 13].

Реакция части поляков на призыв властей обрела «контрреволюционно-националистические формы». В селах развивалась «провокационная работа, расхищалось колхозное имущество». Пытаясь противостоять властям, поляки занимались вредительством, совершали поджоги, ударялись в бега. В селе Краснокиевка спецпереселенец отбороновал засеянную площадь, на которой имелись всходы. В поселке имени Блюхера трактористы, пустив тракторы друг на друга, разбили их. Из Кокчетавской области совершили побег 302 человека. Принимались меры к изоляции организаторов, проводилась разъяснительная работа, устанавливался контроль над передвижением переселенцев, организовывался показательный суд [133, л. 144].

Переселенцы отдавали детей в детские дома, занимались воровством, совершали преступления, кончали жизнь самоубийством. Безысходность и голод заставляли людей совершать безрассудные поступки. Тяжелое положение поляки, как и корейцы, отражали в письмах первым руководителям, органам НКВД. Так, в НКВД Павлодарской области обратились поляки Чернорецкого совхоза о своем тяжелом положении. В селе Боярском Лозовского района ситуация была идентичной. Полячки Я.К. Кокотинская и Н.В. Матецкая из с. Михайловка Урлютюпского района, обращаясь к органам НКВД, отмечали: «Когда нас переселяли, то говорили, что в СССР работы для всех хватит. Если же заранее было решено, чтобы мы подышали с голоду, зачем было везти нас за тысячи километров, когда это можно было сделать на месте. Мы не просим милостыни, но просим дать возможность зарабатывать средства на содержание семьи. Здесь даже хлеба нельзя купить. Колхозники говорят, что ввиду неурожая в этом году им самим хлеба не хватит. В отношении квартир тоже дело обстоит не лучше. Зимой жить будет негде. Мы просим дать работу». Люди интересовались: «Зачем нас сюда привезли?», слыша при этом: «Привезли вас сюда, чтобы вы здесь сдохли» [87, с. 109]. Спецпереселенцы, не ограничиваясь заявлениями местному начальству, адресовали их в «высшие партийные и советские органы» в адрес В. Молотова, И. Сталина и других.

Большая часть поляков ограничивалась «кухонными разговорами», которые, несмотря на их конфиденциальность, становились известными органам НКВД. По сути, действовала

двойная разведка в лице местных колхозников и спецпереселенцев, пытавшихся за счет предательства улучшить материальное положение. Полячки выходили замуж за местных колхозников, что объяснялось попыткой польских женщин обустроить свою жизнь. «Полячек заставляют работать, но они этого не хотят и стараются выйти замуж для того, чтобы укрыться за рабочими, колхозниками. Очевидно, те из переселенцев, которые женятся на колхозницах, преследуют ту же цель» [134, л. 12].

Обустройство поляков осуществлялось согласно постановлению СНК КССР от 5 февраля 1942 года «О трудовом и бытовом устройстве польских граждан в Казахской ССР» [135, л. 1]. Летом 1943 года было принято постановление «Об улучшении материальной помощи полякам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР». Властям рекомендовалось предоставлять полякам квартиры, работу, продовольствие, транспорт: «Организацию огородов, столовых, детсадов специально для поляков и их детей допускать не следует. Земля им отводится наравне с рабочими и служащими на общих основаниях; питание должно производиться в общей сети столовых и детсадов на общих основаниях. При проведении мероприятий не допускать ни привилегий, ни ущемлений поляков по сравнению с советскими гражданами» [135, л. 61].

В Северном Казахстане были открыты филиалы Польского посольства, возглавляемые полномочными временными представителями.

Эволюцию отношений местных властей к представителям посольства можно проследить на ряде примеров. На первоначальном этапе они характеризуются дипломатичностью, доброжелательностью, соблюдением такта, но уже позднее – требованиями и ограничениями. На здании Польского представительства вывешивался национальный флаг и герб. Эти мероприятия осуществлялись «без санкции Кустанайского облисполкома» [103, л. 142]. М. Романьский писал властям: «Изо дня в день я получаю жалобы от поляков на поведение властей. Люди встречают презрительность, враждебность, женщины оскорбляются, обрекаются на голод. Они направляются на работу, в случае ее невыполнения, грозят судом, лишением квартир» [103, л. 183]. На станции Кушмурун поляки не могли выехать на юг. Власти не предоставляли им вагоны, хлеб, угрожали выселением из квартир.

Люди, доведенные до отчаяния, в лохмотьях и босые, с обмороженными руками и ногами погибали от голода. Таким было положение поляков в Карабалыке. В Федоровском районе директор Уйской фермы на просьбу полячек о переезде в другой район, не разрешил им воспользоваться автомашиной и выкинул их за дверь [103, л. 52, 53].

В Павлодаре из районов поляки стали перебираться в Павлодар, что обострило жилищную проблему. В марте 1942 года с согласия властей в области были организованы детские площадки, питательные пункты для сирот, детей рабочих и инвалидов, больных и истощенных. Для питания употреблялась мука из спецфондов, а также продукты, присланные из Америки, Англии. К 1943 году в Баянаульском районе доверенным лицом посольства Н. Хоровским были созданы три столовые, 4 школы, где обучалось по 45-65 детей [136, л. 153].

Не в лучших условиях находились греки. На спецучете в годы войны находились как «местные», так и греки, прибывшие из других республик. Отдельные факты из биографии греков свидетельствуют о том, что они также были бесправными, испытывали нужду в жилье, продуктах, призывались в ряды трудовой армии, работали на промышленных предприятиях страны. Так, житель Кустанайской области И.Г. Мармалидис был выслан из Крыма в Казахстан на три года за «участие в националистической организации». Сначала он жил в Семиозерном районе, после освобождения в 1941 году намеревался ехать домой, но не успел – семью депортировали в Башкирию [105, с. 30].

Бесправное положение греков подтверждают факты. Так, 3 ноября 1937 года УНКВД по Кустанайской области по обвинению в шпионской деятельности в пользу Румынии был арестован живший в Кустанае Антика Н.А., работавший помощником бухгалтера Промснабсбыта. Будучи уроженцем Бессарабии и подданным Румынии, бежал в СССР. Подданства и факта нелегального пересечения границы хватило для обвинений в шпионаже. Уже 8 января 1938 года Антика был приговорен к расстрелу. Ф.Н. Ставропуло, уроженец Крыма, позднее житель Кустанайской области, за заслуги в борьбе с фашистами был награжден орденом Отечественной войны 2 степени, воевал в составе партизанского отряда в Крыму. Однако это не помешало органам НКВД отправить его в пермские лагеря, после которых оказался в Казахстане в статусе

спецпереселенца [105, с. 30].

Размещение немцев в Северном Казахстане затруднялось тем, что в это же время в республику прибывало эвакуационное население. Их расселение осуществлялось согласно постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 12 сентября 1941 года «О расселении немцев Поволжья в Казахстане», Инструкции о порядке приема имущества переселяемых колхозов и колхозников, утвержденной СНК СССР от 30 августа 1941 года [133, л. 205].

Прибывшие в Кустанайскую область немцы до отправки в колхозы находились на балансе эвакуотдела, где получали еду и проходили санобработку. На эти цели были выделены 7 тысяч рублей [138, л. 269]. 2 сентября 1941 года Павлодарский облисполком и обком КП (б) К приняли Постановление «О мероприятиях по приему, размещению и хозяйственному устройству переселенцев-немцев». Этому же вопросу были посвящены принятые постановления от 11 октября и 3 ноября 1941 года. Постановлением от 3 ноября 1941 года был утвержден план расселения эвакуационного населения и немцев по районам области. Предусматривалось их расселение в квартирах рабочих, служащих, колхозников [104, с. 207]. Так, в Кустанайской области при необходимости в 12 тысяч домов было построено и отремонтировано 102 дома [139, л. 436]. В ряде сел строительство жилья вообще не велось.

Павлодарский облисполком ежедневно принимал письма и просьбы переселенцев и руководителей районов о помощи. В письме из совхоза №499 Павлодарского района от 4 ноября 1944 года сообщалось: «Прошу вашего содействия в отношении спецпереселенцев в нашем совхозе. Положение крайне тяжелое. Почти все переселенцы голы и босы. Прошу Вашего содействия для поддержки их существования [142, с. 112].

Из районов в областные центры, в республиканские органы шли письма с просьбой отпустить фонды на хлеб, одежду. «Исполком Кагановичевского райсовета Павлодарской области сообщает о том, что 416 немцев нашего района нуждаются в хлебе, не имеют источников для существования, колхозы, в которых они находятся, не имеют возможности содержать их» [143, с. 68]. К 1945 году ситуация не изменилась. В Челкарском совхозе А. Газенфус, находясь на работе, упала от истощения, в Есильском районе Е. Клиненштейн свыше месяца лежала в постели от истощения [144, л. 125, 126]. И таких примеров были сотни. Тяжелую ситуацию с

продовольственным снабжением пытались решать. 8 мая 1945 года вышло Постановление СНК КССР «О выдаче продпомощи нетрудоспособным старикам, многодетным матерям, детям-спецпереселенцам немецкой национальности». Им выдали 900 тонн зерна. Однако, эти разовые акции были недостаточными.

Негативное отношение к немцам сохранялось и в послевоенные годы. Так, в 1948 году в Павлодарской области проживали около 4 тысяч немцев, чеченцев, ингушей. Жильем обеспечивались первоначально народы Северного Кавказа, затем немцы. В с. Канонерка Бескарагайского района 54 чечено-ингушских семьи имели собственные дома, а из 68 немецких - только 7 [145, л. 104].

К концу 40-х годов положение немцев не улучшилось. Так, в информации Павлодарского обкома КП (б) К от 24 января 1949 года отмечалось, что «руководители отдельных колхозов, совхозов и хозяйственных организаций все еще мало уделяют внимания вопросам устройства спецпереселенцев и не создают необходимых материально-бытовых условий. В результате принятых мер положение улучшилось. Если до проверки в области насчитывалось 1 200 семей спецпереселенцев, не имевших жилья, то на 1 января 1949 году их стало 646, из них из Северного Кавказа - 73 семьи [147, л. 28-29].

Обустройство вайнахов осуществлялось согласно постановлениям ЦК КП (б) и СНК КССР от 17 ноября 1944 года «О трудоустройстве спецпереселенцев Северного Кавказа», 24 апреля 1945 года и 19 марта 1946 года [149, л. 58]. Размещением, обустройством спецпереселенцев занимались различные «тройки». Так, в Кустанайской области в 1944 году была создана тройка в составе председателя облисполкома К.Керимбаева, секретаря обкома КП (б) К А. Мельникова и начальника УНКВД Л. Рупасова.

Вайнахов вселяли в колхозы с местными жителями, либо в села со спецпереселенцами. Так, в колхозе имени Тельмана Полудинского района СКО, наряду с немцами, были расселены 86 чеченцев и ингушей, прибывших из с. Шедиюрт Йуртовского района ЧИАССР [141, л. 10]. В Кустанайской области большая часть чеченцев и ингушей была сосредоточена в Семиозерном, Орджоникидзеvском, Тарановском, Федоровском районах [150, л. 7].

Большинство вайнахов размещались по 2-3 семьи в квартире, где на человека приходилось 2,2 кв. м. Так, в Степняке Акмолинской области спецпереселенцы треста «Каззолото» жили в землянках при

жилплощади в 1,5 кв. м. на человека. В «лучших» условиях жили люди в «порядке уплотнения, в грязных помещениях». Часть проживала в сараях, бараках, амбарах по 10-15 и более человек. В Киялинском зерносовхозе Советского района СКО 24 семьи были размещены в 12 бараках, в которых была «сплошная грязь, холод, люди лежали на голом полу» [151, л. 4]. В Пресногорьковском, Мендыгаринском, Семиозерном, Карасуском, Карабалыкском, Урицком, Узункольском районах Кустанайской области чеченцы и ингуши проживали в тяжёлых материально-бытовых и жилищных условиях [152, л. 3].

Государство выделяло кредиты спецпереселенцам. С одной стороны, этот шаг советского государства можно оценить, как попытку поддержать спецпереселенцев, с другой – как декларативный, так как воспользоваться им спецпереселенцы не могли из-за отсутствия постоянного заработка, высоких процентов. Местные власти жаловались на то, что кредиты спецпереселенцами осваивались не полностью. Наряду с кредитами, начиная с 1 июня 1944 года, стали выдавать скот в размере телки весом 200 кг. При их отсутствии заменяли овцематками – козوماتками [150, л. 106]. Часть отказывалась от скота добровольно, так как была не в состоянии его прокормить.

В ряде колхозов Кустанайской области хлеб отпускался с опозданием на 2-3 месяца, не доходил до адресата. В Пресногорьковском районе почти двухтысячное чечено-ингушское население находилось без продуктов [153, л. 43]. В колхозах «Роза Люксембург», «Красноармеец», «имени Папанина» имелись случаи со смертельным исходом [154, л. 3]. Численность голодавших росла и в послевоенное время. В феврале 1946 года без продуктов находились спецпереселенцы Акмолинской области [155, л. 5]. В Кокчетавском районе в питании нуждались около тысячи переселенцев [156, л. 8], в Мендыгаринском районе Кустанайской области - 358 семей [157, л. 27]. Для улучшения жилищно-бытового состояния переселенцев в 1946 году в СКО выделили 35 тысяч рублей, стройматериалы, продукты [158, л. 127].

О высокой смертности вследствие голода свидетельствовали примеры. Так, М. Абдуллаев вспоминал: «Привезли нас на ст. Атбасар Акмолинской области. Зима была лютая. Взятые из дому продукты закончились. Наступил голод, начались болезни, люди стали умирать. Из семьи отца и 5 братьев умерли 33 человека. В

семьях трех братьев матери было 27 человек, из них остался один. В семье соседа М. Муртазалиева из 11 человек выжила дочь. Умерли все из семей двоюродных братьев отца. Со стороны жены умерли отец, мать, братья» [159, с. 39].

Представители власти пытались также избавиться от непрошенных гостей. Председатель колхоза «Ленин жолы» Кокчетавского района требовал их выселения, председатель колхоза «Хлебобороб» СКО П. Дикий, на вопрос, как устроены спецпереселенцы в его колхозе, заявил: «Я не знаю даже, где они расселены и сколько их. Если бы вы приехали проверять животноводство – другое дело, спецпереселенцы, пусть как хотят, так и живут» [151, л. 5]. Председатель колхоза «Новая жизнь» Кокчетавской области, его заместители, два бригадира произвели обыск у спецпереселенцев, сопровождая его избиением 12 человек [160, л. 73]. Ряд руководителей распоряжались продуктами, стройматериалами спецпереселенцев. В октябре 1945 года председатель Н. Мукумов из 700 кв. м стекла самовольно израсходовал 560 [161, л. 2]. Председатель колхоза З. Фисенко производил обыски в их домах, изымал овчины и личные вещи [162, л. 2]. Директор конезавода №47 Кокчетавского района вывез 11 семей в Акмолинскую область. Председатель колхоза «Заря» Арык-Балыкского района написал от имени переселенцев заявление в районный отдел милиции, требуя помощи [163, л. 17, 18]. Председатель колхоза «Красное знамя» Кустанайской области спецсуду присвоил себе. Руководители колхоза «Веселая Нива» Введенского района выселяли переселенцев из домов, избивая их [164, л. 17]. На колхозные собрания переселенцы не приглашались. Это вызывало негативное отношение к труду, порождало преступность, побеги [165, л. 43-45].

К концу 40-х годов XX века в ряде областей Северного Казахстана ситуация оставалась напряженной. К примеру, к 1947 году устройство спецпереселенцев Кустанайской области было почти завершено. Однако по-прежнему остро стоял вопрос с продовольственным обеспечением. В 1947 году в Кокчетавской области имелись случаи истощения, попрошайничества, воровства. В Арык-Балыкском районе свыше тысячи переселенцев голодали, болели дистрофией, употребляли трупы животных [166]. Отдельные руководители рапортовали об окончании обустройства в регионах. Так, колхозники и переселенцы Павлодарской области в 1947 году

собрали хороший урожай. Приусадебные участки получили все 4360 семей переселенцев по 0,15 га на семью. Продавали на рынках картофель, лук, другие овощи [118]. Несмотря на это, в 1948-1949 гг. спецпереселенцы всех северных областей республики голодали. Долгожданная победа над общим врагом не принесла им свободы и облегчения.

Основная масса населения Казахстана относилась с сочувствием и пониманием к судьбе переселенцев. Местные жители, несмотря на свое тяжелое положение, протянули переселенцам руку помощи. Частыми были случаи, когда местные жители воспитывали детей переселенцев, чьи родители погибли, были призваны в трудовую армию, сражались на фронтах войны. Ветеран труда, переселенец Борис Цхай, проживавший в Кустанайской области, писал: «Мир не без добрых людей. Местные жители: казахи, узбеки, русские, украинцы оказывали нам всяческую помощь, делились кровом и пищей. И это корейцы будут помнить всегда» [39, с. 61]. Н.А. Назарбаев вспоминает: «Всем известно, с каким радушием встретили казахи вынужденных переселенцев. Обескровленные коллективизацией и великим джутом, жившие впроголодь, они, тем не менее, давали крышу над головой, обогревали и делились последним куском хлеба с брошенными в голой степи людьми. И делали это с достоинством и совершенно бескорыстно. Те же, кому они помогли выжить и выстоять, до сих пор признательны им за оказанную помощь» [166, с. 156].

Наряду с вопросами первой необходимости, решались проблемы образования, воспитания. Дети также оказались заложниками тоталитарной системы, испытали горечь утрат и унижений. С одной стороны, несмотря на трудности военных лет, государство уделяло внимание маленьким гражданам, открывая детские сады, школы, с другой - лишало их крова, родителей, с рождения причисляя к числу неблагонадежных народов.

Сеть образовательных учреждений с национальным языком обучения в Северном Казахстане была достаточно развита накануне войны, что являлось свидетельством проявления внимания государства к нуждам и потребностям полиэтнического населения региона. Практически во всех северных областях имелись школы с немецким, польским, корейским языком обучения.

В Кустанае, Семиозерном районе находились татарские и немецкие школы, в Орджоникидзевском районе - 4 немецких школы,

в Мендыгаринском - 3. В п. Александрополь, Давыдова и Безобразовке Федоровского района действовали немецкие начальные школы. В Кустанайском районе – Озерная неполная средняя школа, в Затобольском – Семеновская и Шишкинская школы с немецким языком обучения. В Тарановском районе функционировали Викентьевская, Смайловская, Придорожная, Мариновская, Нелюбинская школы [167, л. 48, 49].

По области в 1937 году насчитывалось 18 школ с национальным языком обучения, из них: немецких – 14, корейских – 2, татарских – 2. В них обучалось 1058 учеников, из которых 709 человек учились в немецких школах. К концу года в регионе осталось 5 немецких, 1 татарская школы [168, л. 160].

Зачастую учебные занятия проводились в жилых домах, хозяйственных помещениях. Не хватало педагогических кадров, учебной литературы. Значительную проблему составлял процесс охвата детей спецпереселенцев обучением. Так, в 4 районах СКО к началу декабря 1 937 года насчитывалось 2279 корейских детей, из них обучалось 2066, на русском языке – 560 человек, корейском – 721. Из числа корейцев было привлечено 53 учителя, укомплектованы корейские школы: 4-х лет – 3 школы, 7-ми – 2. В с. Ново-Кубанское функционировала средняя школа на корейском языке [97, л. 197].

В Кустанайской области к концу 1937 года действовали три корейских школы. В ряде районов при школах с русским языком обучения создавались корейские классы. Так, корейский класс был открыт в школе 2-го отделения совхоза имени Голощекина. Дети корейцев обучались в школах совхозов «Восток», «Красный повстанец», «Заря социализма» Мендыгаринского района. В совхозе «Заря социализма» было образовано 4 класса. В Джетыгаринской школе в ноябре 1937 года 56 корейцев обучались на русском языке. В п. Успенровка Федоровского района действовала корейская начальная школа. В Ново-Шумной школе были образованы корейские классы. На животноводческой ферме №3 Карабалыкского района функционировала корейская начальная школа. С 20 декабря стала действовать корейская неполная средняя школа в п. Рязановка Кустанайского района [167, л. 19, 22]. Директором школы утвердили Н. Шегая. Для обустройства школы из местного бюджета было выделено 2500 рублей. При школе открыли интернат на 100 мест [121, л. 8].

К декабрю 1937 года в области обучением удалось охватить свыше 200 детей. В 8 районах области функционировали корейские школы, корейские классы при русских школах. По области насчитывалось 36 учителей корейцев, из них 2 имели неполное среднее образование, 15 – среднее, 11 – высшее [167, л. 21].

В 1938 году в корейских колхозах «5-е декабря» и «Самир» Кустанайской области началось строительство неполной средней школы на 280 мест, но сдать в эксплуатацию школу не удалось. В 1938 году для корейцев в масштабах республики планировалось построить 43 школы на 440 мест. Планы оказались нереализованными. После реорганизации «нацменовских» школ они были переведены на русский и казахский языки обучения. Численность школ в Северном Казахстане сократилась. Так, в Кустанайской области в 1939-1940 учебном году насчитывалось 712 школ, а в 1940-1941 – уже 684, при этом количество учеников ежегодно росло [169, л. 2]. Учителей из числа корейцев, немцев и татар, владевших русским, казахским языками, использовали в качестве преподавателей реорганизованных школ, политпросветработниками и культармейцами.

Значительная часть польских детей была разлучена с родителями, попала в детские дома и интернаты. С целью разрешения проблемы Польское консульство планировало открыть 8 детских домов и дом для престарелых людей, в частности, в СКО и Кустанайской областях - по детскому дому [135, л. 1, 2]. Часть удалось реализовать - к середине 40-х годов в СКО, Акмолинской, Кокчетавской областях стали функционировать 7 польских детских домов, интернатов, дом инвалидов с контингентом 575 человек [170, л. 3]. Детей, чьи родственники находились за пределами Казахстана, посылали за границу. Так, в 1941 году 35 детей, не имевших родителей, вывезли из Кустанайской области в Иран.

В ряде северных городов были открыты польские школы, польские классы при русских школах, дома культуры. К 26 июня 1942 года в Кустанае функционировали 8 польских школ, гимназия, приют для детей, молельный дом. Польские школы функционировали в Карасуском, Тарановском, Урицком, Семиозерном районах [164, л. 17]. Был поставлен вопрос об открытии дополнительных приютов на 2 тысячи человек, польских школ в каждом районе области. В июне 1945 года Семиозерный райсовет Кустанайской области принял решение «Об открытии школ для польских детей на станциях

Кушмурун и Аман-Карагай»: Кушмурунская польская начальная школа и филиал Семиозерной семилетней школы на станции Аман-Карагай. Для польских школ было выделено три учителя [171, с. 208, 209]. В Баянаульском районе Павлодарской области к 1943 году были открыты четыре польских школы [136, л. 153]. На 1 октября 1945 года в Северном Казахстане функционировали Атбасарский, Мамлютский, Павлодарский детские дома.

В официальных документах тех лет описывается тяжелое положение детей и самих детских домов. Так, в Кустанайской области: «Во всех детских домах ощущается недостаток в обмундировании, постельном белье, в одежде и обуви. Исключительно плохо и несвоевременно снабжаются детские дома крупой, хлебом и другими продуктами питания, а в Карабалыкском, Убаганском и Семиозерном детдомах совершенно отсутствуют овощи... Областной и районные отделы здравоохранения не проявили достаточной заботы о медицинском обслуживании детей, не прикрепili к детдомам врачей, вследствие чего в ряде детдомов имеются случаи заболевания воспитанников чесоткой и другими болезнями...».

В связи с размещением в Северном Казахстане северокавказского населения возник вопрос с устройством их детей в образовательные учреждения. Часть детей обучалась в русских школах, часть была отдана в казахские школы, часть не посещала занятия. Так, в СКО из 3 617 детей в 1945 году было охвачено обучением 801, из них в русских школах – 768 человек, казахских – 33, не училось – 2816 человек. В Павлодарской области из 873 детей школьного возраста училось 311 человек.

Детей спецпереселенцев разрешалось призывать для обучения в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, расположенные на территории края или области, где они были расселены. Только дети «местных» спецпереселенцев были «более» свободны в передвижении, однако, и те и другие, в случае самовольного ухода из училища, могли быть привлечены к уголовной ответственности. Выпускники должны были отработать не менее четырех лет по направлению Главного управления трудовых резервов при СНК СССР [146, с. 238]. Дети спецпереселенцев передавались на учет в городское или районное отделение НКВД по месту нахождения учебного заведения. По окончании учебы они направлялись на работу только в пределах края или области их

постоянного проживания [92, с. 112].

К началу 50-х годов детский контингент школьного возраста по Казахстану в основном состоял из немцев, чеченцев, ингушей. На сентябрь 1950 года в школах республики обучалось 145 659 человек. В Кокчетавской области не обучалось 680 детей, 2039 детей не имели одежды и обуви, в Павлодарской – их насчитывалось 577 человек [92, с. 117].

На степень вовлеченности детей в учебу также влияли традиции и обычаи переселенцев. Так, вследствие религиозных запретов и убеждений родителей в Павлодарской области не обучалось 226 детей. Чеченцы, ингуши говорили: «Лучше наши дети будут неграмотными, чем будут знать русский язык». Школы также не посещали девочки, у родителей которых «еще были живы религиозные и феодальные пережитки в отношении к женщине». «Место женщины – у семейного очага», - говорили кавказцы. Так, в с. Костычевка Федоровского района ингушка Н. Хамчиева отказалась посылать 14-летнюю дочь, окончившую начальную школу, в 5 класс из-за «религиозно-родовых предрассудков». Аналогичные факты имели место в Щербиновке Тарановского района, где не обучалось 9 чеченок и ингушек, а также с. Степановка Мендыгаринского района, где в школу не ходили 5 детей [92, с. 117].

Следует отметить одну особенность в открытии школ для представителей «нацменьшинств». Если с началом войны в регионах стали закрываться школы с национальным языком обучения – немецкие, корейские и другие, то в начале 50-х годов их вновь стали открывать. Так, в 14 селах Кустанайской области, где немцы были многочисленными, были организованы 6 начальных, 8 семилетних школ, при этом на русском языке обучались 1732 немца. Действовали 2 класса с 45 чеченцами и ингушами, обучавшимися на русском языке. Наибольшее количество детей депортантов было сосредоточено в школах Карабалыкского – 1424 человека, Федоровского – 1476, Тарановского районов – 1693 [154, л. 2].

Вопросы медицинского обслуживания также были актуальны. Медицинское обеспечение корейцев было организовано Казахским народным комиссариатом здравоохранения и областными здравоохранительным и отделами почти на всех пунктах разгрузки корейцев. Как только переселенцев отправили на места расселения, Казнаркомздрав и облздравотделы свернули свои пристанционные медицинские пункты, возложив дальнейшее обслуживание корейцев

на местные районные здравоохранительные отделы. При этом не было обеспечено открытие пунктов и усиление существующей медицинской сети, а также не были организованы санобработка переселенцев и профилактические мероприятия. В результате появились вшивость, антисанитарное состояние, что влекло вспышки эпидемических заболеваний. В местах, расположенных далеко от существовавших медучреждений, больным, детям не оказывалась медицинская помощь [167, л. 38, 39]. В ряде сел СКО отсутствовали медпункты, бани, вошейбойки, медучреждения были частично укомплектованы персоналом, не хватало лекарств. Корейцы обслуживались в медпунктах и больницах на 70 коек в Келлеровском районе, медпункте с. Архангельское Петропавловского района.

Эпидемиологическая ситуация в республике была тяжелой. После принятия надлежащих мер для борьбы с распространением инфекционных заболеваний через райздравотделы и проведенной санобработки населения, последствия были частично ликвидированы. Открытые осенью 1942 года эвакуопункты, дезокамеры, бани, санпропускники, несмотря на запоздалые меры и слабую оснащенность, сыграли роль в предупреждении распространения острозаразных заболеваний среди спецпереселенцев и местного населения.

Эпидемиологическая ситуация в Казахстане значительно ухудшилась в начале 1944 года в связи с большим количеством депортантов с Северного Кавказа, Крыма, Грузии. Нередко председатели колхозов, руководители предприятий не выделяли подвод спецпереселенцам для переброски их в больницы, врачи отказывались посещать больных из-за удаленности. Большой проблемой была нехватка медицинских кадров. Численность умерших не всегда была точной, так как спецпереселенцы старались не регистрировать случаев смерти родных. С целью сохранения хлебных карточек умерших, получения иной помощи, их родственники показывали в документах «мертвые души».

По состоянию на 1 апреля 1949 года в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской областях было учтено 2590 спецпереселенцев, больных дистрофией, и зарегистрировано 18 случаев смертности в результате истощения от недоедания [92, с. 102].

Процесс обустройства спецпереселенцев напрямую был связан с их правовым, бесправовым статусом. Ограничения в перемещении

для отдельной категории спецпереселенцев вводились уже с 1936 года. Так, поляки брались на учет согласно приказу НКВД СССР №001223 от 1939 года. Им выдавались паспорта с указанием действия данного документа в пределах района, определенного для их проживания [87, с. 100]. Так, письмо УНКВД по Кустанайской области предписывало в соответствии с постановлением СНК СССР от 05.01.1945 года №35 уволенных местной администрацией спецпереселенцев направлять в их распоряжение и не осуществлять приема на работу без спецразрешения. В письме отмечалось, что задержанный в пути следования спецпереселенец с удостоверением, выданным местными властями, будет арестован и привлечен к уголовной ответственности за побег по ст. 82 УК РСФСР, а лицо, выдававшее удостоверение, будет нести ответственность за содействие в побеге» [170, л. 16].

Для спецконтингента устанавливался порядок выезда в командировки. С командировочными удостоверениями спецпереселенцы направлялись в УНКВД для получения санкций на перемещение. В Кокчетавской области частыми были случаи, когда спецпереселенцам необходимо было посетить родственников, проживавших в соседнем селе в 1-2 километрах, но сделать этого они не могли, так как требовалось разрешение райотделов МГБ. При этом спецкомендатуры находились на расстоянии 25-50 километров от райцентров.

Дела в отношении побегов «свободных узников» рассматривались на особом совещании при МВД СССР. Лица, виновные в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест поселения или способствовавшие их побегу, лица, виновные в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места прежнего жительства, и лица, оказывающих им помощь в устройстве в местах прежнего жительства, привлекались к уголовной ответственности и наказывались лишением свободы на срок 5 лет. «Расстрельной» статьей, по которой осуждались депортанты, была ст. 58 п. 13 УК УССР «активная борьба против советской власти», п. 10 «антисоветская агитация», пп. 6, 11 «подозрение в шпионаже и вредительстве».

Ежегодно составлялись справки о лицах, привлеченных к уголовной ответственности. Так, в 1951 году за грабежи, убийства, кражи, скотокрадство, дерзкие хулиганства в Кустанайской области было привлечено к уголовной ответственности 104 спецпоселенца, из

них 13 чеченцев, 82 ингуша, 9 немцев. В следующем году за изнасилование, кражу зерна, нецензурную брань, невыполнение приказа, кражу денег, нарушение режима было привлечено 276 спецпоселенцев, из них 82 чеченца, 121 ингуш, 73 немца. Уровень преступности за год увеличился в два раза. За паразитический образ жизни в области на 8 лет ИТЛ были осуждены 2 спецпереселенца по ст. 82 ч. 2 УК РСФСР за то, что в течение двух лет, являясь членами колхозов, нигде не работали. Одна из осужденных нигде не работала и выработала за два года всего 21 трудодень [172, л. 18].

Большой интерес в деле освещения правового статуса спецпереселенцев представляют телеграммы, рассылавшиеся по Казахстану, где указывалось на необходимость освобождения от занимаемых должностей народных заседателей судов – представителей немецкого, итальянского, румынского, финского, венгерского народов, а также административных ссыльных и высланных: «По нашей Сталинской конституции они этих прав не лишены, но в условиях Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками, в отправлении правосудия в качестве народных заседателей судов немцы, итальянцы, румыны, финны, венгры, административно-высланные поляки и другие национальности использованы быть не могут. В целях улучшения судебной работы в отправлении правосудия предлагается их от обязанностей народных заседателей судов освободить. Вместо них в случаях необходимости доизбирать в состав народных заседателей судов лучших работников, колхозников, советскую интеллигенцию, проявивших себя на производстве действительными патриотами Родины» [173, л. 22].

С целью восстановления «недостающих звеньев» в цепочке человеческих судеб, подвергшихся депортации, выяснения условий их проживания и содержания, нами были изучены личные дела спецпоселенцев. Такие дела формировались и велись горрайотделами МВД и ОСП МВД-УМВД Кустанайской области по подчиненным им спецкомендатурам в период с 1941 по 1956 годы. Эти документы, свидетели истории, изучая которые можно реконструировать процесс тотального контроля, морального и физического унижения и уничтожения людей.

В архивах Кустанайской области хранятся личные дела и учетные архивные карточки, которые заводились на депортантов. Большая часть документов заведена на немцев. По чеченцам и

ингушам сохранились лишь два-три личных дела, по другим национальностям - имелись учетные архивные карточки.

Перечень документов, входивших в личные дела депортантов, был таким:

1. Справка об основании к выселению и содержанию на спецпоселении. Она заполнялась начальником районного отдела МВД.

2. Анкета выселенца с фотокарточкой, заполняемая спецпоселенцем и подписываемая помощником коменданта района. Одноцветные фотографии сделаны в профиль и анфас, где запечатлены люди с измученными лицами, испуганными глазами, провалившимися скулами, почти в оборванной одежде.

3. Расписка об объявлении выселенцу постановления СНК СССР №35 от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев» и Указа Президиума Верховного совета от 26 ноября 1948 года. Спецпоселенцы давали расписку о невыезде за пределы места проживания. При этом расписки о несовершении побегов давали не только молодые, люди среднего возраста, но и дедушки и бабушки 70-75 летнего возраста. Текст таких расписок навевает на обреченность, запрограммированность людей, вынужденность положения.

4. Постановление о наложении административных взысканий (арест, штраф). Само наличие данного пункта и его формулировка свидетельствовали о том, что сотрудники комендатур должны, скорее обязаны, были наложить на спецпоселенцев административные взыскания, подвергнуть их аресту или оштрафовать, так как это являлось показателем их успешной работы.

5. Справки по заслуживающим внимания агентурным донесениям и другие компрометирующие материалы.

6. Заявление выселенца о происшедших изменениях в составе семьи и изменении места жительства.

7. Материалы о привлечении спецпереселенцев к уголовной ответственности.

Большая часть документов, составлявшихся на спецпереселенцев и хранящихся в их личных делах, была написана от личного имени. Личные документы у спецпоселенцев отбирались и приобщались к делам, вместо них выдавались временные удостоверения.

Дополнительно в личные дела могли быть включены:

1. Описания словесного портрета. В случае совершения побега, оперативность и результативность розыскных мероприятий в кратчайшие сроки позволяли определить словесный портрет, в котором указывались рост, фигура, цвет волос, глаз, особые приметы, прочие особенности и привычки спецпоселенца.

2. Регистрационный лист, свидетельствовавший о ежемесячной процедуре регистрации спецпоселенца в комендатуре. Спецпоселенцы, вплоть до 1954 года, были обязаны являться в комендатуру и отмечаться в конкретный день один или два раза в месяц. С 1954 года явка на отметку осуществлялась один раз в год.

3. Автобиография. В основном ее составляли спецпоселенцы старшего возраста. В ней указывались события, происшедшие в жизни спецпоселенца до и после переселения, места выселения, родственники, находящиеся на поселении, и другие факты.

4. Протокол обыска. Данные документы свидетельствуют о том, что сотрудники комендатур, используя служебное положение, в любом месте и в любое время суток могли задержать и произвести личный обыск спецпоселенца. Обыск проводился в присутствии понятых. С этой целью в обязательном порядке составлялся протокол обыска, в котором фиксировались изъятые личные вещи. После соблюдения всех необходимых процедур эти предметы возвращались их владельцу.

5. Постановления на арест. В них указывалось, что в случае самовольного отлучения спецпоселенцев без соответствующего разрешения органов МВД, на основании постановления СНК СССР №35 от 8 января 1945 года, они могли быть подвергнуты аресту на 5 и более суток с содержанием в камере предварительного заключения.

6. В личные дела также подшивались производственные характеристики. Характеристика – это лицо, паспорт спецпоселенца.

К 1951 году режим содержания спецпоселенцев ужесточился. Ход этого процесса можно проследить по бумагам. Был расширен перечень документов в личных делах спецпоселенцев. Они были дополнены: распиской об объявлении уголовной ответственности за побег, выпиской из постановления Особого совещания МВД или МГБ СССР о выселении, постановления органов МВД или МГБ, санкционированные прокуратурой, приговоров колхозных собраний, проверочно-фильтрационными материалами и другими документами.

Спецпереселенцы находились на режиме спецпоселений до середины 50-х годов, но и после его отмены многие категории

спецпереселенцев были лишены права на возвращение в родные места. Приход к власти Н.С. Хрущева ознаменовал собой начало реформ, направленных на восстановление прав и свобод депортированного населения, создания их национальных автономий. Согласно постановлению ЦК КПСС от 5 июля 1954 года «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев» спецпереселенцам, состоявшим на учете и занимавшимся общественно-полезным трудом, предоставлялось право проживания в пределах области, республики. Это положение не распространялось на спецпоселенцев, не занимавшихся трудом, нарушавших режим и общественный порядок в местах поселения. На регистрацию в органы МВД спецпоселенец был обязан явиться лично, один раз в год. Оговаривалось, что за совершение самовольного выезда с места обязательного поселения он несет уголовную ответственность по статье 82 части 1 УК РСФСР. С учета в органах МВД снимались дети спецпереселенцев до 16 летнего возраста включительно, причем дети снимались с учета раньше, чем их родители. Снимались с учета и дети спецпереселенцев старше 16-летнего возраста, принятые и направленные в учебные заведения. Им разрешалось выезжать к месту учебы в любой пункт страны [92, с. 90].

Процесс преодоления последствий депортаций получил продолжение во второй половине 50-х годов, когда был принят ряд указов Верховного Совета и постановлений Совета Министров о снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев. Указом ПВС от 13 декабря 1955 года были сняты с учета спецпоселения и освобождены из-под адмнадзора немцы, выселенные в период войны, немцы-граждане СССР, которые после депортации из Германии были направлены на спецпоселение. В 1956 году были восстановлены национальные автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей. Переселения на свою историческую родину охватили также карачаевцев, балкарцев, азербайджанцев, за исключением немцев, поляков, корейцев, крымских татар, греков [174, с. 3-5]. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 января 1956 года №62-41 сс с учета спецпоселения были сняты поляки и члены их семей, выселенных в 1936 году из пограничных с Польшей районов УССР. Спецпереселенцы наделялись равными политическими правами и вносились в списки избирателей на общих для всех основаниях [155, л. 28]. В феврале 1956 года состоялся XX съезд

КПСС, сыгравший важную роль в судьбе депортантов. 28 апреля был подписан Указ «О снятии ограничений по спецпоселению крымских татар, балкарцев, турок, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

Таким образом, с одной стороны, являясь по Конституции гражданами СССР, депортанты в реальности были полностью лишены прав и свобод, с другой - поставлены вне закона. Советское государство налагало на них лишь одни обязательства. По сути, процесс обустройства спецпереселенцев был напрямую связан с их правовым положением. На протяжении двадцатилетнего периода правовые мероприятия государства были направлены на ужесточение режима спецпоселения, контроля за депортантами.

Значительную моральную и материальную поддержку переселенцам оказывало местное население, авторитетные и гуманные руководители. Безусловно, на первоначальном этапе в отношениях между коренным населением республики и спецпереселенцами имелись случаи недопонимания друг друга, что было обусловлено разным менталитетом народов, различиями в их хозяйстве, культуре, религии, значительные сложности представлял языковой барьер. Однако со временем, адаптировавшись, депортанты стали изучать русский и казахский языки, в свою очередь, обучая местных своему наречию. Как следствие межэтнических контактов являлось знание казахского языка представителями насильственно переселенных этносов.

1.3 Роль депортантов в экономическом развитии северного региона

Спецпереселение считалось эффективной с экономической точки зрения операцией. Предполагалось, что хлопоты, связанные с заселением спецпереселенцев, перекроются полученными выгодами от обеспечения рабочей силой основных народнохозяйственных отраслей, дополнительными преимуществами в борьбе за централизованно распределяемые ресурсы. Депортанты должны были стать дешевой рабочей силой для активного освоения природных ресурсов Казахстана.

Однако депортация оказалась не столь экономически выгодной, как ожидалось. Существовали факты расточительства

государственных средств. Это проявлялось уже на стадии расселения, когда из-за просчетов в выборе участков многие поселки переносились или ликвидировались, забрасывались поселки с имевшимися строениями, распаханной землей [175, с. 20]. Более того, ряд депортированных этносов разместили на территории разоренных колхозов.

Хозяйственная деятельность спецпереселенцев нередко была убыточной. Качественные показатели производственной деятельности спецпереселенцев оказались крайне низкими. Затраты производились только на перевозку и организацию спецпереселенцев. Все остальное должно было стать заботой самих депортантов, они сами должны были построить жилье, снабжать поселки продуктами питания и работать. Однако в реальности все было не так гладко. Отсутствие инфраструктуры в местах заселения спецпереселенцев приводило к различным трудностям. Спецпереселенцы не являлись заключенными, лишенными свободы, но и не были свободными. Их принудительный труд должен был оплачиваться по стандартам вольнонаемного труда. На практике все значительно упрощалось, и правовая дискриминация влекла за собой дискриминацию в оплате по труду, в бытовом положении. Для начальников лесоучастков, лесопунктов, леспромхозов и других предприятий, где спецпереселенцы использовались на работах, они были определенно в чем-то виновны. Главное, что интересовало руководство – это высокая производительность труда спецпереселенцев. Администрация на местах была убеждена в том, что спецпереселенцы – люди временные, и никаких мер для «закрепления», то есть создания надлежащих жилищно-бытовых условий, а также обеспечения медицинским и социальным обслуживанием, предпринимать не обязательно [175, с. 21].

На предприятиях, где использовался труд спецпереселенцев, наблюдалась большая текучесть кадров, многие оставляли рабочие места, дезертировали. Так, на Петропавловской электростанции в 1943 году совершили побег 135 человек из числа поляков, армян, украинцев, болгар. Кроме того, спецпереселенцы не возвращались на рабочее место после отпуска, переезжали в другую местность, многие за совершение преступлений отправлялись в исправительные учреждения, часть уезжала в связи с репатриацией.

Сталинское окружение понимало, что чрезмерной централизацией государства и запугиванием людей войну не

победить. Поэтому начинается обращение к патриотическим и религиозным чувствам народов СССР, изучение и пропаганда военной истории, национально-освободительной борьбы. Кроме того, эти мероприятия должны были носить «профилактический», «успокоительный» характер, поднимая и укрепляя боевой, и, одновременно, мирный дух местного населения и спецпереселенцев, вдохновляя их на новые трудовые подвиги. По сути, религия была поставлена на службу государству, но уже атеистическому. Внимание властей уделялось повышению роли религиозных деятелей среди мусульманского населения. По сути, таким образом, советская власть «убивала» нескольких зайцев, не только утихомиривая горячие головы, но и создавая мост доверия, взаимопонимания между спецконтингентом и местными жителями. «Муллы оказывали серьезное влияние на укрепление хозяйственного устройства спецпереселенцев, на добросовестное отношение их к труду и оздоровление политического настроения». С помощью религиозного «ключика» пытались решить вопросы выборов депутатов в Верховный Совет в 1946 году. Через служителей мечети чеченцы и ингуши вместе с другими спецпереселенцами привлекались к участию в выборных кампаниях. Так, Затобольский райком КП (б) К провел спецсовещание со служителями церкви, на котором не только разъяснил обращение ЦК КП (б) К, но призвал провести работу среди избирателей [54, с. 117].

Трудовой деятельностью, потом и кровью спецпереселенцы должны были искупить свою «вину» перед отечеством. Трудотерапия применялась также как средство перевоспитания «противников советской власти». Созидательный труд помогал спецпереселенцам выживать, иметь возможность зарабатывать на хлеб. В работу были вовлечены люди разных возрастов, престарелым родителям помогали дети. Женщины, отдав детей в детские сады, «оставляя одних дома, привязав их к кроватям», участвовали в колхозных работах.

Многие корейские колхозы продолжили свою прежнюю хозяйственную деятельность. Процесс выращивания теплолюбивых растений в них не прекращался, зимой строились многочисленные парники. Так, переселенческие корейские колхозы «Самир» и «5-е декабря» стали первыми овощеводческими колхозами в Кустанайской области. Расширялось зерновое, мясное хозяйство, увеличивались посевные площади. В пяти переселенческих колхозах СКО в 1938 году по сравнению с предыдущим количество освоенной

земли почти удвоилось. Валовой доход корейского колхоза «Красный Восток» возрос более чем в два раза.

Корейские колхозы внесли существенный вклад в развитие сельского хозяйства республики. Сельхозартель «5 декабря» Кустанайской области сумела в первый же год после вселения повысить валовой доход примерно в три раза. Так, если в 1938 году он составлял 142,9 тысяч рублей, то в 1939 – 420 тысяч рублей [13, с. 81]. Парники, построенные трудолюбивыми корейцами в конце 30-х годов, уже модернизированные, функционируют в Кустанайской области и сейчас.

Трудовые достижения спецпереселенцев, местного населения стимулировались в добровольно-принудительном порядке. Это было связано с изменениями в трудовом праве советского государства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года в стране устанавливался восьмичасовой рабочий день и семидневная рабочая неделя, был уменьшен список производств с сокращенным рабочим днем, сокращен список праздничных дней. Работникам запрещалось увольнение по собственному желанию, инженерно-технических работников и квалифицированных работников могли переводить на другие предприятия и в другие регионы без их согласия.

Нарушение трудового законодательства с 1940 года влекло за собой уголовную ответственность. Так, «прогул», то есть отсутствие на рабочем месте без уважительной причины свыше 20 минут, наказывался исправительными работами до шести месяцев, а самовольный уход с работы – тюремным заключением до четырех месяцев. Для подростков вводилась трудовая повинность. Еще более жесткий режим устанавливался в годы войны, что было связано с чрезвычайными обстоятельствами. Была установлена трудовая повинность для граждан, рабочий день увеличился до 11 часов, очередные и дополнительные отпуска были отменены. Рабочие и служащие военных предприятий за самовольный уход с работы наказывались, как за дезертирство, на срок от пяти до восьми лет заключения. За уклонение от трудовой повинности устанавливалась уголовная ответственность в виде исправительных работ от шести месяцев до года [146, с. 239]. Несмотря на «драконовские» меры спецпереселенцы передавали в фонд обороны овощи, шерсть, молоко, собирали металлолом, теплые вещи для Красной Армии, отчисляли трудодни, сдавали облигации, перечисляли средства на строительство

танковых колонн, эскадрилий [176, л. 60].

Труд депортантов активно использовался на эвакуированных в Северный Казахстан промышленных предприятиях. Не случайно здесь была размещена значительная часть эвакообъектов, где спецпереселенцы, наравне с эвакуантами и местным населением, трудились на нужды фронта. Будучи призванными в ряды трудовых армий, они возводили железные дороги, объекты Урала, шахты Караганды, заводы и фабрики Северного Казахстана.

Спецпереселенцы были мобилизованы в трудовую армию через военкоматы, отделы спецпереселений. Так, массовой мобилизации подлежали трудоспособные поляки в возрасте от 16 до 60 лет [177, л. 190]. Наряду с ними на объектах работали административно-высланные и эвакуанты. Так, в СКО спецпереселенцы трудились на строительстве Петропавловской ТЭЦ-2, кирпичном заводе, в Государственной строительной монтажной конторе №52 (ГССМК) и других крупных объектах [173, л. 20]. На возведении Петропавловской электростанции были задействованы немцы, призванные Кзыл-Туским, Соколовским районными отделами НКВД СКО, направленные в распоряжение УНКВД по СКО по наряду №0/1110 от 30 сентября 1943 года. Кроме того, сюда прибывал спецконтингент из южных областей республики [173, л. 15]. Спецпереселенцы на ТЭЦ-2 работали трактористами, кочегарами, машинистами, молотобойцами, слесарями, разнорабочими. На 52 ГССМК их использовали как чернорабочих. Состав рабочих и служащих Петропавловской ТЭЦ-1, 2, 52 ГССМК был интернационален: немцы, евреи, латыши, поляки, болгары, украинцы, греки, грузины, армяне, татары, чеченцы, ингуши, молдаване, мордва и другие.

Судя по архивным документам, труд спецпереселенцев использовался не полностью. Как отмечают архивы, в конце 1940 года трудовое использование поляков было неудовлетворительным. В Павлодарской области использовались 45% переселенцев. Из 8 700 человек в Кустанайской области были трудоустроены 2901. Поляки трудились в Челябинске, на Карагандинских шахтах, лесопильном заводе «Челдай», Майском руднике, известковом заводе, предприятии «Майкаинзолото» Павлодарской области. В Кокчетавской области строили ж/д Карталы-Акмолинск, Акмолинск – Апановка, в Кустанайской - трудились на предприятии «Джетыгаразолото». В СКО они изготавливали трикотаж и обувь

[170, л. 16]. На Акмолинском заводе «Казсельмаш» в 1944 году работали представители разных национальностей: казахи – 49,5 %, узбеки – 15,0 %, евреи – 16,0 %, русские – 10,2 %, поляки – 8,0 % и другие – 1,3 % [13, с. 125]. На строительстве железной дороги Акмолинск-Карталы были задействованы представители 50 национальностей, значительная часть которых состояла из переселенцев и эвакуантов [179, с. 33].

К концу 1940 года большая часть поляков в Павлодарской области не была трудоустроена. На комбинате «Майкаинзолото» 700 спецпереселенцев находились в худших условиях, чем другие рабочие. Директор прииска заявлял: «Мне эти люди совершенно не нужны». Заведующий продовольственным снабжением комбината пытался «очистить» прикрепленных к стахановскому магазину спецпереселенцев - стахановцев потому, что местные рабочие жаловались на то, «что им приходилось стоять в очереди за поляками» [87, с. 112, 113]. Положение, в котором находились поляки Кустанайской области, было идентичным. Значительная их часть трудилась на комбинате «Джетыгаразолото», здесь проживали по 7-15 семей в бараках.

Переселенцы добросовестно относились к труду. Так, на комбинате «Джетыгаразолото» поляки перевыполняли производственные нормы. Так, из 314 спецпереселенцев 144 выполняли нормы на 100 и более процентов [153, л. 62].

Несмотря на свой статус, спецпереселенцы требовали к себе гуманного отношения. Так, Польское посольство отправило ходатайство в Наркомат иностранных дел СССР с просьбой об освобождении польских граждан, проживавших в Северо-Казахстанской области, от работы в рождественские дни. Это ходатайство было не только отклонено, но и послужило поводом для ужесточения в вопросе ограничения прав поляков. «В случае организованного невыхода на работу польских граждан в эти дни, подстрекателей и организаторов привлекать к уголовной ответственности» [170, л. 7]. 21 мая 1942 года Кустанайский облисполком получил ноту польского посольства, в которой сообщалось о фактах принудительного привлечения польских граждан на работы [124, л. 183].

Наряду с крупными промышленными объектами спецпереселенцы трудились и на мелких предприятиях. Так, поляки в Северо-Казахстанской области были задействованы на

производственных предприятиях. Первое, располагавшееся в с. Явленка Ленинского района, специализировалось на производстве и пошиве трикотажных изделий. Второе - в Петропавловске имело пошивочный и обувной цеха [170, л. 16].

Труд немцев использовался на промышленных объектах, разработке и добыче полезных ископаемых, в сельском хозяйстве. Их в 1942 году «в целях рационального использования» мобилизовали в трудовые колонны. В соответствии с постановлениями ГКО №1123сс от 10 января 1942 года «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», от 14 февраля 1942 года «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках», все немцы-мужчины указанного возраста, годные к физическому труду, на все время войны подлежали мобилизации в рабочие колонны. Основная часть из 120 тысяч немцев, призванных в ряды трудовой армии, была распределена на лесозаготовки, строительство заводов, 40 тысяч человек направлялось на строительство железных дорог, в том числе Акмолинск-Карталы и Акмолинск-Павлодар. Этой численности государству было недостаточно. Поэтому позднее, согласно постановлению ГКО №2383 сс от 7 октября 1942 года, возрастные рамки немцев-мужчин были расширены с 15-16 лет и до 51-55 лет. Одновременно осуществлялась мобилизация немцев в возрасте от 16 до 45 лет. Немцев, согласно указанию, отправляли на объекты нефтяной и угольной промышленности. Так, мужчин распределили на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь» Народного комиссариата угля, немцев - на предприятия Наркомнефти [28, с. 172, 173].

На предприятия «Карагандауголь» из Кустанайской и Акмолинской областей были отправлены 4 тысячи немцев, «Богословуголь» - из СКО 3 тысячи человек, «Главнефтестрой» - из Павлодарской - 1500 человек, «Кузбассуголь» - из Павлодарской - 500 человек, «Главнефтестрой» - из Акмолинской - 700 немцев, Кустанайской - 1500, Павлодарской - 1 000, СКО - 2 000 немцев. На заводы машиностроения мобилизовали из СКО - 700 человек, Акмолинской области - 300, Кустанайской - 300, «Куйбышевнефть» - из Павлодарской - 1500 человек [28, с. 131, 133]. Немцы, призванные из СКО, трудились на заводе «Челябметаллургстрой», использовались в подсобных хозяйствах НКВД [106, л. 2]. На

комбинате «Карагандауголь» в основном работали немцы, поляки и другие, призванные из северных областей Казахстана. Из Кустанайской области были мобилизованы главы 1812 семей, Акмолинской – 1809, Павлодарской – 403, СКО – 241. Начальство комбината неоднократно выступало перед руководством республики с инициативой оказания помощи по воссоединению семей рабочих, мобилизованных на комбинат [92, с. 144].

В сельской местности немцы работали животноводами, пимокатами, доярками. Производственные характеристики, составляемые на спецпоселенцев, свидетельствовали о том, что многие были исполнительными работниками. Так, спецпоселенка А. Шнайдер являлась членом совхоза 1-го Мая Буденовского сельского совета, работала на разных работах. К работе относилась добросовестно. Административных взысканий не имела [106, л. 1]. В колхозе «Прииртышская правда» Бескарагайского района в животноводстве работали спецпереселенцы-немцы, многие доярки, пастухи, чабаны получили шерсть, скот, молоко в порядке дополнительной оплаты труда [180, с. 313, 314].

В годы войны немцы неоднократно перечисляли в фонд обороны продукты питания, передавали теплую одежду для солдат, несмотря на то, что сами голодали, ходили без одежды. К примеру, жители колхоза «Роте Фане» в сентябре 1941 года выделили в фонд обороны 100 цнт картофеля, 10 цнт капусты, 5 цнт помидоров, 3 цнт огурцов, 1 цнт шерсти. Каждый член сельхозартели сдавал по 3 литра молока, ежемесячно отчислял по 2 трудодня, сдавал облигации займов, колхозники собирали металлолом, теплые вещи для Красной Армии, перечисляли заработки на строительство танковых колонн, эскадрилий [176, л. 60].

Наряду с трудовой деятельностью, спецпереселенцы активно проявляли свою гражданскую позицию, высказывали мнение о политических событиях в стране. Архивы хранят высказывания депортантов о выборах депутатов в Верховный Совет СССР в феврале 1946 года.

По Конституции СССР от 5 декабря 1936 года, Конституции Каз ССР от 26 марта 1937 года вводилось всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании [146, с. 105]. Таким образом, этим правом обладало не только местное население, но и депортанты, которых принуждали осуществлять свой выбор тех или иных кандидатов. Так, немец А.Я. Кайль говорил: «Советское

правительство спаслось от разгрома, теперь проводит выборы в Верховный Совет СССР, эти выборы долго существовать не будут, через год-два СССР не будет, его уничтожат, будет так, как хотел Гитлер, Гитлер жив и будет жить. Дуракам нечего делать, они вывешивают списки избирателей, выборы в Советы – это чепуха». А. Киркснер отметил: «Это не выборы, а комедия, все равно назовут имя вождя партии, все останутся на своих местах, это обман, они уже 28 лет обманывают народ». Ф. Курц из Бескарагайского района, отмечал: «Я получу бюллетень, но голосовать не буду, так как не знаю, за кого голосовать, ибо кандидатура назначается где-то». Немец Ф.А. Кох из Иртышского района в беседе с И. Гейнцем заявил: «Смотрите, уже установлена витрина, где должны проходить выборы в Верховный Совет СССР, нас мучают этой агитацией, для нас это бесполезно, нам выборы не нужны. Новые органы снова будут обманывать массы, это не выборы, а обман, мы не верим в них. В Конституции СССР указано «равноправие», - где вы его видели, равноправия нет». И. Гейнц поддержал: «Зачем мне выбирать кого-то, ведь без меня обойдутся, на кой черт мне нужен Верховный Совет, все равно они будут для себя, а не для нас» [145, л. 32, 33].

Согласно принятым в марте 1944 года «Правилам по хозяйственному и трудовому устройству спецпереселенцев-калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев» вопросы трудоустройства спецпереселенцев контролировали органы НКВД. Переселенцы пользовались «правом» устройства на работу в совхозах, МТС, кустарно-промысловых артелях, в других госорганах. Там, где возможность устройства на работу была исключена, их труд использовался на черновой работе. Основная часть спецпереселенцев использовалась на колхозных работах не по специальности, им запрещалось переходить с одной работы на другую, без разрешения спецкомендатур НКВД. При этом Правила предписывали использовать лиц с высшим и средним специальным образованием только по своей специальности. При отсутствии возможности использовать специалистов в районах расселения НКВД разрешало им перемещаться в другие регионы с целью поиска соответствующей работы. При отсутствии работы на селе, в промышленности, депортантам разрешалось объединяться в артели промысловой кооперации.

В соответствии с Постановлением ГКО №5073 сс от 31 января 1944 года «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в

пределах Казахской и Киргизской ССР» спецпереселенцев с Северного Кавказа использовали в сельском хозяйстве, рабочих и служащих - на предприятиях по специальности.

Вопросы трудоустройства переселенцев неоднократно пересматривались, оттачивалась схема «рационального» использования их труда. Согласно Постановлению СНК СССР №35 от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев» все трудоспособные спецпереселенцы были обязаны заниматься общественно-полезным трудом. В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организовывали трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях.

Качество рабочей силы в аграрном производстве в годы Великой Отечественной войны претерпело резкие изменения. В армию ушли не только физически наиболее трудоспособные жители села, но самая квалифицированная часть – механизаторы, шоферы и т.д. «Военной» стала и половозрастная структура сельских трудовых ресурсов. Мобилизация мужчин на фронт привела к снижению доли трудоспособного населения в составе населения республики и вызвала необходимость изыскания трудового потенциала. Мобилизация трудовых ресурсов поставила задачу планового учета и распределения рабочей силы и, прежде всего, вовлечения в трудовой процесс незанятого в общественном производстве наличного трудоспособного населения республики. Исследования демографической ситуации в 1941-1945 годах в региональном разрезе привели к выводу, что наиболее заметные сдвиги наблюдались в демографическом положении северных и южных областей Казахстана, вызванное активными миграционными процессами.

В 1942 году удельный вес мужского трудоспособного населения, занятого в колхозном производстве, составлял 22 %. И в то же время здесь трудилось 649 тысяч женщин и 255 тысяч подростков. Последних фактически было еще больше, так как на уборку урожая было привлечено 200 тысяч школьников. С 10 декабря 1941 года во всех средних учебных заведениях были введены дополнительные занятия по обучению учащихся сельскохозяйственным работам. Приведенные выше цифры говорят о том, что женщины, старики и дети выступали главной движущей силой колхозного производства [13, с. 310]. В 1944 году в общей

массе трудоспособного населения на мужчин приходилось 20 %, на женщин и подростков – 58 % и 22 %.

Основная масса спецпереселенцев относилась к труду добросовестно. О трудовых достижениях депортантов свидетельствуют многочисленные примеры. Большинство из них демонстрирует профессионализм, преданность своему делу, стремление быть полезным семье, обществу, государству. Часть спецпереселенцев перевыполняла производственные нормы. Так, в Кустанайской области в 1945 году были премированы скотом, вещами, деньгами, занесены на доску почета 236 спецпереселенца. В Джетыгаринском районе были премированы 286 человек. В колхозе «Красный партизан» этого района на доске почета находились 2 переселенца. В колхозе им. Ворошилова М. Богучев, выработав 700 трудодней, премировался коровой. Н. Надаев на комбинате «Джетыгаразолото», перевыполнив норму на 300 %, был награжден патефоном. Заведующий овцефермой колхоза «Красный партизан» Джетыгаринского района К. Сорданов премировался 15 баранами. В колхозе «Шевченко» Урицкого района спецпереселенцы Ш. Согданов, А. Талхагов, А. Зубаиров, А. Доканов получили в качестве премии 20 баранов, мануфактуру, деньги. В колхозе «Красный Восток» сапожник С. Турхаев за перевыполнение нормы был награжден медалью «За доблестный труд» и премирован 200 рублями. В колхозе «Рабочая нива», Ленина Затобольского района звеньевые А. Мальсагов, В. Духиев за высокий урожай также получили премии [181, л. 1]. В колхозе «10 лет Октября» тракторист Х. Котиков, выработав 1200 трудодней, получил 11 цнт зерна. В Москалевском мясосовхозе Семиозерного района кузнец А. Абдурахман за перевыполнение нормы на 200 %, был премирован костюмом. В колхозе им. Когановича Тарановского района колхозник М. Исмаил, тракторист Б. Тарехман за систематическое перевыполнение нормы были премированы двумя овцами и косилкой. В колхозе «Калайда» Федоровского района чабан З. Маминов за сохранение поголовья скота получил премию 12 овец. В колхозе «Свободный труд» Убаганского района А. Катин выработал 718 трудодней и был премирован телкой [124, л. 6].

В колхозе имени Вильямса Мамлютского района СКО А. Израйлов, С. Бицеев, выработав 1373 трудодня, были премированы овцами. В Приишимском районе С. Тулаев, выработав 500 трудодней, был премирован деньгами. Комбайнер Чистянской МТС

Конюховского района К. Умаев, при норме в 530 га, обмолотив хлеба с 900 га, был премирован посылкой и коровой. В колхозе «Свет» того же района чабан З. Элемханов, выработав 800 трудодней, был премирован овцой. В Пресновском районе СКО комбайнер А. Ходжанов неоднократно премировался мануфактурой, валенками, коровой. В колхозе «Коминтерн» Петропавловского района Б. Кодзоев, участвуя на уборке, выработал 540 трудодней. В колхозе имени Ворошилова Ленинского района А. Чумаков, работая кузнецом, выработав более 900 трудодней, был награжден овцой [158, л. 6].

В Кокчетавской области спецпереселенцы в колхозах «Путь к свету», «Путь пролетария» Рузаевского района Н. Льянов, Х. Цуров за выработку трудодней ежегодно премировались деньгами, скотом. В колхозе «Победа» подросток А. Льянов, выработав за год 452 трудодня, был премирован овцой. В колхозе «Пролетарий» подросток Ю. Зумурзаев, выработав 349 трудодней, был премирован овцой. В колхозе «Кзыл-Угом» Энбекшильдерского района Ж. Евлоев, выработав 578 трудодней, его сын подросток Г. Саломон, выработав 231 трудодень, правлением колхоза были премированы овцой. В колхозе «Советский пахарь» Б. Цуров, выработав 650 трудодней, получил в качестве премии овцу; его сын, подросток, выработав 232 трудодня, также был премирован. В колхозе «Жаналык» Ш. Петиев с семьей, выработав 1370 трудодней, получил в качестве премии корову. В колхозе «Новый труд» Чкаловского района А. Шахмурзиев с семьей, выработав 1363 трудодня, получил премию 7 баранов [160, л. 23].

Передовиков производства представляли к наградам. Так, комбайнеру Красноармейской МТС И.А. Женскому в 1951 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда. 6 комбайнеров-спецпереселенцев Имантаевской МТС Арык-Балыкского района были также представлены к наградам. Кузнец Алабатинского мясосовхоза В. Островский перевыполнил норму на 222 %, кузнец Рузаевского мясосовхоза И. Диль - на 250 %, комбайнер К. Шмидт - на 140 %, машинист К-6 К. Синявский скошил 515 гектаров сена, за 5 дней – 124 гектара. В Кокчетавском горпромкомбинате 8 поляков были занесены на областную Доску почета [87, с. 74, 75]. За вклад в развитие сельского хозяйства, участие в войне, многодетность поляки награждались орденами Ленина, Трудового Красного знамени, «Красной звезды», «Отечественной войны», «Мать-героиня»,

«Материнская слава», медалями «Материнская слава», «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 годов», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», «Знак почета».

В 1951 году в Кустанайской области часть чеченцев, ингушей была трудоустроена. Почти все спецпереселенцы были задействованы на разных участках работы, в основном, в качестве разнорабочих в сельском хозяйстве. Численность квалифицированных специалистов из среды чеченцев и ингушей была незначительной. В Соколовском, Мамлютском, Приишимском, Конюховском районах СКО свыше 50 %, а в некоторых 100 % переселенческого населения не участвовало в колхозных работах [151, л. 3].

Следует отметить, что учет должностей, занимаемых спецпереселенцами, органы местного самоуправления, эвакуационно-переселенческие отделы зачастую не вели. Однако, заметно, что переселенцы редко занимали руководящие посты. Так, управляющим Кустанайского филиала «Главтабаксырье» являлся спецпереселенец Н. Плиев, заместителем управляющего «Заготзерно» М. Веджикиев, помощником первого заместителя председателя облисполкома Г. Хамчиев. По области насчитывалось 62 спецпереселенца, занимавших ответственные должности. В Кустанайской области в 1945 году на должности заместителя председателя колхоза находился 1 чеченец [181, л. 1].

В Кокчетавской области в 1952 году значительная часть поляков работала на руководящих должностях. В районах области – 607 человек, из них председателей колхозов – 34, их заместителей – 29, заведующих фермами – 114, бригадиров – 147, бригадиров тракторных бригад – 81, председателей месткомов – 28, председателей сельских советов – 20, агрономов, зоотехников, техников – 34 и т.д. [87, с. 87]. В области из числа поляков назначались руководители населенных пунктов, бригадиры. В областном центре в 1952 году насчитывалось 116 поляков, трудившихся инженерами, учителями, врачами. В районах области в числе 607 человек были председатели колхозов – 34, заместители – 29, заведующие фермами – 114, бригадиры – 228, предместкомы – 28, предсельсоветов – 20, агрономы, зоотехники, техники – 34 человека [87, с. 87].

Спецпереселенцы оказали влияние на развитие сети образовательных учреждений Северного Казахстана. При их участии

были организованы библиотеки, дома культуры, школы. В 1951 году на должностях заведующих библиотеками, избами-читальнями работал 31 поляк [87, с. 72,73].

Большинство учителей-спецпереселенцев добросовестно относилось к работе. Многие были награждены орденами и медалями СССР за долголетний и безупречный труд, а также значками «Отличник народного просвещения». Среди них учителя средней школы №57 ст. Кушмурун – К. Деннер и Н. Шейбель, награжденные медалями «За трудовое отличие». Заслуженным авторитетом среди учащихся и родителей пользовались немцы: О. Кирш – директор Семеновской школы Затобольского района, И. Рехтер – преподаватель математики Сергеевской школы Затобольского района, К. Бауэр – преподаватель химии Денисовской средней школы Орджоникидзевского района, ингушка А. Какиева – преподаватель биологии Смирновской школы Пешковского района, чеченец В. Ахриев – преподаватель математики Глебовской школы Орджоникидзевского района и другие [165, с. 259-263]. Заслуга этих людей в том, что они не только смогли сами получить образование, но и обучали других, прививая молодой поросли республики уважительное, толерантное отношение к другим народам.

В Кустанайской области к началу 50-х годов было зарегистрировано 325 учителей из числа спецпереселенцев, из которых 265 человек были задействованы в школах всеобуча, средне-специальных учебных заведениях, органах народного образования. Практически все педагоги являлись немцами. Оставшаяся часть учителей использовалась на другой работе.

В Кустанайской области спецпереселенцы трудились также в медицинской сфере, работая врачами, фельдшерами, медсестрами. Так, Ни Сарра Н. – врач-хирург Кустанайской центральной амбулатории, Цхай С.А. – фельдшер Кустанайского района, Кан Гирсун – фельдшер Убаганского района [139, л. 55, 56]. По сути, сами спецпереселенцы, занимаясь благородной врачебной деятельностью, активно помогали себе и местному населению в борьбе с болезнями.

Спецпереселенцы, несмотря на свое бесправное положение, вступали или состояли в рядах коммунистической партии. Они отстаивали интересы государства, по сути, бросившего их на произвол судьбы. Так, к концу 1952 года в Кустанайской области на комсомольском учете состояли 30 немцев, 10 чеченцев, 2 ингуша. 3 спецпереселенца имели правительственные награды за вклад в

развитие сельского хозяйства, 4 – были награждены грамотами обкома комсомола, «шли в авангарде всесоюзной молодежи и систематически выполняли и перевыполняли нормы на всех проводимых сезонных работах» [182, л. 19].

Депортанты внесли значительный вклад в развитие Северного Казахстана. Корейское население в северных областях Казахстана занималось выращиванием овощных, бахчевых, злаковых культур, немцы - земледелием, чеченцы и ингуши - скотоводством. Дешевый труд депортантов использовался в промышленности, аграрном секторе экономики. При этом спецпереселенцы трудились в качестве разнорабочих. По сути, экономическое развитие советского государства зиждилось на трех «китах» – титаническом труде спецпереселенцев, эвакуированных и местного населения. «Триумвират» заключенных, полусвободных и свободных был поставлен на службу потребностям советского государства, являлся средством решения различных государственных проблем.

2. ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2.1 Динамика численности, особенности обустройства эвакуанаселения

Беспримерной в мировой истории, героической и драматической эпопеей явилось массовое перемещение в годы Великой Отечественной войны из угрожаемых районов советского государства в восточные регионы страны населения, промышленных предприятий, учреждений науки, культуры, продовольствия и других материальных ценностей.

Перебазирование производительных сил в глубокий тыл являлось легендарным, значительным достижением тружеников тыла. Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на Восток - одна из величайших саг истории. Эвакуация по своей значимости оказалась равной величайшим битвам второй мировой войны. Она стала одним из факторов, обеспечивших победу советского народа в Великой Отечественной войне, позволила спасти жизни миллионов людей, пополнила рабочей силой, производственными мощностями экономику советского тыла.

Известный английский публицист Александр Верт, корреспондент Би-би-си, газеты «Санди таймс», в годы войны находившийся в СССР, писал: «Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены, и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года – это, прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости» [1, с. 148]. Великолепнейший организаторский подвиг был совершен в советском государстве в самый разгар германского вторжения, когда огромной важности промышленные районы европейской части страны оказались захвачены врагом [183, с. 152].

Без успешного выполнения столь грандиозной производственной операции, проведенной в СССР в 1941-1942 годах, невозможно было не только сохранить основную экономическую базу страны, но и организовать прочный тыл и оперативно переключить народное хозяйство на массовый выпуск необходимой

фронту военной продукции. Эвакуация была хотя и вынужденной, но крайне важной мерой, вызванной трагической обстановкой, сложившейся в зоне боевых действий уже в самом начале войны [15, с. 52]. Людей, промышленное оборудование было необходимо в кратчайшие сроки перебросить в более безопасное место. И таким регионом, приютившим и давшим кров нуждавшимся, стал Казахстан и северные его области.

Эвакуация населения и промышленных предприятий осуществлялась в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 года. Эвакуации подлежали не только квалифицированные кадры рабочих и служащих, старики, женщины, молодежь, промышленное оборудование, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение, но и жители населенных пунктов, сельские хозяйства, оказавшиеся в зоне боевых действий. Кроме того, к категории эвакуированного населения принадлежали также политэмигранты, в числе которых были представители польского, немецкого, еврейского народов.

Как отмечалось в документах тех лет, процесс эвакуации был приравнен к стихийному бедствию, так как люди уходили в спешном порядке; значительная часть промышленного оборудования, скота, иных материальных ценностей вследствие немецкой оккупации так и осталась на территории, захваченной врагом. Последствия эвакуации были тяжелыми.

Эвакуация населения и объектов проходили в сжатые сроки, зачастую под артиллерийским обстрелом и бомбежками, так как от этого зависел не только политический, экономический, но и военный успех страны. Значительная часть эвакуированного населения в начальный период войны была размещена в северных регионах Казахстана. Планомерное и организованное размещение эвакуантов по другим областям республики затруднялось тем обстоятельством, что прибывавшие эшелоны имели сборный контингент эвакуантов. Эвакуанты отправлялись в основном в те регионы, где имелись промышленные предприятия, транспортные развязки, более или менее развитая инфраструктура, преимущественно в городах или пригороде. Скорость передвижения железнодорожных эшелонов с людьми и оборудованием была достаточно велика, в сутки поезда проходили не менее 500-600 километров.

Для конкретизации статуса эвакуированного населения, определения их положения считаем необходимым ввести в научный оборот термин «эвакуанты», который подразумевает лиц, вынужденно переселяемых государством со своей территории в другие регионы на определенный (иногда неопределенный) срок, вследствие воздействия на них неблагоприятных политических, социально-экономических, техногенных, культурных факторов. В данном случае речь идет о вынужденном переселении в годы войны.

Первая партия эвакуантов прибыла в Казахстан 5 июля 1941 года. Они были встречены жителями Кустанайской области. Область, находясь в глубоком тылу, первой приняла предприятия, эвакуогоспитали, учреждения культуры, эвакуанное население. В июле 1941 года в область прибыли шесть эшелонов из Москвы, два - из Киева, в августе подошли еще четыре эшелона из Днепропетровска [184, л. 94]. К 1 августа 1941 года в республику были эвакуированы 15 206 человек из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии и Прибалтики [184, л. 94].

К сентябрю в Кустанайскую область прибыли 9137 человек, из них осталось в Кустанае 1990, остальные были отправлены в Мендыгаринский, Затобольский, Семиозерный, Федоровский, Урицкий, Карabalыкский, Пешковский и ряд других районов. В Кустанае эвакуированные размещались в школе №5, клубе облпромсоюза, школе глухонемых, общежитии фельдшерской школы, школе по улице Октябрьской.

В Кустанайскую область прибывали люди из Украинской, Белорусской, Крымской, Молдавской, Карело-Финской ССР, Свободы, Харькова, Тулы, Москвы, Воронежа, Днепропетровска, Киева, Ленинграда, Краснодар, Житомира, Кременчуга, Сталинграда, Ровно, Харьковской, Запорожской, Смоленской, Одесской, Могилевской, Полтавской, Бельской, Сумской, Ростовской, Витебской, Курской, Орловской, Черниговской, Новгородской, Винницкой, Калининской областей и других регионов [185, л. 21].

Основной поток эвакуированного населения в республику последовал в течение августа-декабря 1941 года. К 1 сентября Казахстан обустроил 24 258 человек, в том числе из РСФСР – 10 941, УССР – 6620, БССР – 5159, Карело-Финской ССР – 550, Литовской ССР – 231, Латвийской ССР – 294, Эстонской ССР – 158, Молдавской ССР – 113, Крымской АССР – 1181, других регионов – 181 человек.

Из них было 10 968 русских, 2695 украинцев, 1259 белорусов, 8218 евреев, 159 поляков, 32 немца, 39 литовцев, 159 латышей, 160 эстонцев и 569 человек других национальностей. 60,8% из них составляли женщины, 36,3% – дети и 39,2% – мужчины [186, л. 2].

В Кокчетавскую область эвакуанты поступали из Крымской, Кабардино-Балкарской, Карело-Финской, Молдавской АССР, Ленинградской, Сталинградской, Астраханской, Курской, Воронежской, Черниговской, Горьковской, Ровенской, Великской, Калининградской, Тамбовской, Орловской, Николаевской областей, Камышина, Краснодар, Днепропетровска, Донбасса, Крыма, Запорожья, Харькова, Керчи, Одессы, Москвы, Киева, Польша, Кишинев, Каменск-Подольск, Пскова, Малоярославля, Евпатории, Выборга, Старой Русы, Бобруйска, Волоколамска, Брянска, Житомира, Мурманска и других городов. Основная масса населения была эвакуирована из Ленинградской, Сталинградской областей, Крымской АССР, Киева. Согласно плану размещения в 15 районах Северо-Казахстанской области планировалось разместить 10 тысяч человек [187 л. 79].

Условия военного времени вносили свои коррективы. К концу 1941 года квота по эвакуированным в СКО возросла до 35 тысяч человек [187, л. 79]. В СКО размещались эвакуанты из Крымской, Дагестанской АССР, Московской, Ростовской, Харьковской, Запорожской, Рязанской, Черниговской, Краснодарской, Смоленской, Ленинградской, Сталинградской, Орловской, Винницкой, Одесской, Ивановской, Николаевской областей; Киева, Днепропетровска и других регионов. Большая часть прибыла из Московской, Ростовской, Запорожской, Ленинградской областей, из них значительное число людей было расселено в Петропавловске. Так, пенсионерка Игнатенко Мария Александровна, долгие годы проработавшая на обувной фабрике в Петропавловске, вспоминала: «Наш отец работал инженером на одном из местных заводов Смоленска. Я тогда была совсем маленькой и не интересовалась его работой. Однажды к нам домой приехал друг отца и сказал, что нам необходимо собираться в дорогу, так как враг уже близко. Родители молча переглянулись между собой и стали нас собирать. Помню, как в небе над городом злобно рычали самолеты, взрывались снаряды, кричали люди. Мы уходили под бомбежками, взяв с собой одежду и продукты. Несколько дней находились в пути, без еды, замерзали, по прибытию в Северо-Казахстанскую область оказались почти ни с чем».

Первая партия эвакуированных в количестве 23 человек прибыла в Павлодарскую область 25 августа 1941 года. Люди прибывали из Ленинграда, Москвы. К концу июля в области были размещены 218 человек, к ноябрю их стало насчитываться уже 5602 человека. На начало 1942 года в области располагалось 15 325 эвакуированных, третья часть из них осела в областном центре. К маю 1942 года численность эвакуированных увеличилась до 15 412 человек [188, с. 217, 218].

По данным эвакуационного отдела при СНК Казахской ССР на 2 октября 1941 г., в республику из прифронтовой полосы, Ленинграда и Москвы прибыли 65 691 эвакуированный, в том числе 11 931 мужчина, 28 213 женщин и 25 547 детей. Все они были размещены в различных районах республики, в том числе в Северном Казахстане (Акмолинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская) – 22 524 человека [189, л. 20]. На 1 ноября 1941 года в СКО было расселено 9152 человека. В этническом отношении они были представлены русскими, украинцами, евреями, молдаванами. Основная часть эвакуированных была размещена в Кокчетавском, Келлеровском, Айртауском, Петропавловском, Советском районах, в самом Петропавловске. К концу 1941 года их численность составила 14 853 человека [189, л. 20]. К 30 ноября 1941 года в Казахстан было направлено 161 323 человека, эвакуированных из 32 населенных пунктов [13, с. 93].

К концу декабря 1941 года в Казахстан прибыло 386 492 человека, из них свыше 136,5 тысяч детей [184, л. 97]. Большая часть эвакуированного населения была размещена в сельской местности – 64 %.

Численность размещенного к концу 1941 года в Кустанайской области эвакуантского населения по разным данным варьировалась от 20 до 40 тысяч человек. Источники свидетельствуют о том, что в регионе их насчитывалось 20 115, 23 147 [112, л. 10], 24 364 человека, из них 2411 мужчин, 1010 женщин, 11 943 детей [190, с. 8], всего 38 029 человек. Здесь эвакуанты были размещены в 18 районах, за исключением Амангельдинского, Введенского, Тургайского районов, г. Джетыгары. Многочисленная часть эвакуантов расселена в Мендыгаринском, Карабалыкском, Семиозерном, Урицком, Федоровском районах, г. Кустанае.

За период с августа 1941 по январь 1942 года в Казахстан прибыло 386 492 человека, среди них насчитывались 10 968 русских,

2695 украинцев, 1259 белорусов, 8218 евреев, 159 поляков, 32 немца, 39 литовцев, 159 латышей, 160 эстонцев, 569 человек другой национальности. 60,8 % составляли женщины, 39,2 % - мужчины, 36,3 % - дети [186, л. 2].

Первая половина 1942 года характеризуется резким спадом потока эвакуированных: за январь-июль 1942 года Казахстан принял 31 911 человек, убыло 34 129 человек. В этот период люди прибывали из Украинской ССР, Ленинграда, других городов. В течение мая-июля прибыло 6 197 человек.

В июле-августе 1942 года начался второй массовый поток населения из Воронежской, Сталинградской, Ворошиловградской, Ростовской областей, Северного Кавказа [13, с. 83].

В целях организации приема, размещения прибывающего эвакуантского населения СНК КССР установил план дополнительного размещения эвакуантского населения по областям и районам Казахстана. Реализация плана не заставила себя долго ждать. На 1 октября 1942 года в Кустанайской области числился 22 591 эвакуированный человек, профессиональный состав которых был таким: 216 педагогов, 96 медицинских работников, 12 партийных работников, 17 юристов, 56 техников, 6 агрономов, 47 инженеров, 49 журналистов, 51 экономист, 6 писателей, 18 актеров, 6 работников искусства, 24 телеграфиста, 19 шоферов, 3 механика, 4 зоотехника, 3 тракториста, 27 токарей, 13 плотников, 17 слесарей, 299 счетных работников [102, л. 4]. К 1 ноября численность эвакуантского населения увеличилась до 26 456 человек [139, л. 438].

По республике планировалось принять 193 тысячи человек, за август-декабрь 1942 года из Воронежской, Сталинградской, Ростовской областей и Северного Кавказа прибыло 109 807 человек. К концу года республика приняла более 530 тысяч человек [139, л. 439]. На это время приходился основной рост численности эвакуированных в Казахстане. К началу 1943 года численность эвакуантов уменьшилась, что было связано с их возвращением на освобожденные от врага территории. Значительное влияние оказала смертность в результате заболеваний, голода, тяжелых материально-бытовых условий.

На 1 января 1943 года в республике были зафиксированы 484 149 человек. Из них 155 206 человек (32,2 %) прибыли с Украины, 10,7 % - из Московской, 5,9 % - Ленинградской областей, из Молдавии и Белоруссии прибыло 2,2 % и 5,1 %, из Прибалтийских

республик – 0,9%, других регионов – 42 %. В Северном Казахстане было размещено 31,5 % эвакуированного в республику населения [191, с. 433, 434]. По другим данным, на севере республики было размещено 11,9% эвакуированного населения [13, с. 87].

К середине 1943 года стало насчитываться 466 155 эвакуантов [191, с. 433, 434], из них в одной Кустанайской области численность составила 32 394 (32 149) человека [190, с. 202]. Из 13 955 человек трудоспособного эвакуированного населения было трудоустроено 12 417 человек, из них в колхозах – 6358, в совхозах – 1586, МТС – 238, на промышленных предприятиях – 292, в различных учреждениях – 1 019 человек [190, л. 1].

В целом, свыше 1 миллиона эвакуантов были размещены в Казахстане [35, с. 310], из них в северном регионе - около 120 тысяч человек [80, с. 52].

Таким образом, численность эвакуированного в Северный Казахстан населения росла почти ежемесячно. Основная часть эвакуантов была принята Северо-Казахстанской и Кустанайской областями. Часть была размещена в самом регионе, значительная, следуя через территорию северных областей, направлялась в другие области Казахстана. Северный Казахстан принял и разместил почти 12 % эвакуированного в республику населения. Этнический состав вынужденных переселенцев, расселенных в Северном Казахстане, был в основном представлен русскими, белорусами, украинцами, поляками. По социальному статусу преобладали рабочие промышленных предприятий, аграрного сектора, представители интеллигенции.

Горечь утрат и боль расставаний эвакуанты начинали познавать в пути, следуя к местам назначения. Распространенными были случаи задержки эшелонов в дороге, нехватка либо отсутствие питания, отопления, дезинфекции, освещения. Несмотря на наличие больных, их продолжали транспортировать к местам расселения [190, с. 123].

25 ноября 1941 г. секретарь ЦК КП (б) Казахстана Н. Скворцов получил директиву за подписью секретаря ЦК ВКП (б) А. Андреева: «В ЦК ВКП (б) поступают факты о неправильном отношении к эвакуированным из прифронтовых районов со стороны местных органов и железнодорожной администрации. Имеют место факты, когда прибывающие эвакуируемые не только не получают помощи в размещении и устройстве, но часто встречают и явно недоброжелательное отношение со стороны местных органов».

Директива обязывала партийные органы «взять под контроль работу железных дорог и помочь железнодорожникам по продвижению эшелонов с эвакуируемыми рабочими, служащими, членами семей, систематически проверяя выполнение постановления ГКО о выделении на станциях из других поездов людских эшелонов и даче им преимущества в продвижении перед другими поездами. Особое внимание обращалось на разгрузку железнодорожных станций «от скопившихся эвакуируемых, отставших от эшелонов или следуемых в неорганизованном порядке» и направление их «с очередными или специально организованными поездами по месту назначения. Местные власти своевременно не успевали готовиться к приему эвакуантов, прибывшие эшелоны простаивали 5-10 и более дней» [192, л. 17].

Недостаточно был организован учёт эвакуантов, отдельные эвакуационные пункты в результате отсутствия связи узнавали об эшелонах с людьми за 2 часа до их прибытия. Отдельные эвакуационные пункты неоднократно переадресовывали эшелоны в другие регионы, объясняя это «режимностью» города, неразвитостью инфраструктуры, нехваткой помещений. Промышленное оборудование в отличие от людей контролировалось более основательно, строго по специальным графикам, так как ряд эвакуационных объектов являлся стратегическим в своей области. Проводя параллели в системе ценностей советского государства «человек-предприятие», приоритетное место в тот сложный военный период отдавалось именно промышленным объектам, от успешного функционирования которых зависела дальнейшая судьба государства. Человеческий ресурс, по сути, находился на втором месте. Вместе с тем были случаи перенаправления эшелонов в другие регионы Казахстана.

Быстрые темпы эвакуации, отсутствие организации учета эвакуантов приводили к тому, что многие семьи оказались разлучены. Члены таких семей посылали в Переселенческий отдел почтовые открытки с просьбой о поиске их родственников. Поступало много обращений с просьбой разрешения выехать из регионов, но без документов людям отказывали в переезде. Разрешение на выезд выдавалось эвакуационными пунктами на основе просьб родственников. Случаи возвращения эвакуантов в прежние места жительства были редкими. О движении эвакуантов эвакуационные пункты почти не имели сведений, что приводило к неправильным ответам на

запросы по розыску людей. Несмотря на трудное положение, эвакуанты выражали претензии по их расселению. Многие отказывались ехать в казахские аулы, обосновывая тем, что они будут испытывать дискомфорт в общении с местным населением, высказывались за то, чтобы их дети учились только в русских школах [193, л. 85].

Значительная часть эвакуантов была размещена в городской местности, либо на небольшом удалении от них, в регионах, где имелись промышленные объекты, а также в сельской - преимущественно с депортантами. Это было связано с развитием инфраструктуры областных центров и прилежащих к ним населенных пунктов. Для обслуживания эвакуантов при исполкомах Советов были организованы специальные эвакуационные комиссии, занимавшиеся учетом и распределением эвакуопредприятий, размещением населения, а также комиссии по устройству беспризорных и безнадзорных детей.

Мероприятия по обустройству эвакуантов в Казахстане проводились в соответствии с Постановлением ЦК КП (б) К и СНК КССР «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения в Казахской ССР» от 8 декабря 1941 года и постановлением СНК КССР от 31 декабря 1941 года №948 «О строительстве упрощенных жилищных, коммунальных и бытовых помещений для эвакуированного населения» [186, л. 8]. При исполкомах райсоветов создавались чрезвычайные тройки в составе председателя исполкома райсовета, начальника районного отдела НКВД и инспектора по хозяйству эвакуантов. При аульных советах создавались комиссии содействия эвакуантам по трудоустройству, при колхозах – специальные продовольственные фонды для оказания помощи эвакуантам [18, с. 62].

Вопросами размещения, организацией заготовки стройматериалов, оказанием помощи в индивидуальном жилищном строительстве, трудоустройством, проведением мероприятий по материальному обеспечению эвакуантов занимались отделы по хозяйственному устройству [185, л. 22, 23]. Так, приёмом, размещением и учётом эвакуантов в Кустанайской области ведали эвакуотдел, эвакуопункт и переселенческий отдел. Эвакуотдел курировал вопросы контроля работы по приему эвакуированных, эвакуопункт принимал и размещал их, переселенческий отдел вел их учет и отвечал на запросы по розыску людей [102, л. 3].

Контрольно-исполнительные функции в обустройстве эвакуированных осуществляли инспектора, в обязанности которых входили: контроль над равномерным размещением эвакуированных, систематический учет; изучение потребностей предприятий, обеспечение рабочей силой, регистрация незанятых в трудовом процессе лиц, организация курсов подготовки, переподготовки для устройства на работу. Инспектора изучали жилищно-бытовые условия эвакуированных, принимали меры к оказанию помощи в жилье, топливе, одежде, выезжали в колхозы, совхозы, на предприятия, принимали участие в выдаче пособий, контролировали расход денег на строительство жилья, принимали меры к расширению сети детсадов и детских площадок.

Несмотря на широкий спектр обязанностей, о реальной исполнительности свидетельствуют факты. Так, в Кустанайской области инспекторы не располагали точными данными о количестве эвакуантов, их обустройстве. Инспектора Семиозерного, Урицкого, Убаганского, Федоровского, Амангельдинского, Джетыгаринского и Карабалыкского и других районов отчетность длительное время не представляли. Недисциплинированными были инспектора Пешковского и Убаганского районов. Некоторые инспектора пошли по пути прямого очковтирательства, механически показывая устаревшие данные, при этом не учитывая изменений в движении эвакуированных [102, л. 8]. Несмотря на то, что списки по количеству эвакуантов в переселенческий отдел Москвы представлялись, отчетность перед управлениями Нархозучета отсутствовала [102, л. 9].

В СКО ситуация была почти аналогичной. Организация учета эвакуантов была недостаточной. Секретари райкомов, председатели исполкомов райсоветов отвлекали инспекторов от их прямых функциональных обязанностей, загружали дополнительной работой. Так, инспектор Н. Скрепая Соколовского района с 21 мая 1942 года находился в Петропавловске на заготовке семян, не был в колхозах, не знал, где были трудоустроены и размещены эвакуированные. Инспектор Придача Булаевского района, находясь на посевной, на работе отсутствовал. Инспектор К. Жамухаров Чкаловского района выполнял поручения райкома, райсовета, не занимаясь своей прямой работой. В таком же положении находились инспектора Савельева в Петропавловске и другие [194, л. 237]. Учет эвакуантов, его трудоустройство в Кокчетавской области к концу 1941 года было

также неудовлетворительным. Отчеты повторяли прежние цифры, имели непроверенные данные. Это затрудняло предоставление отчета в СНК КССР, а также сказывалось на планировании и распределении фондов хлеба [194, л. 15, 16]. Учет численности эвакуанселения был налажен лишь к июлю 1942 года.

Список проблем, с которыми сталкивались вынужденные переселенцы, можно продолжать. Так, в Кустанайской области эвакуантка Р. Шабато получала 250 рублей. Этих денег ей хватало лишь для приобретения масла за 200 рублей и ведра картошки по 15 рублей. На оставшиеся средства ей необходимо было жить в течение месяца. В семье Н.И. Коноваленко 15-летний сын потерял зрение, работать не мог. Семья без обуви и одежды. Н.И. Коноваленко не могла покупать продукты, так как бюджет семьи состоял из 40 рублей [192, л. 18]. Обустройство эвакуанселения Кокчетавского района Северо-Казахстанской области к концу 1941 года также было неудовлетворительным. В колхозе «Коминтерн» 11 эвакуированных семей были не трудоустроены, 4 переехали в другой район. Дети не учились. В колхозах «Джамантуз» и «Коминтерн» люди болели сыпным тифом [195, л. 5]. В Кустанайском районе из 16 эвакуированных семей работали 7, в основном женщины, трудившиеся почтальонами, учетчицами МТС, доярками, уборщицами. Многие не имели одежды, либо были заняты на сезонных работах. Муку получали за наличный расчет. Жилья и топлива не имели. Часто болели дети. В члены колхоза не вступали [192, л. 17]. Эвакуанты меняли вещи на продукты питания. В каждодневном рационе эвакуантов были постные щи и соевый суп.

Несмотря на то, что размещение эвакуанселения являлось «важнейшим государственным делом», отношение к ним местной власти, населения было почти идентичным. С одной стороны, такие факты можно оправдать, ссылаясь на трудности военного времени, нехватку средств, специалистов, занимавшихся обустройством, в недостаточном количестве имелся транспорт, не хватало жилья, с другой – чиновничьим произволом. Возникал замкнутый круг, при котором каждый перепоручал свои обязанности другим. Почти в каждом населенном пункте были распространены случаи «забывания» проблем эвакуированных.

Так, в ряде колхозов поступающие от эвакуанселения жалобы бесследно терялись; теплые вещи, передаваемые эвакуированными служившим в Красной Армии родственникам, присваивались

властями. Некоторые руководители самостоятельно переселяли эвакуантов в другие регионы. Зачастую в лице эвакуантов видели иждивенцев. Особенно эта черта была заметна на селе, где проблемы с трудоустройством были особенно актуальными.

По результатам многочисленных проверок неоднократно отмечалось, что в обустройстве эвакуантов были допущены ошибки, среди которых отмечались отсутствие чуткости руководителей к эвакуантам, непонимание «политического значения» эвакуации. Руководство республики взывало к чувствам и совести подчиненных: «Нужно в корне изжить бюрократический подход к эвакуированному населению. Необходимо помнить, что эти люди оставили свой кров, уходили под снарядами от фашистских извергов и вместо того, чтобы в глубоком тылу протянуть им братскую руку, проявить заботливое внимание, у нас нашлись такие люди, проявившие бездушно-бюрократическое отношение к эвакуированному населению» [194, л. 242].

Все просчеты сводить к вине местных руководителей нельзя. Им объявляли выговоры, снимали с должностей, отдавали под суд. Однако эти меры должных результатов не приносили. Оскудевшие местные бюджеты, перебои в снабжении стройматериалами, продовольствием, топливом, деньгами, иногда полное их отсутствие, «недостаток массовой политико-идеологической, профилактической работы», помноженные на трудности и лишения военного времени, приводили к таким печальным итогам.

Как свидетельствуют архивы, в ряде колхозов и совхозов Кустанайской области эвакуантов местные власти должного внимания не уделяли. Так было, в частности, в колхозе имени «5-е декабря», в котором, наряду с корейцами, проживали эвакуанты. Председатель колхоза не обеспечивал эвакуантов продуктами, не занимался их трудоустройством, жилые помещения нуждались в ремонте. В колхозе «По заветам Ильича» в течение месяца не выдавались продукты эвакуированным, на отпускаемое сливочное масло установлено две цены – для колхозников – 9 рублей, а для эвакуированных – по 25 рублей за килограмм. В Кокчетавском районе СКО бытовые условия были плохими, муку получали с опозданием, дети ходили босыми, отсутствовало топливо. Некоторые колхозы отправляли эвакуантов обратно, не предоставляя им жилье и работу [194, л. 243].

Председатель колхоза «Трудовик» Соколовского района не

выдавал эвакуантам муку и хлеб. Его коллега из колхоза «Совет» Советского района не только не выдавал продукты, но и издевался над эвакуированными. В колхозе «Красная заря» Келлеровского района Л.Ш. Гольдштейн пыталась устроиться на работу, председатель колхоза в работе отказал: «Я за вами не посылал, чтобы вы к нам сюда приезжали!» [193, л. 211]. Эвакопоселение колхоза «12 лет Октября» Ленинского района СКО, обратившись к руководству колхоза с просьбой выдать им хлеб, услышали: «За хлебом можете идти на базар!» [195, л. 68]. В колхозах «Труд крестьянина», «Свет пахаря», «Самир», «5-е декабря» Кустанайской области торговля хлебом отсутствовала [102, л. 8]. В колхозе «Свет пахаря» не был создан спецпереселенческий фонд, председатель колхоза доказывал, что создавать фонд ему было не из чего. Хлеб не молотили и не сдавали государству. Председатель Семиозерного сельпо Л. Тюрина, вместо снабжения эвакуированных, ограничилась отказами, проявляя грубость в обращении с людьми. Председатель Черниговского сельсовета Т. Белявцев на жалобы эвакуантов о присвоении работниками сельсовета вещей, сданных в Красную Армию, не принял мер. Директор Семиозерного лесхоза А. Помещиков запретил продажу продуктов эвакуированным [102, л. 9].

Судьба эвакуированных, не просто рядовых, а семей командиров, фронтовиков, участвовавших в Великой Отечественной войне и приближавших общую для всех Победу, была еще трагичнее. В этом свете забота местных властей весьма «показательна». Старший политрук Г. Чисников, обращаясь к администрации Кустанайской области, писал: «В колхозе «Восток» Мендыгаринского района проживала жена старшего лейтенанта И. Туранова с 5 детьми. Она неоднократно обращалась к председателю продать молока для грудного ребёнка, так как материнского не было, но ей отказали. Ребёнок умер, вскоре скончалась мать. Оставшиеся трое детей были отданы в детский дом. Прошу привлечь виновных к ответственности за бездушное отношение к семье командира Красной Армии, сражающегося на фронте Отечественной войны» [190, с. 203].

Письмо воина Красной Армии И.И. Хомченко от 25 декабря 1942 года было адресовано председателю Кокчетавского райисполкома. Письмо – открытая рана, пронизанное любовью к своим детям, возмущением о безразличном отношении местных властей к тяжелым условиям не только семьи, но и всех эвакуированных. Глава семьи обращался к председателю

райисполкома: «Я вас не знаю, вы тоже меня не знаете. Будем знакомы по данному письму. Моя семья состоит из четырех человек: жены и трех детей от одного до десяти лет. В 1941 году семья была эвакуирована дважды, в первый раз в Орловскую область, а затем в Кокчетавскую. В письме жена сообщает о тяжелом материальном положении, особенно детей, которые постоянно болеют в результате систематического недоедания и находятся по нескольку дней в нетопленном помещении. Дети, - которых защищает героическая Красная Армия, в том числе и я! Освобождает оскверненную и запачканную немецким кровавым сапогом нашу Священную родную землю! Дети ни в чем не виноваты, они требуют заботы и ласки, как родной матери, народа, Родины! Прошу Вас оказать помощь семье и семьям всех эвакуированных» [193, л. 112].

В селе Кировском семья Л. Садовой находилась в тяжелых условиях. В семье два ребенка, муж служил в Красной Армии. Семья босая, дети больные, помощи не имеют [102, л. 13]. Семья М.П. Панковой состоит из пяти человек, два сына – бойцы Красной Армии. Мать болела туберкулезом, язвой желудка, часто кровь шла горлом. Семья нуждалась в питании, лечении. Проживали в тяжелых условиях, получали 150 рублей пособия на мужа, служившего в Красной Армии. С ним вместе проживали еще три семьи в количестве 14 человек. Фронтовик, старший сержант А. Винокуров сообщал, что его семью, проживавшую в Кокчетаве, выселяли из квартиры [193, л. 211]. Семье командира В. Сопина из Семиозерного района Кустанайской области было отказано в материальной помощи потому, что «члены его семьи имели одежду». В Кокчетавский областной совет депутатов трудящихся в середине 1942 года поступали сигналы от эвакуированных семей военнослужащих о тяжелом материальном положении и «возмутительно бездушном отношении» к ним руководящих работников колхозов, местных организаций [193, л. 211].

Семьи эвакуированных фронтовиков впали в крайнюю нужду, за время войны износили одежду и обувь, в зимнее время не имели возможности выходить на работу, а дети - посещать школы. Положение также осложнялось тем, что многие не имели подсобного хозяйства. Не получая длительное время продукты питания и не имея хозяйства, значительное число семей фронтовиков бедствует; взрослые и дети истощены, опухают, особенно дети, лежат в постелях, не имея сил передвигаться. Некоторые семьи

военнослужащих и эвакуированные употребляют в пищу собак, кошек, трупы животных и пищевые отбросы [196, с. 153].

Свои переживания, трудное положение эвакуанты описывали в письмах родным и близким. В письме Е. Обитневой из Зерендинского района Кокчетавской области брату в Рязанскую область говорилось: «Много обид, горя переносим мы и наши дети, не имея Вас около нас. Я вполне самостоятельная женщина, сама работаю, воспитываю детей и иждивенцев. Живу честно. В отсутствие мужа каждый рад тебя обидеть. Много несправедливости. Меня уже не считают красноармейкой, так как мой муж Федя уже шесть лет служит в армии. Нет защиты ребенку. Вся его отрада – мама, которой прискорбно становится после таких глупых поступков со стороны зазнавшихся и заживевшихся работников тыла. Прости меня, Костя, за эти слова, я очень редко жалуясь кому-либо о своей жизни» [197, л. 17].

В других письмах – крик отчаяния: «Лучше погибнуть в осажденном Ленинграде, на родной земле, чем быть униженными, голодными и холодными на новых местах эвакуации» [193, л. 96]. Письмо эвакуированной М.И. Маянцевой, проживавшей в селе Александровка Кокчетавского района, является письмом – откровением, взывавшим к справедливости, совести власти. Она писала: «Зачем нас эвакуировали из Ленинграда, зачем расходуют на это государственные средства, если я могла бы и там погибнуть, не увидев унижений на новом месте. После бомбежки я стала инвалидом второй группы. Муж погиб. Имею больного ребенка на иждивении. Получаю пенсию 120 рублей в месяц. Обратилась за помощью к председателю колхоза, на что он ответил: «Сама можешь себя обеспечить!». Топлива нет, меня и ребенка ожидает смерть от замерзания. На приеме председатель колхоза обращался грубо, сказав: «Если нужно топливо – иди и воруй!» [193, л. 97].

Эвакуант из Минска А.И. Горельчик 2 августа 1941 года сообщал, что, несмотря на неоднократные обращения о снабжении продуктами, бельем на имя председателя по делам эвакуированных при Пешковском райсовете, в его просьбах отказывали. Выслушивая оскорбления «приехали обедать колхоз», А.И. Горельчик просил разрешения выехать в Троицк, где смог бы обеспечить семью. Иначе он объявлял голодовку [190, л. 11]. В Пресногорьковском районе Кустанайской области эвакуанты отмечали, что в течение многих месяцев получали по 300 граммов хлеба в день, и то не каждый день.

Работавшие в колхозах не имели возможности покупать хлеб, так как зарплата была низкой, а цена высокой. Одна эвакуантка, обратившись к председателю райпотребсоюза с вопросом, почему нет хлеба, в ответ услышала слова: «Хлеб есть, да не про вашу честь». У людей отсутствовала одежда. Дети не посещали школы. Многие семьи не стирали белье в течение месяцев из-за отсутствия мыла. Лишь к концу 1941 года из областного центра завезли одежду, мыло, сахар. Эвакуированные пришли с просьбой выдать им по одному куску мыла, но председатель райпотребсоюза отказался с ними разговаривать. Десятки эвакуированных ходили без работы и средств существования. Обращаясь в райком, получали ответ: «Это вам не биржа труда» [112, л. 57].

Эвакуанты, не ограничиваясь перепиской между родными и близкими, адресовали письма руководителям Казахстана, лично Сталину. Так, эвакуантка из Кокчетавской области писала Ворошилову: «Если бы Вы знали, какая у меня ненависть к этим грабителям, варварам, людоедам, кажется, все бы бросила, и детей, если бы было кому, и пошла бы защищать любимую Родину. И билась бы и днем и ночью в рукопашной схватке, чтобы только поскорее этих ненавистных гадов победить, и чтобы снова зажить так, как жили прежде, чтобы поскорее муж вернулся домой с Победой...» [193, л. 116, 117]. В письме эвакуантки из Кокчетавской области в адрес И. Сталина говорилось: «Извините за то, что затронула Вас своей просьбой. Ждем с нетерпением окончательного разгрома гитлеровских бандитов, скорейшего возвращения в свой любимый и родной край и чтобы еще с большей энергией работать по восстановлению родного края. На Вас одна надежда...» [193, л. 117]. Боец С.А. Канцнельсон выражал благодарность людям, проявившим заботу о его родных, размещенных в Кустанайской области: «Моя жена и дети, эвакуированные из Гомеля, пишут, что проживают в поселке Фёдоровка, где их приняли тепло, по-братски. Мы, бойцы, спокойны за судьбу своих семей. Заверяю вас, дорогие товарищи – казахи, что буду бить фашистских гадов, как подобает воину Красной Армии. Будьте здоровы, друзья» [190, с. 202].

Несмотря на такие призывы, положение эвакуантов оставалось прежним. К примеру, в Семиозерном районе Кустанайской области трудоустройство, бытовое положение эвакуантов к 1942 году было неудовлетворительным. Руководство района самоустранилось, передоверив эту «важнейшую государственную и политическую

работу» второстепенным лицам. Значительная часть эвакуанаселения не была трудоустроена, 50 % осели в райцентре, в результате этого возникли затруднения в жилищно-бытовом устройстве. Топливом не снабжались, не было продовольственных фондов, отсутствовала торговля. Люди по несколько дней не видели хлеба, находились в холоде, размещались в непригодных помещениях. Аналогичные условия были в Убаганском районе. Работа по устройству отсутствовала. Действительного положения эвакуанаселения руководители организаций не знали, бытовые условия не изучены и достаточной заботы о них не проявлено. Политико-массовой работы не проводилось. Отсутствовали продовольственные фонды. Материальная помощь не оказывалась, курсы квалификаций отсутствовали. Медицинской помощи недостаточно, имелись случаи летального исхода. Бани не организованы [139, л. 138, 139].

Условия проживания эвакуантов выяснялись по результатам проверок. Так, в Советском, Кокчетавском, Красноармейском, Полуденском, Булаевском, Келлеровском, Петропавловском районах СКО весной 1942 года эвакуанаселение не было трудоустроено, отсутствовал учет о принятых в члены колхозов, промартелей и других организаций. Не осуществлялся учет и разбор жалоб, отсутствовали сведения о количестве детей и детей, охваченных учебой. Отсутствовали бани и вошебойки. Не организован контроль по отпуску товаров. Жилье было негодным, отмечалась переуплотненность, высокая оплата за площадь, запрещался обмен вещей на продукты питания. С наступлением тепла требовали освободить занимаемую жилплощадь [193, л. 242]. В Северо-Казахстанской области основная масса эвакуированных была размещена в городах, что осложнило обеспечение их жилой площадью и работой. Значительная часть устраивалась на квартиры, что создавало условия для спекуляции жилой площадью. К лету 1942 года более 26% эвакуанаселения не было устроено на работу в колхозы и совхозы. В Иртышском сельпо Павлодарской области из отпущенного продовольственного фонда 1439 кг были использованы не по назначению. Отдел СНК по хозяйству эвакуированных не принимал мер к устранению недостатков [193, л. 141-143].

Жилищный вопрос был также актуальным. К примеру, в Петропавловске прибывшим рабочим и инженерно-техническим работникам было выделено около 50 тысяч кв. м, которых было

недостаточно. До конца 1941 года квартиры эвакуантам предоставлялись из имевшегося жилфонда, строительство домов планировалось в следующем году. Планы строительства не удовлетворяли потребности людей. В связи с этим в Петропавловске, Кокчетаве и райцентрах СКО была установлена норма по 5 кв. м на человека. Излишки сверх меры изымались [198, л. 72]. Слабо развитое коммунальное, жилищное хозяйство городов Северного Казахстана не могли обеспечить резко возросшее население минимальными условиями жизни. Военное время вынуждало забыть о жилищных нормах, в 1943 году она уплотнилась в среднем до 2,3 квадратных метров на человека [199, с. 55].

На строительство выделялись кредиты. В Кустанайской области выделили свыше трех миллионов рублей. К концу 1942 года в области был открыт кредит на сумму в 6000 рублей для выдачи единовременного пособия эвакуированным. Однако эти деньги лежали неосвоенными в банках, так как выплачивать кредиты было нечем, отсутствовал постоянный заработок. К тому же процентная ставка кредитов была непомерно высока. С 1 января 1943 года неиспользованная сумма денег закрывалась, и в дальнейшем эвакуированные семьи лишались всякой помощи [185, л. 25].

Другие документы свидетельствуют о том, что эвакуированные получали пособия от 100 до 300 рублей на одну семью и единовременную денежную помощь [193, л. 248]. Пособие в 150 рублей получали семьи, глава которых служил в Красной Армии. Пособия выделялись многодетным матерям. Продукты питания эвакуанты получали по карточкам, при этом приоритетом пользовались только работавшие люди, включая детей. Трудоспособные эвакуанты получали хлеб на общих со всеми основаниях, не работавшие - по 400 гр. на человека [195, л. 4]. Месячный продуктовый паек составлял для работавших взрослых - 7 кг 200 гр., детей - 3 кг 600 гр. Материальная помощь семьям красноармейцев осуществлялась в соответствии с Указом Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1941 года «О назначении и выплате пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава на военное время» [199, с. 2].

Здесь можно отметить еще одну особенность «заботливого» внимания государства к потребностям эвакуантов и депортантов. Государство заботилось о людях, но они, по сути, не могли ею воспользоваться. С другой стороны, значительная часть денежных

средств, строительных материалов, продуктов питания направлялась на другие цели, либо не использовалась, не доходила до своего конкретного адресата.

Наряду с материально-бытовыми проблемами, распространенными были случаи разлуки детей с родителями. Видные деятели культуры Казахстана, являясь свидетелями стремительного роста беспризорных детей, обратились с призывом: «В Казахстан эвакуированы дети, нуждающиеся в материнской ласке. Наша святая обязанность - вернуть им детство, заменить семью, окружить их заботой и материнской лаской!» [102, л. 201].

Реакция людей не заставила себя долго ждать. Многие потеряли своих сыновей и дочерей на фронтах войны, в результате голодных лет. Сотни женщин обращались с просьбой дать им на воспитание и усыновление оставшихся без родителей детей. Коллективы промышленных предприятий взяли шефство над детскими домами, детские сады размещали у себя эвакуированных детей.

Голодно и холодно в период военного лихолетья было не только переселенцам. Местное население также находилось в не менее сложных условиях, не имея продуктов, одежды, необходимого жилья, днем и ночью, в жару и в холод, работая на износ, жертвуя всем ради общей Победы. Казахстанцы с теплотой и радушием встречали эвакуированное население, пуская к себе на квартиры по несколько семей, делясь с ними кровом и хлебом. Так, Никифоров Андрей Степанович, проработавший на заводе «Химволокно» несколько десятилетий, вспоминал: «...По приезду в Кустанай семью разместили на краю города у местных жителей. Они приютили нас, обогрели, накормили, дали свою одежду. Потом отцу дали свою квартиру, поближе к заводу. Однако связи с семьей, приютившей нас ранее, не теряли, помогали друг другу продуктами, вещами. Эвакуированные и местные жители старались друг другу помочь, поддержать в трудную минуту, ибо выживать в тех условиях можно было лишь коллективно. Здесь я пошел в школу, окончил техникум, обзавелся семьей, устроился на завод, а позднее так и остался в Кустанае. До сих пор вспоминаю те трудные, но интересные годы и своих друзей-земляков».

Такова была реальность суровых лет. Вместе с тем, если обратить внимание на прессу тех лет, в частности, на передовые страницы газеты «Сталинский путь», публиковавшейся в Кустанайской области, можно заметить иную картину. Доблестный

труд, перевыполнение норм, высокие показатели, всесторонняя забота и поддержка государства эвакуированному населению и ни одной заметки об их жизненных трудностях. Несмотря на перипетии судьбы, жизненные испытания, люди не теряли присутствия духа и жили надеждой на скорейшее окончание войны. Как отмечают документы, к августу 1943 года ситуация в обустройстве эвакуанаселения стабилизировалась. Такое «улучшение», во-первых, можно объяснить тем, что эвакуанты к этому времени более или менее адаптировались к местным условиям. Во-вторых, начался процесс реэвакуации людей в прежние места жительства.

В целом, свыше 1 миллиона эвакуантов были размещены в Казахстане, из них в северном регионе - около 120 тысяч человек. Основными регионами вселения эвакуированного населения в масштабах Северного Казахстана стали Северо-Казахстанская и Кустанайская области.

Подводя итог, следует отметить, что материально-бытовые проблемы были по сути вторичными, так как эвакуанты, в первую очередь, стремились дать фронту больше военной продукции, помочь одеждой, питанием, жертвуя при этом собой и своими жизнями. Весь тыл работал на нужды сражавшейся с врагом Красной армии. Военное время требовало от людей максимальной отдачи, эффективных решений, взаимодействия и взаимопонимания всего общества. Патриотизм, толерантность, гуманность, по сути, формировались, развивались и укреплялись именно в таких сложных, но насыщенных событиями, условиях, проверялись на прочность, закалялись словно сталь, в дальнейшем становясь каркасом полиэтничного государства.

Северный Казахстан, являясь глубоким тылом, разместил на своей территории значительное количество эвакуированного населения. В результате эвакуационных процессов возросла численность городского населения Северного Казахстана, часть эвакуантов вместе со своими предприятиями была размещена в сельской местности. Численность эвакуантов в северном регионе росла на протяжении 1941-1942 годов, в последующие годы в результате реэвакуационных процессов почти все эвакуанаселение выехало из Северного Казахстана. Этнический состав эвакуированного населения был в основном представлен русскими, украинцами, белорусами, наряду с этим эвакуация затронула также польский, еврейский этносы.

2.2 Вклад эвакуантов и эвакуопредприятий в развитие севера республики

В самом обосновании советским государством эвакуационных процессов лежит противоречие. С одной стороны, согласно официальной точке зрения, они представляли собой комплекс государственных мероприятий, осуществлявшихся в соответствии с генеральной перспективой промышленного развития восточных районов СССР, куда входил и Казахстан. Эвакуация являлась инструментом долгосрочной экономической политики советского государства по освоению природных ресурсов. Она была продолжением начавшейся в 20-х годах XX века широкомасштабной индустриализации Казахстана. Об этом свидетельствует, в частности, интервью Президента Академии наук СССР академика В.Л. Комарова об использовании ресурсов Казахстана на нужды обороны от 7 июня 1942 года. Наряду с перечислением природных богатств республики В.Л. Комаров отмечает, что: «мероприятия, предпринимаемые сейчас для максимального ускоренного развития промышленности Казахстана, являются не временными мерами, связанными с задачами военного времени, а полностью согласуются с широким планом Советского правительства по развитию индустриализации восточных районов СССР. Сдвиг хозяйства на Восток – это закономерный процесс развития экономики СССР. Этим, в частности, объясняется небывалый успех, с которым была проведена эвакуация крупных промышленных предприятий из районов, временно занятых противником. Эвакуация проведена в те районы, которые уже в течение 10 лет готовились к огромному развороту производительных сил» [200, с. 89].

Таким образом, отрицается вынужденный, зачастую насильственный, но, безусловно, оправданный характер перебазирования промышленного оборудования, населения в тыловые районы СССР, и эвакуации придается закономерная, естественная окраска. Возникает вопрос, предполагало ли советское государство изначально, либо оно владело информацией накануне о начале второй мировой войны, и, как результат, переброска промышленных предприятий в тыловые районы страны с целью развития промышленности восточных окраин в будущем? По сути, используя «военный» фактор, советское государство уже в начале войны подводило необходимую базу для обоснования закономерного

характера процессов эвакуации.

Кроме людей, эвакуации подверглись промышленные предприятия, сельскохозяйственная техника, оборудование, скот. Почти 70 % перемещенных из России промышленных объектов размещалось на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Вместе с ними на Восток прибыло до 30-40 % инженерно-технического персонала, рабочих. Северный Казахстан стал своеобразным «ноевым ковчегом», спасительной гаванью для сотен тысяч людей и объектов.

29 октября 1941 года СНК СССР вынес Постановление «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан». Осенью 1941 года ЦК КП (б) и СНК Казахстана определили районы размещения предприятий, установили сроки монтажно-строительных работ, ввода в действие объектов тяжелой индустрии. Создавались специальные оперативные группы по размещению военных заказов и руководству монтажными работами, пуском в эксплуатацию эвакуопредприятий [191, с. 272].

Несмотря на оперативность работы, происходили срывы планов ввода в эксплуатацию объектов. Часть эшелонов с техникой простаивала в пути, либо, прибыв на место назначения, позднее получала перераспределение. Группы по военным заказам проверяли выполнения директив ГКО, партийных органов. Под их руководством проходили учет оборудования, материальных ценностей, подготовка производственных работ, установление новых производственных связей, определение мощности восстанавливаемого оборудования, профиля выпускаемой продукции, хранения сырья и вспомогательных материалов, предоставления жилой площади, разрабатывались меры по подготовке рабочих из местного населения [191, с. 272].

Пунктами размещения эвакуопредприятий стали почти все областные центры Казахстана. При территориальном размещении объектов учитывались производственное родство, наличие коммуникаций, сырья, энергетики, производственных площадей, возможность обеспечения жильем рабочих. Так, на размещении значительной части эвакуообъектов в Северном Казахстане оказало влияние близкое расположение Урала, Магнитогорска, Челябинска. На севере республики был накоплен также значительный трудовой потенциал в лице местного населения, депортантов и эвакуантов.

В Северном Казахстане требованиям отвечали Петропавловск,

Кустанай, Павлодар, Кокчетав, важные транспортные узлы, связывавшие между собой российскую и казахстанскую стороны. Петропавловск, «северные ворота Казахстана», у себя разместил около половины предприятий, эвакуированных в Северный Казахстан. На втором месте находился Кустанай, опиравшийся на Челябинск. Акмолинск и Кокчетав также разместили ряд предприятий. Основная часть эвакуации и оборудования была размещена в СКО.

Важное военно-хозяйственное значение имел скорейший ввод в действие эвакуопредприятий. От решения этой задачи зависела успешная перестройка народного хозяйства СССР на военный лад, создание в стране мощной военной экономики. При СНК Казахской ССР и в областях были организованы бюро по распределению рабочей силы, отделы по хозяйству эвакуации, по обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, по военным заказам и монтажу эвакуированного оборудования [201, с. 281].

Руководителями областей решались вопросы обеспечения заводов и фабрик зданиями, помещениями, доставкой сырья, обслуживающего персонала жильем, продуктами питания, топливом. Обкомы каждую декаду отчитывались перед ЦК КП (б) К и ГКО о ходе восстановления эвакуированных предприятий на новых местах.

Монтаж оборудования производился сразу после прибытия предприятий. Быстрое восстановление заводов стало возможным благодаря усилиям людей, творческой смекалке, смелым техническим решениям. Переброшенные в тыл объекты начинали свою жизнь практически на пустом месте. Возведение цехов и монтаж оборудования зачастую проходили одновременно, круглосуточно, несмотря на суровые северные условия. Рабочие и служащие в течение 1,5-2-х месяцев монтировали оборудование и вводили его в действие. Нередко на новые места прибывала едва десятая часть прежнего коллектива. В таких условиях налаживалось производство не только старых видов продукции, но и ряда новых образцов вооружения и боеприпасов. Кипучую работу по восстановлению предприятий развернули рабочие Северного Казахстана. Здесь в течение 3-х - 4-х месяцев было восстановлено 15 крупных предприятий, для которых было выделено 21639 кв. метров производственной площади. Жильем обеспечили 10 тысяч рабочих и членов их семей [202, с. 169].

За первые три месяца войны в Казахстан и Среднюю Азию были направлены 308 промышленных объектов [203, с. 223]. В Казахстане было размещено около 200 промышленных предприятий, 22 научных учреждения, 31 высшее учебное заведение [80, с. 57]. Процесс перебазирования промышленных объектов в северные области республики в основном был завершен к весне 1942 года. Однако в некоторые области эвакуация предприятий продолжалась и в 1943 году. К зиме 1942 года все эвакуированные в Северный Казахстан предприятия, освоив полный технологический цикл, стали работать на полную мощность. Вместе с эвакуопредприятиями в эксплуатацию были сданы 460 заводов, фабрик, шахт, рудников [13, с. 73]. Наибольшее количество предприятий приходилось на пищевую, легкую, текстильную промышленность.

Уже в марте 1942 года промышленность восточных районов с учетом восстановленных эвакуопредприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР [15, с. 57].

Каждый эвакуообъект вносил свою лепту в общее дело разгрома врага. Север республики работал на оборонку, здесь были размещены уникальные, единственные в СССР заводы, производившие танковые и ручные огнеметы, мины, порох, различные виды вооружения. Здесь располагались летные школы, завод по ремонту материальной части артиллерии и стрелкового вооружения, учреждения науки и культуры.

Одним из первых эвакуированных в Кустанай предприятий стала швейная фабрика «Большевичка», прибывшая в область 6 сентября 1941 года из города Херсон УССР. Вместе с фабрикой приехали 158 рабочих с 321 членами семей. Для фабрики, производственного оборудования в составе 205 швейных машин, 33 электромоторов, 3 станков и обслуживающего персонала местной властью были выделены здания областного отдела здравоохранения, горкома ЛКСМК, Дорстроя. В течение 12 дней оборудование фабрики монтировалось на новом месте. 26 сентября 1941 года директор фабрики А.Г. Рябой доложил горкому партии, что предприятие готово к выпуску продукции. В эксплуатацию оборудование фабрики было пущено 19 октября, а первая партия одежды была готова уже 10 ноября 1941 года [204, с. 137]. Первоначально фабрика специализировалась на производстве теплых брюк и фуфаяк армейского образца, позднее ассортимент продукции

расширился. Фабрика стала выпускать зимнее и летнее обмундирование для Красной Армии, телогрейки, шаровары, белье, женские платья, юбки, мужские костюмы, спецодежду, портянки, сумки для противогазов, вещмешки и другое. За годы войны фабрика пошила обмундирования, хватившего для 24 дивизий. Не хватало сырья, фабрика работала с перебоями, не был решен вопрос с оборотными средствами. Тканями «Большевичку» снабжала база «Текстильбыта», приходилось довольствоваться и «давальческим сырьем», полученным от разных организаций [204, с. 138].

Профессиональный, национальный состав рабочих предприятия был разнообразным. Рабочие С. Лесин, М. Рубинштейн, Ф. Лишевская, М. Питерман, К. Глаз, Б. Гиндин обучали пришедших на фабрику девушек шить на электромашинах, работать на конвейере. Было развернуто стахановское движение, активно внедрялись рационализаторские предложения. Основной контингент рабочих фабрики составляли женщины, по старательности, производительности, не уступавшие мужчинам, ушедшим на фронт. Несмотря на военное время, они перевыполняли производственные нормы. Благодаря самоотверженному труду, высоким показателям, фабрика неоднократно награждалась переходящим Красным знаменем Наркомата легкой промышленности Казахской ССР и была первой в соцсоревновании среди предприятий города. Коллектив фабрики активно участвовал в формировании воинских частей, сражавшихся на фронте. За время Великой Отечественной войны фабрика отправила на поля сражений добровольцами более 200 девушек [204, с. 138].

До 1972 года швейная фабрика располагалась на углу современных улиц аль-Фараби и Козыбаева. Это было двухэтажное деревянное здание длиной около сорока метров. Позднее для фабрики было построено новое здание. Начиная с 1963 года и вплоть до ухода на заслуженный отдых, фабрикой «Большевичка» руководила почетный житель г. Костаная Любовь Васильевна Нездойменко. Она часто вспоминает о своих первых уроках швейного дела, которые она получила у эвакуированной вместе с предприятием полячки Стаси. На фабрике первыми пошитыми девушкой вещами стали брюки-галифе и гимнастерки.

30 сентября 1941 года в Кустанай прибыл мелькомбинат из города Новые Санжары, размещенный позднее на складах предприятия «Союзмука». Из Харькова 1 ноября 1941 года в область

прибыло оборудование радиостанции, размещенной в Кустанае на складах областной связи [171, с. 8].

С 14 ноября 1941 года в Кустанайскую область стало поступать оборудование Егорьевского станкостроительного завода «Комсомолец» Наркомата танковой промышленности СССР (завод №222), эвакуированного из Московской области. Будучи секретным объектом, завод являлся единственным промышленным предприятием в Советском Союзе, специализировавшемся на производстве танковых и ручных огнеметов.

Перебазирование оборудования завода и одного цеха Люберецкого завода сельскохозяйственных машин имени Ухтомского, размещенных в 79 вагонах, было завершено к 25 февраля 1942 года. Вместе с заводом в область прибыло 2650 инженерно-технических работников, служащих и членов их семей [205, л. 2]. Завод был размещен в зданиях Кустанайского зерносовхоза Карабалыкского района, расположенного в 15 км от станции Тогузак Южно-Уральской железной дороги. В зданиях, не приспособленных для нужд производства и жилья, было размещено 2650 заводчан. Жилые помещения были разрушены, отопление заморожено, котельные не действовали, силовое хозяйство отсутствовало, вода была непригодной ни для питья, ни для производственных целей. Несмотря на все эти трудности, в кратчайшие сроки было налажено производство и восстановлен жилой фонд. Военную продукцию завод стал выпускать, начиная с 1 января 1942 года, когда часть оборудования находилась в пути следования.

27 мая 1942 года населенному пункту завода №222 было присвоено название – рабочий поселок «Комсомолец». Основным видом продукции завода являлся автоматический танковый огнемет АТО-42, единственный принятый в Красной Армии на вооружение танков огнемет. Он предназначался для уничтожения живой силы противника, поражения танка и устанавливался на танках КВ-8, Т-034. Кроме того, на базе АТО-42 с 1943 года стал выпускаться траншейный пороховой огнемет ТПО-1. Разновидностью выпускаемой заводом военной продукции также являлись «детали» - мины (детали М-41, М-50, М-10). Завод работал по заданию Сталина, в соответствии с его призывом к заводу от 23 июля 1942 года - дать армии безотказный в действии огнемет [206, л. 1]. Снабжая армию качественными образцами нового вооружения, завод внес немалый

вклад в ее техническое оснащение.

Едва кустанайцы наладили работу швейной фабрики и завода по выпуску огнеметов, как 3 декабря 1941 года в Кустанай из Клина был эвакуирован завод №507 («Химволокно») Наркомата текстильной промышленности СССР вместе с 220 вагонами оборудования и 370 рабочими и служащими. Завод был размещен в зданиях НКВД и железнодорожного депо облсвязи [205, л. 1]. Значительные трудности пришлось преодолеть при его размещении: он строился на базе оборудования, эвакуированного из Каменск-Шахтинска, Могилева, Клина, Калинина. Руководство города и области торопило директора завода Н. Аграчева с достройкой корпусов и испытательной станции. Для этого были переданы законсервированные постройки бывшего черепичного завода. Райисполкомы Амангельдинского, Джетыгаринского, Тарановского, Карасуского, Тургайского, Пешковского, Федоровского районов выделили заводу 100 голов рабочих бычков и 25 лошадей. Город помогал машинами и гужевым транспортом. Не хватало рабочих, отдел мобилизации Кустанайского облисполкома провел дополнительную мобилизацию 150 рабочих города и области. Несмотря на эти проблемы, завод был сдан в эксплуатацию во втором полугодии 1942 года облсвязи [171, с. 8]. На заводе производили порох (из вискозы, в качестве основного сырья использовалась целлюлоза), боеприпасы, искусственный шелк облсвязи [205, л. 2]. Произведенного за годы войны заводом пороха хватило бы для начинки 1,7 миллиарда патронов.

В ноябре 1942 года завод был переименован в завод №507-а ГКО СССР. В декабре 1945 года завод получил новый номер - 514 и стал именоваться заводом искусственного шелка по медноаммиачному способу Министерства текстильной промышленности облсвязи [204, с. 158].

На данном предприятии трудились в основном женщины, дети и инвалиды, вернувшиеся домой с войны. Детский труд также оплачивался, при этом маленькие сорванцы забивали в патроны порох, считая свою работу за игру. О тяжелых условиях, в которых находились люди, свидетельствуют факты. Многие станки данного завода располагались прямо под открытым небом, так как не хватало помещений для их размещения. Стоявшие у станка рабочие, с одной стороны, покрывались потом от высокой температуры при производстве, с другой – инеем, так как в помещениях температура

достигала 40 градусов по Цельсию.

За городом располагался полигон завода, на котором производились испытания военной продукции предприятия. Частыми гостями на полигоне были представители Наркомата обороны СССР, проверявшие качество произведенных заводом патронов и снарядов.

В декабре 1941 года из Симферополя в Кустанай вместе с рабочими и служащими прибыл кожевенно-обувной комбинат имени Ф.Э. Дзержинского. Завод жестких кожаных изделий и хромовый завод были размещены на базе зданий мельницы «Повстанец», часть цехов обувной фабрики располагалась в зданиях «Сельхозснабжения» [171, с. 161]. Обувная фабрика и кожевенный завод вступили в строй в апреле 1942 года, стали давать продукцию, необходимую местным жителям и Красной Армии. На основе доставленного оборудования были восстановлены цеха прошивной и рантовой обуви. Несмотря на отсутствие помещений, рабочих, фондов строительных материалов, коллектив комбината приступил к работе по выпуску продукции. Работая по две смены подряд, без выходных, комбинатовцы в короткие сроки установили оборудование и наладили производство обуви. Из месяца в месяц кожевенный комбинат набирал темпы. Если за последние три месяца 1942 года было выпущено 18 434 пары обуви, то в 1943 году такое количество обуви выпускалось уже за месяц. В ноябре 1944 года на кожкомбинате был введен в эксплуатацию цех АГО с производительностью 500 пар обуви в смену [207, с. 3]. В 1944 году было произведено уже 220 800 пар обуви.

Увеличению производства обуви в значительной степени способствовало соревнование, движение двухсотников и трехсотников. К примеру, Т.Ф. Демченко выполняла месячное задание на 504 %, А.И. Харченко – на 200-300 %, А.И. Костина – на 204 %. За два первых года на комбинате было внедрено 58 рационализаторских предложений, и это - несмотря на тяжелые годы войны. В 1944 году коллектив одержал победу во Всесоюзном социалистическом соревновании и был удостоен переходящего Красного Знамени наркомата легкой промышленности. Одновременно готовились кадры. К началу 1943 года более 400 человек получили различные специальности, в основном - методом индивидуального обучения учеников, прикрепленных к квалифицированным рабочим. На современном этапе в области, на базе эвакуированного в 40-х годах кожевенного комбината,

функционирует обувное предприятие ОАО «Алпамыс», сохранившее традиции и прогрессивные идеи тех лет. Оно является поставщиком обуви как для силовых структур РК, так и различных организаций тяжелой индустрии республики.

9 декабря 1941 года в Кустанайскую область с 367 рабочими прибыли авиамастерские №278 из с. Некрылово Воронежской области. Авиамастерские были размещены в Джаркульской МТС. В эксплуатацию они были сданы 15 января 1942 года и специализировались на ремонте самолетов [171, с. 8]. Авиамастерские ремонтировали авиатехнику прибывших в область Борисоглебской Краснознаменной авиашколы пилотов, Сталинградского высшего авиационного училища.

В декабре 1941 года был решен вопрос о размещении в Кустанайской области Сталинградского высшего авиационного училища (Сталинградской авиашколы пилотов), в народе известного как «Сталинградско-Кустанайское», «Сталинградско-Красноярское». Материально-техническая база, горюче-смазочные материалы, оборудование ремонтных мастерских, столовая, авиационная техника, самолеты были размещены летом 1942 года в 22 зданиях Федоровского и Кустанайского районов - в поселках Успеновка, Затобольск, Джаркуль, а также в самом Кустанае. Училище функционировало здесь до 1946 года. Вместе с училищем прибыли офицеры, курсанты, обслуживающий персонал. В учебном заведении учились кустанайцы: Герой Советского Союза А.И. Парадович, В.И. Таран, Л.П. Исаев, В.Ф. Пеньков [203, с. 138].

Авиашколе были выделены здание партийных курсов, общежитие фабрики «Большевичка», школа глухонемых, контора «Областное заготовительное зерно», Облпрокуратура, Дом колхозника, контора и клуб Облпромсоюза, школа имени Джамбула, контора Облводхоза, контора Облдоротдела [208, л. 2]. В зданиях казначейства была размещена казарма учебного батальона авиашколы, на месте магазина «Экспресс» - офицерская столовая, в наримановской мечети, кинотеатре «Знамя» - мастерская киноаппаратуры, в бывшей школе №10 – учебно-летный отдел, в старом магазине по улице Калинина – спортзал училища, в доме купца М. Лореца – курсантская столовая [209, с. 4]. В Федоровском районе корпуса училища располагались в зданиях ресторана, клуба, школы. На территории свиновхоза №641 – клуб, школа, баня, прачечная, детские ясли, здание сельсовета, РО НКВД, начальная

школа имени XX лет Октября, гостиница, контора Облнефтесбыта, школа имени Н. Крупской, 5-я начальная школа, ресторан Облторга, магазин «Бакалея», гараж Дома колхозника, гараж НКО, склад Кондитерсбыта, склад Горжилуправления, склад Текстильсбыта [208, л. 3]. В п. Успенровка Федоровского района была размещена одна эскадрилья. В 4-квартирных домах, принадлежавших школе, был расселен командирский состав эскадрильи [210, л. 64-69]. Начальником училища был назначен Афанасьев П.М., бывший помощник начальника училища в Сталинграде.

Ветеран труда Сидак Ольга Николаевна, работавшая в училище, рассказывала: «Летчики приехали к нам летом 1942 года. Часть находилась в Озерном, другая – в Успенровке. В здании «красной» школы располагалась часть училища, за линией был аэродром летчиков, который сохранился до 90-х годов. Возле озера находилось общежитие курсантов, напротив «красной» школы – их склады». Лидия Александровна Гусева сообщала: «Первоначально училище разместилось в походных условиях возле кладбища, затем выделили помещение «красной» школы. Часть курсантов находилась в Озерном. Военное училище занимало территорию совхоза». Аникина Надежда Григорьевна, ветеран войны и труда, вспоминала: «Первоначально аэродром располагался возле нынешнего кладбища, но затем его забросили, и новый аэродром был открыт за железнодорожной линией. В основном летчики были с Украины. В то время в поселке погибло несколько летчиков, фамилия одного Сыркин, его увезли и похоронили в Кустанае, за его телом приезжали родители. Фамилия второго бортмеханика - Афанасьев. В послевоенные годы пришло письмо из Украины, в котором друг покойного летчика писал, что отец Афанасьева был расстрелян немцами, мать и братья повешены» [209, с. 4].

Интересны воспоминания ветерана войны и труда, бортмеханика, начальника училища В.Н. Краморова: «После прибытия в Кустанай столкнулись с большими трудностями, не хватало продуктов питания, материальной базы. Летчикам выделили старое деревянное здание, которое находилось недалеко от музея, старый магазин по улице Калинина, здание бывшей школы №10, Наримановскую мечеть и другие здания. Но этого было недостаточно, и поэтому часть училища была перебросена в соседние села. Огромную помощь летчикам оказали колхозы, совхозы, местные партийные руководители. Именно благодаря им,

училище начало работу. Было много трудностей, немало катастроф, погибло немало курсантов и летчиков, но училище работало. Нам пригнали «Як-1», а опытные испытатели находились на фронте. Испытать самолет взялся курсант Яков Бутенко, который поднялся на немыслимую высоту, тем самым удивив товарищей» [209, с. 4].

Наиболее полную историю училища раскрывает выпускник В.В. Кондрашов, служивший в кустанайский период: «Сталинградское военное училище летчиков создавалось в 1929 году. До 1940 года училище готовило военных летчиков-истребителей и бомбардировщиков, а с 1940 года - истребителей. Начальниками училища были полковник М. Негаев, генерал А. Соколов, полковник К. Душутин, генерал В. Пашков, заместителем начальника училища по летной подготовке полковник И. Афанасьев. Командирами полка, эскадрильи были замечательные летчики: полковники Л. Волынский, Н. Бондалетов, С. Колпаков, П. Блезшоков, В. Рефкин, К. Савельев, П. Матул и другие. Они были очень авторитетными командирами и начальниками, подавали пример ревностного служения Родине и своему народу [209, с. 4].

В Кустанае полки и эскадрильи училища располагались в землянках в Наримановке, Затобольске, Озерном, Федоровке (Успеновка). Штаб училища и учебно-летный отдел располагался в самом городе. В Затобольске командирами были капитан Райкин, майор Волынский. Эскадрилья готовила летчиков-истребителей на современных самолетах того времени: Як-1, Як-3, Як-7Б. Из Кустаная училище эвакуировалось в 1946 году в Новосибирск, где с 1959 года стало именоваться высшим военно-авиационным Сибирским училищем летчиков. В 1960 году училище было расформировано» [209, с. 4, 5].

К концу февраля 1942 года в пути следования в Кустанай находились перчаточная фабрика из Москвы «Красный Восток» и 2 кожевенных завода [167, с. 166, 167]. В Семиозерном районе планировалось разместить Центральный химический склад Наркомвоенмора, каучуковый завод, завод автотракторного и авиационного оборудования и 900 человек, завод «Красный Октябрь» по выпуску мотоциклов и 2000 человек, завод «Автотракторприбор» и 800 человек [205, л. 1].

В Кокчетаве в годы войны были размещены эвакуированные заводы №№ 239, 621, детский дом и драматический театр из Грозного [197, л. 236].

28 сентября 1941 года в Акмолинск прибыл первый эшелон с оборудованием Мелитопольского станкостроительного завода. 14 октября, в день прибытия последнего шестого эшелона бюро горкома партии потребовало от директора завода Муравьева закончить проектирование электростанций, механических и сборочных цехов и к 18 октября разработать графики строительных и монтажных работ. «Трудностей много, начинать мы должны на голом месте, - говорил директор завода, выступая перед рабочими, - но нам даны жесткие сроки пуска завода. Фронт ждет нашей продукции, мы должны дать ее в срок». С изумительной стойкостью и скоростью велись работы, инженеры, технологи, экономисты, техники, мастера рыли котлованы, клали бетон, подносили щебень, песок, перекачивали станки к месту установки. Работали по 20 часов в сутки, а иногда и по несколько суток не выходя с завода. 28 октября, на 35 день своего прибытия на место, завод стал действующим. Директор завода Муравьев в докладной записке в обком партии писал, что завод можно считать в основном восстановленным после эвакуации. «Наиболее тяжелый этап восстановления завода позади. Впереди большая задача – дать больше продукции, и коллектив завода сделает для этого все» [201, с. 274].

На станции Макинка Акмолинской области находился перебазируемый из г. Мичуринска завод «Автотрактордеталь» [86, с. 58]. В Акмолинске функционировал завод «Казахсельмаш», в Щучинске - содовый и стекольный заводы.

Петропавловск в годы войны имел стратегическое значение. Согласно решению Эвакуационного Совета СССР в городе были размещены свыше 20 заводов, фабрик и предприятий оборонного значения, аналогов некоторым из которых не было во всем СССР [211, с. 257]. Основная часть эвакуообъектов была размещена в СКО в ноябре 1941 года. Эвакуация предприятий послужила импульсом для развития местной промышленности. Значительно выросли производственные мощности хромового завода, валяльно-обувной фабрики, были вновь созданы махорочная и швейная фабрики, завод малолитражных двигателей, несколько предприятий металлоизделий и машиностроения союзного значения и промкомбинатов местной промышленности [212, с. 26].

Исполнительный комитет Северо-Казахстанского совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП (б) К 5 ноября 1941 года принял постановление об утверждении областной комиссии по

размещению эвакуированных предприятий, населения и устройства его на работу. На комиссию возлагалась ответственность за размещение эвакуированных предприятий, учреждений, учебных заведений и населения, а также устройство его на работу. Документ обязывал производить разгрузку эвакуированного населения в течение не более 24 часов и производить отправку населения с эвакуационного пункта к местам расселения в течение 48 часов [187, л. 107].

28 октября 1941 года исполнительный комитет Северо-Казахстанского областного Совета депутатов трудящихся в связи с дефицитом помещений для размещения эвакуопредприятий, обслуживающего персонала принял решение «О переселении организаций города Петропавловска». В связи с этим часть промышленных объектов перевозилась в другие населенные пункты области [187, л. 107]. Перебазирование промышленных объектов планировалось осуществить до 10 ноября 1941 года [198, л. 72].

Местные заводские коллективы помогали новым предприятиям рабочей силой, оборудованием, транспортом. Население области приняло активное участие в восстановлении заводов: тысячи горожан, большинство из которых были женщины, откликнулись на призыв, вошли в состав восстановительных бригад и отрядов, пополнили рабочие коллективы.

О трудностях, которые пришлось преодолеть при восстановлении прибывших предприятий, рассказал на X городской партийной конференции один из делегатов Таганрогского завода имени Молотова: «Когда мы приехали в Петропавловск, перед коллективом стояли следующие задачи: первая – использовать и освоить помещения, которые были очень далеки от тех, что были в Таганроге. Вторая – смонтировать и восстановить оборудование. Третья – провести набор рабочих из молодежи и подготовить местные кадры». Несмотря на это сложное положение, предприятие, прибывшее в январе 1942 года, в начале марта дало первую продукцию для фронта [213, л. 40-41]. В кратчайшие сроки в Петропавловске были введены в эксплуатацию эвакуированные предприятия, и уже к концу 1941 – началу 1942 годов они дали первую продукцию фронту [214, л. 27]. В Петропавловске располагались оборонные заводы: №№ 31, 37, 175, 182, 189, 215, 233, 239, 264, секретный 347 (минная база), 641, 675, завод имени Сталина, Таганрогский завод имени Молотова [211, с. 257].

Большое значение имел эвакуированный из Москвы Артиллерийский Арсенал №4 Наркомата обороны, осуществлявший ремонт артиллерии и стрелкового вооружения. Вместе с заводом прибыло 330 человек. Оборудование Арсенала было размещено на площади 5178 квадратных метров (в Москве завод располагался на территории 11 000 квадратных метров). Завод выпускал единственные в СССР компасы и буссоли, стрелковое вооружение, материальную часть артиллерии [215, л. 11, 12].

Арсеналом производились и ремонтировались 76-мм зенитные пушки образца 1931 года, пулеметы «Максим», винтовки образца 1891 года и 1891/30 годов, пулеметы Дягтерева, наганы; винтовочные протирки, ствольные накладки, компасы Андрианова, упрощенные буссоли, ЗИП к артиллерийским системам, стрелковому оружию, спецкупорки; чехлы для 76-мм зенитной пушки, пулемета «Максим» [215, л. 14]. В октябре 1941 года приступил к производству военной продукции завод №239, созданный на базе оборудования московского завода и других заводов (№№182, 375, 215), эвакуированных в Петропавловск [215, л. 15].

С июля по декабрь 1941 года осуществлялось перебазирование Мелитопольского станкостроительного завода, который был размещен в Акмолинске. Эвакуированное предприятие было сдано в эксплуатацию уже в октябре 1941 года [215, л. 15]. В декабре в Петропавловск прибыла научно-исследовательская лаборатория Артиллерийского приборостроения Красной Армии [215, л. 15].

Эвакуированный завод №7 из Харькова послужил причиной появления в городе хромового завода. Этот завод изготавливал брючные ремни и патронные сумки [215, л. 19]. В январе 1942 года вступил в эксплуатацию завод №641, созданный на основе оборудования Александровского радиозавода, эвакуированного из Ивановской области в ноябре 1941 года. В Петропавловск был эвакуирован Ярославский шинный завод. Весной 1942 года заработали ряд крупных предприятий. 25 апреля сдан в эксплуатацию завод малолитражных двигателей, созданный на основе производственной базы завода №37, эвакуированного из Свердловска. В строй вступил завод №675, созданный на базе производственного оборудования Московского электроизоляционного завода, Хотьковского завода электроизоляционных материалов и части Московского завода «Изолит», эвакуированных в Петропавловск в декабре 1941 года –

марте 1942 года. В городе также функционировали завод металлических изделий, а также махорочная фабрика и спиртоводочный завод [215, л. 20].

В апреле 1942 года заработал завод №347 (завод исполнительных механизмов – ЗИМ), созданный на базе производственного оборудования Таганрогского завода имени Молотова, завода Наркомата судостроительной промышленности из Махачкалы, эвакуированных в Петропавловск в октябре-ноябре 1941 года [211, с. 387]. На заводе наряду с эвакуантами трудились осужденные. Завод освоил продукцию, необходимую для фронта за пятнадцать дней. У входа завода висел транспарант: «Сегодняшний лозунг рабочих масс: в минуту военную делай столько, сколько в мирное время делал за час». Завод одним из первых в республике внедрил поточный метод производства. Ряды гвардейцев тыла росли с каждым днем. В 1943 году количество двухсотников увеличилось в 4 раза, трехсотников – в 9 раз.

Наряду с промышленными предприятиями в Северный Казахстан был эвакуирован ряд крупных высших, средне-специальных учебных заведений, научно-исследовательских институтов, учреждений культуры. Так, осенью 1941 года в Кустанайскую область из Хвалынска прибыл музей имени Чернышевского с 90 сотрудниками [171, с. 166, 167].

В конце 1941 года в область из Москвы прибыл Всесоюзный научно-исследовательский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Научно-исследовательские лаборатории института были размещены в школе механизации имени Ворошилова, усадьбе Амангельдинского МТС, в колхозе «Соцжол», в домах областной школы животноводов в Кустанае, в здании Кустанайского МТМ. Для обустройства научных сотрудников института в Кустанае было выделено 10 квартир [171, с. 163, 164]. 8 января 1943 года в область прибыл Всесоюзный научно-исследовательский институт акклиматизации и гибридизации сельскохозяйственных животных из Аскания-Нова [171, с. 174]. В это же время сюда прибыли Азово-Черноморский институт сельского хозяйства и механизации, Сальский механический завод «Совхозреммаштрест».

В село Боровое в июле 1941 года из Москвы был эвакуирован Центральный научно-исследовательский институт физических методов лечения имени Сеченова во главе с директором

Ю.М. Эпштейн-Колонтай, профессором Е.А. Нильсон, доцентами-рентгенологами Б.В. Михтерман, О.Г. Мацко и другими. Во многом благодаря академику К.И. Сатпаеву, сумевшему доказать объективность и необходимость эвакуации Президиума Академии наук СССР именно в Казахстан, в Щучинск прибыл поезд из Москвы с группой ученых и членами их семей. Вот что писал В.И. Вернадский по прибытию в с. Боровое в своем дневнике: «22 июля 1941 года. Приехали на станцию Боровое. Здесь познакомились с директором курорта Орловой. 24 июля. Они организовали казахстанскую группу академиков под председательством Н.Ф. Гамалеи». В туберкулезном санатории «Боровое» работал академик Н.Ф. Гамалея – основоположник микробиологии, а также 20 видных советских ученых: Н.А. Семашко (первый нарком здравоохранения СССР), С.А. Зернов, А.Е. Фаворский, В.М. Алексеев, А.Н. Бах, Л.С. Берг, С.Н. Бернштейн, Н.Д. Зелинский, Л.И. Мендельштам и другие ученые. Они организовали в санатории специальную лабораторию по изучению туберкулеза. Н.Ф. Гамалея в то время трудился над проблемой долголетия и закончил здесь свой учебник по медицинской микробиологии. Н.Д. Зелинский провел в Боровом исследования по органической химии. Он занимался изучением свойств углеводорода, их синтезом. А.Н. Бах, выдающийся химик, здесь закончил свой знаменитый труд «Об иммунизации» [216, с. 163, 164].

В санатории Н.Ф. Гамалея высказал мысль о производстве спичек. Он написал академику К.И. Сатпаеву: «Живя в таком сосновом бору, почему люди с совком ходят от одного дома в другой за горящим огнем? Неужели нельзя организовать производство спичек?». По настоянию К.И. Сатпаева были организованы артели по производству спичек. Так в санатории появились свои спички. В Щучинском туберкулезном диспансере, стационаре при туберкулезном курорте, Н.Ф. Гамалея разработал для лечения больных туберкулезом препарат микол. Получив хороший результат на экспериментальных животных, ученый заразил себя туберкулезом, на себе испытал этот препарат и, только убедившись в его безвредности и эффективности, рекомендовал его для лечения местных больных и бойцов, болевших туберкулезом. Местные жители говорили, что Гамалея творил чудеса. У отца сотрудницы санатория А.Д. Турсынбаевой он за месяц вылечил открытую форму туберкулеза. В Боровом Н.Ф. Гамалея создал ряд трудов,

обогативших советскую науку. Его брошюра «Грипп и борьба с ним», опубликованная в 1942 году, была отмечена в Англии. Экземпляр брошюры с дарственной надписью «Библиотеке санатория «Боровое» от автора» хранится в Кокчетавском музее [216, с. 164].

В штате лаборатории числились заведующий Н.Ф. Гамалея, старший научный сотрудник Ф.И. Кооп, младший научный сотрудник В.С. Кудинов, лаборанты М.Н. Гамалея, А.Л. Кофман. Многие ученые преподавали в боровских школах. Первый нарком СССР Н.А.Семашко работал в Госпитальном совете Наркомздрава Казахской ССР. Литературовед А.С. Орлов изучил казахский язык, интересовался казахским эпосом о Кобыланды-батыре, записи рассказов в Боровом он сдал в музей. Из группы ученых умерли и были похоронены на городском кладбище – Ильинский, Ляпунов, жены Вернадского и Гамалея. Математик С.Н. Бернштейн, физик Л.И. Мандельштам, химик Н.Д. Зелинский на кокчетавской земле завершили подготовку к изданию научных трудов в области математики, теории колебаний и распространения радиоволн, а также органической химии, за что получили государственные премии [216, с. 169].

В ноябре 1941 года из Москвы в СКО область были эвакуированы ветеринарный институт Наркомзема СССР и институт земледелия со студентами и профессорско-преподавательским составом. Несмотря на то, что вуз располагался в помещениях Петропавловского ветеринарного техникума, городской ветеринарной лечебницы и областной ветеринарной бактериальной лаборатории, мест для полного размещения оборудования института было недостаточно. Преподаватели института были расселены на квартирах, предоставленных по ордерам горкомхоза [215, л. 1]. Крупнейшие специалисты института во главе с академиком К.И. Скрябиным активно участвовали в помощи колхозам и совхозам области. В 1942 году два вуза выпустили 135 врачей-ветеринаров и 35 инженеров-геодезистов и инженеров-землеустроителей [217, л. 13, 60].

Группа эвакуированных в СКО ленинградских преподавателей создала в Петропавловске 9 мая 1942 года Механический техникум и составила костяк его учебных кадров. В 1944 году в техникуме обучалось 300 человек [218, л. 65]. В Петропавловск 20 ноября 1941 года был эвакуирован Московский институт землеустройства Наркомзема СССР со 155 студентами. Этот вуз, несмотря на тяжелые

военные годы, как и многие другие эвакуированные в Северный Казахстан учебные заведения, продолжал свою деятельность уже на новом месте по обучению студентов. На первый курс к концу 1941 года планировалось набрать 100 человек. Профессорско-преподавательский состав института состоял из 120 человек. Институт готовил инженеров-землеустроителей, инженеров-геодезистов.

В качестве проблем, с которыми сталкивались эвакуированные вузы в местах размещения, являлось отсутствие помещений, мебели, учебного оборудования, средств, учебно-методических материалов, неподготовленность помещений к зимнему периоду, отсутствие топлива [215, л. 2, 3]. Большой проблемой стали условия жизни и труда профессорско-преподавательского состава и студенчества. Среднесуточная нагрузка преподавателей достигала 12-16 часов, недельная нагрузка студентов – 42-45 часов. Сроки обучения были сокращены в педагогических вузах с 4 до 3 лет, в медицинских – с 5 до 3,5 лет [219, с. 169].

По ул. Базарбаева, 87 находилась эвакуированная в Петропавловск Курская центральная школа слепых Наркомата социального обеспечения РСФСР с контингентом 125 человек и 3-х преподавателей. Данное учебное заведение готовило преподавателей школ слепых - баянистов. Среди проблем, с которыми столкнулась школа, оказалось отсутствие помещений, теплой одежды, топлива [215, л. 4]. На территории Базарной площади, школы имени Кирова и ветеринарного техникума Петропавловска располагалась Селищекская военная школа авиационных механиков. В архивных документах отмечалось, что занимаемые помещения приспособлены, люди размещены удовлетворительно [215, л. 5]. В зданиях Петропавловского железнодорожного училища, созданного накануне войны в 1940 году, был размещен эвакуированный из Кривого Рога контингент учеников из других ремесленных железнодорожных училищ и школ ФЗО в количестве 202 студентов, 17 человек профессорско-преподавательского состава. На 15 ноября 1941 года в данном железнодорожном училище обучались 1015 человек [215, л. 6].

За годы войны эвакуированные в Казахстан вузы подготовили 5210 специалистов, в том числе 944 казаха. Эвакуированные специалисты оказали значительное влияние на рост численности представителей интеллигенции Северного Казахстана. Несмотря на

значительное сокращение студенческого контингента, профессорско-преподавательского состава в связи с призывом в армию, вузы и техникумы продолжали подготовку кадров высшей и средней квалификации. Более одной трети профессорско-преподавательского состава вузов республики составляли эвакуированные ученые. Не менее актуально стоял вопрос со средним образованием, вовлечением прибывших детей в учебный процесс. Преодолевая трудности военного времени, принимались меры к полному охвату детей, юношей и девушек школьным и вузовским образованием. Особым вниманием были окружены сироты, дети фронтовиков и инвалидов войны. Их бесплатно обеспечивали завтраками и учебными принадлежностями.

На территории Северного Казахстана в годы войны были также размещены эвакуированные из разных уголков Советского Союза медицинские учреждения: эвакуопункты, эвакуогоспитали. Процесс их обустройства отслеживали Советы республики. Эвакуогоспитали располагались в Кустанае, Петропавловске, Кокчетаве и были приписаны к Средне-Азиатскому военному округу (САВО). С 4 октября 1941 года начали принимать раненных бойцов 2 эвакуогоспиталей в Петропавловске [216, с. 188]. Позднее их число в области увеличилось до восьми. 27 ноября 1941 года в состав округа в Петропавловск прибыл местный эвакуопункт (МЭП) №39, сформированный в г. Кременчуге. Свою работу МЭП-39 во главе с начальником управления военным врачом 2-го ранга Лавровым начал в декабре 1941 года и функционировал в СКО до 5 февраля 1943 года [216, с. 189]. По состоянию на январь 1942 года МЭП-39 (г. Петропавловск) включал в себя 19 госпиталей на 9340 коек (10,8 %). В течение 1942-1944 годов МЭП-39 входил в четверку эвакуопунктов САВО. Кроме того, в Петропавловске действовала оперативная группа Московского медицинского института, ученые и специалисты которого одновременно трудились и в эвакуогоспиталях области [216, с. 234].

Работники эвакуогоспиталей Северо-Казахстанской области выступили с обращением к своим коллегам начать широкую работу по развертыванию госпиталей в масштабах всей республики [18, с. 63, 64]. В Кустанае и районах области возвращали к жизни раненных солдат пять эвакуогоспиталей НКЗ Казахской ССР, прибывших из Ленинграда и других городов: №№3597, 2445 и другие, располагавшиеся в зданиях современного центра

обслуживания населения, педучилища, областного департамента здравоохранения, лицея облбытсервиса. Эвакогоспиталь на 840 коек был размещен в здании учительского института. Совместным постановлением Кустанайского облисполкома и обкома партии от 9 сентября 1941 года был образован эвако-военный госпиталь на 200 коек с размещением его в здании педагогического училища. Четыре эвакогоспиталя располагались в городе, один – на селе.

Незначительный объем документов не позволяет представить четкую картину деятельности эвакогоспиталей на территории Кустанайской области. Это вызвано тем, что эвакогоспитали находились в ведении облздравотдела, который, в свою очередь, подчинялся управлению эвакогоспиталей наркомата здравоохранения КазССР. После ликвидации эвакогоспиталей вся их документация на основании приказов по облздравотделу (от 1 января, 20 февраля 1943 года) была передана в спецчасть облздравотдела, и дальнейшая их судьба не известна. Позднее часть эвакогоспиталей в Кустанайской области была расформирована.

В Кокчетаве были размещены 2 госпиталя, в Акмолинске – 5 [216, с. 144].

Война стала причиной не только вынужденного перемещения на тысячи километров людей, промышленных объектов. Она, словно всепоглощающий огонь, целенаправленно, стремительно и неизбежно уничтожала людей, ранила их души, коверкала судьбы, сиротила семьи. Дети оставались без родителей, без средств существования. Они размещались в детских домах. В Казахстан в годы войны были также эвакуированы и детские дома. На территории северных областей республики были размещены несколько детских домов, однако основная масса детей была эвакуирована в юго-восточные области Казахстана. В селе Кара-Агач Ленинского района СКО был размещен детский дом из Харькова с 260 детьми и 25 человек обслуживающего персонала. В селе Айртау Айртауского района находился детский дом из Воронежа с 250 детьми и 20 человек обслуживающего персонала [215, л. 9].

В Павлодарскую область было эвакуировано 1519 детей. В Кустанайскую область детские дома прибыли из Харьковской, Московской и Воронежской областей. В эвакуированных детских домах Северо-Казахстанской, Павлодарской областей отмечалась большая скученность детей. Санитарное состояние и медицинское обслуживание детских домов по сравнению с прошлыми месяцами

улучшилось. Петропавловск разместил у себя Детский дом увечного ребенка из Одессы. Вместе с детским домом прибыло 97 человек, из которых 22 человека являлись обслуживающим персоналом. 50% детей имели диагноз «туберкулез кости», остальная часть детей имела различные виды увечья [215, л. 7].

К 1 июля 1942 года в Казахстане насчитывалось 111 детских домов с 12 969 человек. С августа 1941 года по середину 1943 года в республику было эвакуировано 149 детских домов и 16 московских школ-интернатов. К июлю 1943 года в Казахстане насчитывалось 28500 детей. Многих детей, лишившихся родителей, местные жители брали на воспитание, только с января по май 1942 года 1606 детей обрели своих вторых родителей. К концу войны в республике располагалось уже 179 детских домов, в которых воспитывалось 27,6 тысяч детей, оставшихся без родителей. Всего за годы войны в детские дома Казахстана было принято 93 053 человека [13, с. 96].

Эвакуанты принимали самое активное участие в развитии материально-технической базы промышленного сектора экономики северных областей Казахстана. В тандеме с местным населением, эвакуанты восстанавливали и строили промышленные объекты. Квалифицированные специалисты из числа эвакуантов оказывали помощь местному населению в освоении новых профессий. Своим примером, знаниями способствовали профессиональному росту местных кадров.

Основная часть эвакуированного в Северо-Казахстанскую область населения работала на секретном заводе №347, заводе имени Молотова. Кроме того, значительная часть эвакуантов трудилась на заводах №№175, 239, 182, 215, 31, 189, 264, заводе имени Сталина, швейной фабрике, детском приемнике, педагогическом институте, школах, сберкассе, обувной фабрике. Часть эвакуированных была задействована в 1942 году на заводе малолитражных двигателей [193, л. 236]. Эвакуанты также работали на махорочной фабрике. По ходатайству Наркомата пищевой промышленности (НКПП) Казахской ССР и областных организаций Петропавловска Наркомпищепром СССР решил «в целях приближения производства курительных махорочных изделий к потребителю организовать в Петропавловске махорочную фабрику, производящую 150 тысяч ящиков курительной махорки в год» [215, л. 18].

В республике, наряду с вводом в действие эвакуированных предприятий, продолжалось и капитальное строительство. Газета

«Правда» в эти трудные годы писала: «Страна воюет и строит. У нашего народа в одной руке меч, в другой молот» [15, с. 84].

В связи с нехваткой электроэнергии для бесперебойного обеспечения эвакуированных объектов была построена Петропавловская ЦЭС. Были достроены железнодорожные ветки, в частности, дорога Акмолинск - Карталы. Местное, эвакуированное и депортированное население также трудилось в Государственной строительной-монтажной конторе №52, кирпичном заводе.

Ушедших на фронт мужчин на заводах заменили женщины. Многие эвакуантки работали на предприятиях по чисто «мужским специальностям» как в промышленности, так и в сельском хозяйстве: токари, слесари, плотники, трактористы и т.д. Основная часть эвакуантов работала по своей профессии.

Часть эвакуантов перевыполняла производственные нормы. Так, в Пешковском районе Кустанайской области, в числе 1666 эвакуированных было много передовиков производства. К примеру, М. Шеменькова в колхозе «Пахарь» за один месяц заработала 90 трудодней. За перевыполнение трудовой нормы она получила 2 центнера пшеницы и 5 центнеров картофеля. Эвакуированная Н. Пиротикова за один месяц, заработав 80 трудодней, была премирована 1 центнером пшеницы и 6 центнерами картофеля. К. Чернешева за полтора месяца выработала 190 трудодней и получила дополнительную оплату. В числе 57 эвакуантов были врачи, учителя, слесари, токари. В колхозы вступило 27 человек. Часть не работала из-за отсутствия теплой одежды и обуви [112, л. 58].

В поселке Тимофеевка Семиозерного района из 20 эвакуированных семей многие неоднократно перевыполняли рабочие нормы. К примеру, работая на обмолоте хлеба, Е. Лейтман систематически выполняла дневное задание на 120 %. Ей было начислено 82 трудодня. Б. Херсонский ухаживал за быками и заработал 144 трудодня. Такое же количество трудодней выработал сторож И. Дашевский. Ежедневно перевыполняли свои нормы по снегозадержанию М. Воронцова и С. Яроцкая [191, с. 28]. В колхозе имени Буденного Федоровского района Кустанайской области эвакуированная Н. Стадник выработала в 1942 году 561 трудодень и премировалась коровой; весной 1943 года на пахоте перевыполнила две нормы. В колхозе имени Кирова Урицкого района Кустанайской области эвакуированная Зеленко к весеннему севу укомплектовала

полеводческую бригаду из эвакуированных женщин, эта бригада за 10 дней завершила план весеннего сева [191, с. 43].

Помогали не только эвакуированные, но и эвакуированным. В областях республики были распространены формы политико-воспитательной работы депутатов, агитаторов и пропагандистов – коллективная читка газет, прослушивание последних известий, лекции, беседы. Клубные и библиотечные работники обслуживали раненных бойцов, командиров и политработников Красной Армии. Так, работники культурно-просветительских учреждений СКО только за три месяца 1943 года провели в госпиталях 160 политбесед и 240 политинформаций на военно-патриотические темы. Артисты и участники художественной самодеятельности дали 65 концертов [220, л. 20].

В результате огромного перемещения производственных сил в республике появились новые отрасли промышленности, значительно возросла мощность предприятий. Валовая продукция промышленности в 1945 году выросла в сравнении с 1940 годом на 37%, а удельный вес промышленности во всей валовой продукции народного хозяйства увеличился с 60 % в 1940 году до 66 % в 1945 году [15, с. 86, 87].

Из 54 252 человек, эвакуированных из прифронтовой полосы, 6184 или 11,4 % составляли квалифицированные специалисты промышленности и сельского хозяйства. Опытные рабочие и инженерно-технические работники подготовили 19 тысяч квалифицированных кадров из местного населения.

Строительство промышленных предприятий, железных дорог, перебазирование заводов и фабрик из зоны военных действий в Казахстан сказалось на росте рабочего класса республики. Если в 1943 году количество рабочих и служащих в целом по стране сократилось в сравнении с 1940 годом на 38 %, то в Казахстане их число возросло на 7 %, а в 1945 году – на 13,7 % [15, с. 86, 87].

В связи с переломными событиями в Великой Отечественной войне с 1943 года началась реэвакуация населения и промышленных объектов из Северного Казахстана. В марте 1944 года из Северо-Казахстанской области выехали эвакуанты Эстонской, Молдавской, Литовской ССР. Численность эвакуантов в Кустанайской области снизилась с 38 029 (на 1941 год) до 15 459 человек, к 1945 году их стало насчитываться 4 403 человека [150, л. 7]. К концу войны из Кустанайской области выехало почти 90 % эвакуированного

населения.

Весной 1946 года из СКО выехало население, эвакуированное из Карело-Финской ССР [158, л. 104]. Во многих случаях реэвакуация населения осуществлялась путем самостоятельного выезда людей. Реэвакуация, так же, как и эвакуация, зачастую проходила массово и стихийно. Переселенческие отделы зачастую не контролировали численность выезжавшего эвакуонаселения.

Уезжая из Борового, эвакуированные в начале войны вместе с Центральным научно-исследовательским институтом физических методов лечения имени Сеченова московские ученые в прощальном письме писали: «Мы уносим самые лучшие воспоминания о Казахстане и его народе, который рука об руку с другими братскими народами Союза доблестно защищает нашу Родину от фашистских варваров. Многие из нас в бытность в Боровом, ранее работали над исследованием природы Казахстана, его ресурсов и этнографии казахского народа, и мы рады будем и впредь способствовать изучению Вашей прекрасной страны [216, с. 252].

Существовавшие ранее и появившиеся на базе эвакуопредприятий заводы и фабрики в Северном Казахстане в послевоенный период перешли к выпуску военной, сельскохозяйственной техники, промышленного оборудования. Так, в Петропавловске на базе эвакуированного предприятия возник Петропавловский завод тяжелого машиностроения. В Кустанае завод химволокна стал выпускать высококачественное искусственное волокно для ковров, нетканых материалов, поливинилхлоридные волокна, фенилон. В январе 1945 года на базе эвакуированного в Кустанайскую область завода №222 был создан завод «Комсомолец» Республиканского треста «Реммехзаводов». 21 февраля 1945 года был переименован в Тогузакский ремонтный завод имени 25-летия Казахской ССР, производивший сельскохозяйственную технику [204, с. 160]. Тогузакский механический завод имени 25-летия Казахской ССР стал изготавливать детали к тракторам и сельскохозяйственным машинам. Значительно расширился ассортимент швейных изделий фабрики «Большевичка». Кустанайская обувная фабрика стала выпускать мальчиговую, национальную и женскую хромовую обувь [171, с. 39]. На базе эвакуированного из Симферополя в Кустанай кожевенно-обувного комбината имени Ф.Э. Дзержинского сейчас функционирует обувное предприятие ОАО «Алпамыс», поставляющее обувь для силовых структур РК, организаций тяжелой

индустрии республики.

Подводя итог, следует отметить, что процесс эвакуации населения и промышленных, образовательных, научных, культурных предприятий и объектов привел к мультипликативному эффекту в социально-экономической, этнодемографической, мультикультурной сферах Северного Казахстана, республики в целом. Появление на карте республики новых промышленных центров, рост городов и сел были также связаны с размещением эвакуопредприятий, обслуживающего персонала. Эвакуанты оставили в Казахстане своих благодарных учеников, с которыми делились профессиональным опытом. Эвакуированные инженерно-технические работники оказали большое влияние на профессиональный рост кадров, технической интеллигенции Северного Казахстана. Эвакуированные предприятия, население органично влились в народное хозяйство северного региона, явились важным фактором развития промышленного и аграрного сектора, способствовали увеличению численности населения северных областей республики, разнообразию полиэтнической картины региона, оказали влияние на развитие образования, науки и культуры северных областей республики.

3. РОЛЬ ДЕПОРТАЦИИ И ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 1937-1956 ГГ.

3.1 Особенности миграционного развития северного региона

На формирование полиэтнического и мультикультурного облика Северного Казахстана в 30-х - 50-х годах XX века значительное влияние оказали активные миграционные процессы, являвшиеся составной частью этнодемографического развития республики, СССР в целом. По сути, эти процессы происходили в унисон общереспубликанским, общесоюзным процессам, являлись копией развития страны в миниатюре. Наряду с притоком населения в Казахстан, по всей республике происходило «вторичное», внутреннее перераспределение людей по регионам, детально проследить которое представляет определенную сложность.

Многосторонние, разноплановые, разновекторные и несинхронные миграционные потоки, пересекавшие Казахстан в этот период во всех направлениях, преимущественно из села в город, с севера на юг и восток, касавшиеся буквально всех народов и этнических групп, с середины 30-х годов доминировали над естественным движением населения. Абсолютное большинство переселений носило вынужденный характер и направлялось тоталитарным государством.

Ученые по-разному интерпретируют миграционную политику советской власти в этот период. Так, некоторые из них утверждают, что «попытка сблизить нации путем усиления подвижности населения оказалась на самом деле стремлением центра, в угоду одной державной нации, ассимилировать все остальные под прикрытием ложного советского интернационализма и порочной идеологии коммунизма». По мнению других, не следует преувеличивать значение, наверное, имевшей место ассимиляционной политики КПСС. В реальности советский режим гораздо больше интересовало освоение природных ресурсов Казахстана посредством переселения русско-славянского населения, обладавшего более высоким уровнем квалификации и лучше приспособленного к промышленным профессиям, нежели аграризированное население, мало адаптированное к рутинной и

механической работе и более привычное к сезонно-полевым работам [35, с. 388].

Очевидно и то, что регулированием миграций коммунисты не решали проблему «казахов» или других «малых народов», а осуществляли строительство государственности на «национальных» окраинах, решали экономические задачи и высылали потенциально оппозиционные силы за пределы европейской части СССР. Тем более, что чисто демографически, в частности, казахи из-за своей сравнительно небольшой численности и недостаточной урбанизированности не могли противостоять этому. Если подобная политика имела место в отношении Узбекистана или Таджикистана, то тогда можно было бы согласиться с тезисом о целенаправленной ассимиляции казахского населения. Но в том-то и дело, что миграции осуществлялись не в среднеазиатский – гораздо более плотно и моноэтнично населенный регион, а именно в Казахстан – малоосвоенную и слабозаселенную пустынно-аридную зону, что представляется вполне закономерным с точки зрения интересов единого государства и принципов ведения планового хозяйства.

В силу несинхронности и неравномерности развития народов, их недостаточной адаптированности к процессам модернизации и трансформации социальной среды любое государство сталкивается с проблемой приспособления и адаптации их хозяйственных навыков и традиций, норм трудовой этики к своим экономическим интересам. Здесь возникают проблемы для узкоспециализированных аграрных, особенно кочевых и скотоводческих народов, у которых ритмо-режимные характеристики трудового процесса и хозяйственного цикла не совпадают с ритмо-режимными характеристиками промышленного производства. Эти народы слабо адаптируются к особенностям индустриального производства, и перед любым государством, а тем более тоталитарно-коммунистическим, возникает проблема дефицитности рабочей силы при освоении таких слабо освоенных территорий. Так что активное стимулирование переселений в советское время в отличие от дореволюционного периода являлось следствием не только и даже не столько политических или экономических интересов советского государства, сколько недостаточной приспособленности аграрного населения к особенностям промышленного производства, отсутствия у него необходимой квалификации и опыта, несоответствия его трудовых навыков и стереотипов задачам экономической политики КПСС в

регионе [35, с. 388-389].

Таким образом, с установлением советской власти на просторах бывшей Российской империи и образованием СССР направленность миграционных потоков с севера-запада на юго-восток не претерпевает существенных изменений. Однако качество их подвергается значительной трансформации. Стимулируемые и направляемые государством миграционные потоки «заковываются» в тоталитарные цепи и не косвенно, а напрямую регламентируются командно-административной системой. Казахстан и северные его области становятся местом ссылки для многих социальных и этнических групп населения [35, с. 387-389].

С экономической точки зрения депортации этносов являлись закономерными процессами, так как советское государство пыталось восполнить дефицит рабочих рук в промышленно осваиваемых регионах, активно используя дешевый, дармовой труд спецпереселенцев. Эвакуация же населения представляла собой вынужденное переселение инженерно-технического персонала, рабочих, деятелей науки, культуры, образования, здравоохранения вместе со своими предприятиями.

Неотъемлемой частью миграционного развития северного региона Казахстана являлись массовые депортации репрессированных народов, эвакуация населения в годы войны. Вышеуказанные факторы, в свою очередь, оказывали непосредственное влияние на ход миграционных процессов, определяли их характер, внутреннее содержание, векторы развития.

Депортации народов и эвакуацию населения можно представить в виде волнообразного процесса. Начало депортации следует отнести к середине 30-х годов XX века. Этот период характеризуется постепенным нарастанием депортационной волны, постепенно накрывавшей польское, немецкое, корейское население, а также часть народов Кавказа. Данный этап представлял собой прелюдию, генеральную репетицию к последующим широкомасштабным переселениям. Вторая половина 30-х годов XX века знаменуется резкой активизацией миграционных потоков, которые организуются и направляются им вплоть до депортации целых народов на территорию Казахстана. Со второй половины 30-х годов XX века стала проводиться политика насильственного переселения людей по этническому признаку.

Первая половина 40-х годов XX века олицетворяет собой

апогей, максимальное развитие депортационных процессов, когда депортированные этносы сменяют друг друга. В это время переселению подверглись немцы, поляки, народы Крыма, Кавказа, прибалтийские этносы. Вторая половина 40-х-начало 50-х годов XX века представляют собой период затухания, ослабления насильственных переселений. В эти годы переселению подверглись народы Прибалтики, представители социальных групп и сословий. Интересно отметить такой факт – в середине, конце 30-х годов XX века насильственные переселения начались с тех или иных неугодных политическому режиму сословий, социальных групп, в конце 40-х-начале 50-х годов XX века – на них же и завершили.

Волна депортации охватила почти двадцатилетний период истории развития Казахстана в середине XX века. Эвакуация представляла собой коротковолновый процесс, ограничившийся военным периодом. Однако, его влияние на рост численности населения Северного Казахстана, республики в целом был не менее значимым, по сравнению с депортациями народов.

На протяжении рассматриваемых лет Северный Казахстан представлял собой гигантский резервуар, вселенский сосуд, стремительно заполнявшийся различными народами. По сути, целые народы подвергали тотальному остракизму и депортации в республику и ее северные области. Северный Казахстан являлся регионом-реципиентом, объектом активной переселенческой политики советского государства. Север республики являлся транзитной территорией, где первоначально размещались переселенцы, и позднее переселялись в другие области Казахстана. В миграционном водовороте принимали участие местное население и переселенцы. По сути, между ними происходил активный взаимообмен, количественное и качественное обновление, и, как результат, «новый сплав», «новая субстанция» этносов.

Источниками пополнения этнического баланса Северного Казахстана в 30-х - 50-х годах XX века являлись массовые переселения людей, прибывших в республику по плану, организационному набору, самостоятельно, либо вынужденно. Почти каждое переселение, будучи важным государственным мероприятием, имело экономическую составляющую, и было направлено на развитие сельского хозяйства, промышленности Казахстана.

Приток и расселение населения в республике в 30-е - 40-е годы

XX века можно представить по следующей пятиступенчатой схеме: прибытие – размещение – расселение – переселение – оседание, либо позднее – выезд. Для депортированного и эвакуированного в Северный Казахстан населения он почти идентичен. Однако, на последней стадии и для депортированного и эвакуированного населения он включает в себя либо оседание, либо выезд за пределы республики. Для эвакуантов в большей степени была характерна реэвакуация, почти тотальный выезд людей из Казахстана в послевоенное время.

Причины внутренних миграций были разнообразными и заключались в переселении людей в поисках работы из относительно перенаселённых, малоземельных районов во вновь осваиваемые районы. Часть населения, проживавшего в сельской местности, устраивалась на сезонные работы и уходила в город. Миграционная мобильность депортированных этносов была различной. Более «приспособленными» к дальним переселением являлись корейцы, поляки, на протяжении длительного периода времени проживавшие не на своей этнической родине, и, соответственно, имевшие определенный миграционный потенциал, обладавшие миграционной «памятью» в перемещении из региона в регион. Позднее, в новых местах расселения они неоднократно переселялись, как самостоятельно - в поисках лучшей доли, благоприятных для развития хозяйства условий, родственников, друзей, знакомых, так и принудительно, по распределению в регионы, «испытывавшие» дефицит рабочей силы. При этом расстояния переселений исчислялись тысячами километров. К примеру, корейцы, размещенные в Северном Казахстане в 1937 году, переезжали в южные и юго-восточные области республики с целью занятия традиционными видами хозяйства – рыболовством, овощеводством.

Депортированные народы Северного Кавказа, проживая на исторической родине почти изолированно, в горах, вдали от внешнего мира, ограничивались лишь небольшим переселением. Не имея такого миграционного опыта, как корейцы, в местах нового расселения кавказские этносы переселялись на незначительные расстояния. Ситуация с немцами была практически аналогичной.

Как отмечают казахстанские исследователи, в истории почти столетнего формирования полиэтничного и мультикультурного состава населения Казахстана можно выделить два главных периода: во-первых, с рубежа XIX-XX веков и до конца 50-х годов

(межпереписной период 1897-1959 годы) и, во-вторых, с начала 1960-х годов до распада СССР (межпереписной период 1959-1989 годы). В течение первого периода население Казахстана формировалось главным образом за счет механического прироста, т.е. миграционных процессов [35, с. 400].

В свою очередь, в рамках первого периода нами выделен ряд подпериодов, характеризующих этнодемографическое развитие всей республики и севера Казахстана, в частности. В этнодемографическом развитии Северного Казахстана в течение почти двадцатилетнего периода (1939-1956 годы) можно выделить ряд этапов.

Первый этап - довоенный, охватывавший 1937-1941 годы, второй - военный, включавший 1941-1945 годы, третий – послевоенный, охватывавший 1946-1956 годы. Каждый из периодов характеризуется значительной трансформацией этнодемографической картины Северного Казахстана.

Первый период характеризуется постепенной активизацией миграционных потоков, стимулировавшихся государством. С этого времени открыто проводится политика насильственного переселения людей по этническому признаку. При этом Казахстан становится местом ссылки для многих народов. В Северный Казахстан во второй половине 30-х годов прибывали плановые переселенцы, рабочие, инженерно-технический персонал на строительство промышленных объектов и этносы, подвергшиеся частичной, а позднее тотальной депортации – немцы, поляки, корейцы, народы Северного Кавказа.

В начале 30-х годов Казахстан пережил демографическую катастрофу, голод, в полной мере испытал на себе политику коллективизации, при этом большая часть казахов погибла, либо мигрировала за пределы Казахстана. Прибывшие в регион переселенцы частично компенсировали потери коренного этноса, стали причиной постепенного роста численности населения Северного Казахстана, республики в целом.

Новая волна переселенцев, как в Казахстан, так и отдельные области, началась с принятием третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства республики. Были намечены рубежи развития сельского хозяйства, поставлена задача увеличить его рост в третьей пятилетке на 52%. Как отмечают источники, оправдывая и подводя базу для переселения людей в республику, это потребовало дополнительного привлечения рабочих рук, особенно в северные и

восточные районы Казахстана. Только в Кустанайской, Северо-Казахстанской и ряде других областей планировалось разместить до 200 тысяч хозяйств. В связи с этим СНК КССР обратился ко всем трудящимся страны с приглашением приехать на целину. Отмечалось, что переселение колхозников, семей, хозяйств из малоземельных частей СССР в многоземельные районы являлось важнейшим мероприятием, направленным на дальнейшее укрепление колхозного строя, поднятия целины, залежей посевных площадей, для создания высококормовой базы в районе, а также получения высокой продукции полеводства и животноводства [221, л. 286]. Из Чкаловской, Горьковской, Куйбышевской, Тамбовской, Пензенской, Полтавской, Харьковской, Воронежской областей и Чувашской АССР только в 1939 году в колхозы северного Казахстана приехали 1710 семей [13, с. 79]. Значительная часть чувашских хозяйств была размещена в Кустанайской области. Позднее, из-за материально-бытовой необустроенности, часть семей покинула северный регион.

По численности спецпереселенцев северные области республики к концу 30-х годов XX века занимали третье место после Урала и Западной Сибири [222, с. 130].

Только за 1937-1939 годы численность населения республики выросла почти на один миллион человек. Наибольший абсолютный и относительный прирост за два года дали русские – 531 тысяча человек (28 %), казахи – 132 тысячи человек (6,1 %), украинцы – 106,8 тысяч человек (19,4 %), немцы – 118 тысяч человек (14 %), татары – 148 тысяч человек (16 %), узбеки уменьшились на 6,7 тысяч человек [35, с. 379]. Средняя продолжительность жизни людей составляла около 47 лет [223, с. 10].

По переписи 1939 года в Казахстане проживало 6081 тысяча человек, из них городского населения – 1 689 тысяч (28 %), сельского – 4392 тысячи человек (72 %) [35, с. 17]. Северный Казахстан к этому времени был представлен Кустанайской (367 852 человек), Павлодарской (251 257), Северо-Казахстанской (541 527), Акмолинской (458 509) областями.

Кокчетавская область была образована в 1944 году, Целиноградская - в 1961 году. Однако численность населения северного региона в 1939 году по переписи 1959 года дана именно в таком административно-территориальном делении. Северный Казахстан к 1939 году являлся одним из населенных в республике.

На севере республики к этому времени проживали 1 610 696

человек, или третья часть населения всей республики. Из них в городской местности было сосредоточено 263 971 человек, сельской – 1 346 725 человек.

Основная часть населения в эти годы проживала в сельской местности. В Кокчетавской области сельчан было в 4 раза больше, чем горожан. По другим областям положение было таким: в Кустанайской области в сельской местности проживало в 6 раз больше людей, чем в городе, в Павлодарской области – в 5 раз, в Северо-Казахстанской области - в 3 раза, в Целиноградской области – в 7 раз больше, чем в городской местности.

Из этих областей в 1939 году на первом месте по численности населения находилась Кустанайская область. Здесь, по данным переписи, проживало 371 751 человек, из них 13% горожан, остальные проживали в сельской местности. Два города Кустанайской области - Кустанай и Джетыгара - имели население 33 540 и 15 345 человек соответственно.

По данным архивных документов, численность жителей Кустанайской области за год (с 1938 по 1939 годы) увеличилась в основном за счет механического прироста с 332 500 до 371 751 человек, или почти на 40 тысяч человек. Основным источником резкого увеличения численности кустанайцев в эти годы стало размещение на территории области корейского населения. По другим источникам численность населения Кустанайской области в 1939 году составляла 372 010 человек [224, л. 1].

Эти данные превышают официально опубликованные результаты Всесоюзной переписи населения на 259 человек. Соответственно, отличаются цифры и в количестве городского и сельского населения области. По официальным данным переписи 1939 года в Кустанайской области в городской местности проживало 48 885 человек, а в сельской – 322 866 человек. Но по сведениям, составленным на местах, и приведенных в сводных документах, а затем отправленных в вышестоящие инстанции республики численность городского населения области в 1939 году составляла 54 282 человека, сельского – 317 728 человек.

Таким образом, разница в численности городского и сельского населения по официальным данным и сведениям, составленным на местах, составила свыше 5 тысяч человек: горожан «недосчитали» на 5397 человек, сельчан стало больше на 5138 человек. Предполагаем, что эту разницу отнесли и приплюсовали к сельскому населению. В

итоге общая численность населения всей Кустанайской области в 1939 году составила 372 010 человек, а по данным Всесоюзной переписи населения здесь проживало 371 751 человек, разница составила приблизительно 259 человек.

У нас есть основания доверять архивным документам, так как они были составлены, с одной стороны, гораздо позже, в 1948 году Кустанайским областным управлением народно-хозяйственного учета в отделе переписи населения, с другой стороны, первичная информация сюда поступала из районов области. Результаты же переписи населения 1939 года стали доступными и известными для широкой аудитории только после публикации данных Всесоюзной переписи населения 1959 года, то есть только лишь в 1962 году.

На втором месте находилась Северо-Казахстанская область с численностью населения 362 996 человек, из них 91 660 горожан и 271 336 - сельчан. В Целиноградской области к этому времени проживало 332 779 человек. Численность горожан достигала 39 556 человек, сельчан – 283 223 человек. Кокчетавская область населяли 331 463 человека, из них города - 50 061 человек, село – 281 402 человека. В сравнении с другими северными областями Казахстана по переписи населения 1939 года в Павлодарской области проживало меньшее количество людей – 221 707 человек. Из них 33 809 человек проживали в городской местности и 187 898 человек - в сельской.

О росте численности населения Северного Казахстана свидетельствуют его регионы. Так, население Кустанайской области в 1938-1940 годах возросло почти на 60 тысяч человек [224, л. 1], что было обусловлено размещением корейцев, поляков, частично народов Кавказа, плановых переселенцев из России, Украины, Белоруссии, Молдавии, других республик. Плотность населения составляла 1,9 чел. на 1 кв. км. Минимальная плотность населения - 0,3, максимальная - 4,6 человека на один кв. км [224, л. 10]. Северная часть области являлась наиболее густонаселенной.

В 1940 году приток переселенцев в республику продолжился. 20 апреля СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР», согласно которому планировалось увеличить посевные площади страны, освоив более миллиона гектаров целинных и залежных земель. В числе восточных районов СССР значился и Северный Казахстан. Колхозники сельхозартели «Путь к социализму» Кемеровского района Новосибирской области

обратились с предложением приглашать сельских тружеников из малоземельных областей страны и устраивать их за счет средств своих колхозов. Инициатива кемеровцев нашла отклик в колхозах Казахстана. Так, 70 колхозов Кустанайской области обязались принять 1228 хозяйств [13, с. 125].

Около 25 тысяч хозяйств были отправлены в северо-восточные области, из них в Акмолинской области было расселено 3753 (17 006 человек), Кустанайской – 4279 (21 079 человек), Павлодарской – 3900 (16 646 человек), Северо-Казахстанской – 4095 хозяйств (19 601 человек) [225, с. 238, 239]. Наибольший процент вселения приходился на районы Акмолинской и Северо-Казахстанской областей [13, с. 80].

К концу 1940 года в республике насчитывалось свыше 24 241 тысячи семей, прибывших из Украины, Белоруссии, Татарской, Чувашской, Мордовской республик [225, с. 216]. Через год их численность уменьшилась незначительно и составила 24 239 переселенческих хозяйств (около 110 тысяч человек).

В плановом порядке, организованно в Казахстан прибыли 13 262 и самотеком – 10 997 семей. Из 13 262 переселенческих семей с Украины прибыло 6478 семей, из Белоруссии – 203, Воронежской области – 1142, Курской – 1415, Рязанской – 574 семьи. Прибыло из автономных республик: Татарской – 917 семей, Чувашской – 876, Мордовской – 591 семья и из других регионов СССР – 1068 семей. На 1 апреля 1941 года в Казахстане проживало 180 015 трудпоселенцев, сосланных сюда в кулацкую ссылку [35, с. 387].

В результате активных миграционных процессов в 1938-1940 годах население Казахстана возросло на 5,4 %. В четырех северных областях республики из восьми этот средний прирост был превышен: по СКО – 5,5 %, Акмолинской – 6,5 %, Кустанайской – 7,3 %, Павлодарской – 9,3% [13, с. 81].

Общая численность населения республики к 1940 году составляла 6148 тысяч человек, из них свыше 120 тысяч трудпоселенцев, прибывших из разных регионов СССР [226, с. 3, 21]. Наряду с этим, в Казахстане насчитывалось 136 947 спецпереселенцев, из них на севере - 8870 человек, в республике имелся 101 спецпоселок [80, с. 71].

Насильственные переселения, происходившие в довоенное время, зачастую носили частичный характер, затрагивая в целом часть народов в лице представителей различных социальных групп и

сословий, к примеру, кулаков, национальную интеллигенцию, буржуазию, преступников. Этот контингент людей являлся своеобразным «подопытным материалом» для «успешной» реализации в дальнейшем различных экспериментов над целыми этносами. Вместе с тем в конце 30-х годов тотальной депортации подверглись советские корейцы, на которых тоталитарное государство «репетировало», апробировало «инновационные» технологии массового переселения народов. Для польского, немецкого и ряда кавказских этносов предвоенные годы стали своеобразной прелюдией к более поздним широкомасштабным переселениям.

С началом войны начался второй этап переселений, но уже не отдельных хозяйств, социальных групп или части этносов, а целенаправленное, массовое, хорошо спланированное переселение целых народов, сопровождавшееся применением силы. К этому времени был накоплен солидный «опыт» по переселению менее многочисленных этносов. В Казахстан и северные его области было осуществлено тотальное переселение немцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, кабардинцев, крымских татар и ряда других народов.

На начало войны по данным НКВД КССР на учете состоял 175 831 переселенец (45 620 семей), расселенных в 10 областях республики, в том числе: в Павлодарской – 225 человек (66 семей), СКО – 35 141 человек (7770 семей), Акмолинской области – 23 405 человек (6831 семья) [80, с. 71]. По другим данным - свыше 180 тысяч трудпоселенцев [229, с. 15]. В первые месяцы войны в республику прибыли еще около 15 тысяч ссыльных и высланных [87, с. 185, 186].

С началом войны в Северный Казахстан стало прибывать эвакуированное население. Эти процессы, наряду с размещением в регионе депортированных этносов, также стали причиной увеличения численности населения региона. В течение военных лет наблюдалось «волнообразное» изменение численности населения Казахстана. Наибольший рост численности населения республики был отмечен в 1941 году (7 330 897 человек). Так, численность населения Кустанайской области к 1941 году возросла по сравнению с предыдущим годом почти на 30 тысяч человек и составила 423 199 человек [224, л. 1].

К июлю 1942 года численность переселенцев в республике составила 164 084 человека (45 653 семьи) [35, с. 71]. В Кустанайской области насчитывалось 1217 переселенческих хозяйств. Наибольшее

количество было отмечено в Федоровском, Мендыгаринском, Урицком, Кустанайском, Пешковском районах [139, л. 437].

На 1 июля 1944 года численность депортантов в республике по данным НКВД КССР возросла и достигла 801 903 человек. Расселены они были во всех областях, за исключением Западно-Казахстанской области. В составе спецпереселенцев значительную долю составляли трудпоселенцы, контингент «бывшие кулаки» – в Кокчетавской – 32 197 человек (9195 семей), Павлодарской – 147 человек (55 семей), СКО – 2580 человек (824 семьи) [80, с. 72].

Одновременно с 1942 года наметилась тенденция снижения численности жителей республики и северных ее областей, связанная с мобилизацией людей на войну, в трудовую армию, высоким уровнем смертности, возвращением эвакуантов в регионы, освобожденные от временной вражеской оккупации.

23 января 1943 года СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановления «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов» и постановление от 21 августа 1943 года «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов», согласно которым начался процесс реэвакуации населения.

Казахстан и северные его области взяли шефство над пострадавшими от врага регионами, оказывая материальную помощь, посылая скот, оборудование, сельскохозяйственную технику, продукты, одежду. Из республики выезжали рабочие, квалифицированные специалисты, вызвавшиеся участвовать в восстановлении экономики западных регионов страны. По сути, в эти годы происходила своеобразная «утечка мозгов» и рабочих рук из Казахстана. Подавляющее большинство выбывших людей составляли горожане.

С 1 июня 1942 года по 1 июня 1943 года в Украину, Северный Кавказ и Сталинград выехали 4983 специалиста сельского хозяйства. За период с 1943 по 1944 годы в освобожденные районы было направлено 2839 трактористов, 597 бригадиров, 95 механиков, 115 агрономов, 69 директоров МТС, 64 бухгалтера. В конце войны и в первые послевоенные годы на Украину уехало еще 400 специалистов сельского хозяйства [13, с. 90]. Среди них были и представители северных областей республики.

26 октября 1943 года ГКО принял постановление «О

первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна». Казахстанцы откликнулись на призыв приехать и принять участие в его реконструкции. Восстанавливать «Всесоюзную кочегарку» приехали квалифицированные специалисты из 33 областей страны, в числе которых были и североказахстанцы. Жители республики принимали самое активное участие в восстановлении Сталинграда, куда выехало в 1943 году 1367 человек, Киева – 850 казахстанцев. Число рабочих на отдельных машиностроительных предприятиях в 1944 году уменьшилось по сравнению с 1943 годом в два раза [13, с. 90]. Так, в результате реэвакуации из Кустанайской области в течение трех лет (1943-1946 годы) выехали практически все эвакуанты.

В течение 1943 года численность населения республики продолжала снижаться и составила 6 145 500 человек [229, л. 280], среди которых более 180 тысяч кулаков-переселенцев, 15 тысяч ссыльнопоселенцев, 33 тысячи ссыльных и высланных [87, с. 185, 186].

На различные стройки и промышленные предприятия СССР в последние годы войны было направлено более 200 тысяч человек, среди которых были выходцы и из Северного Казахстана. Североказахстанцы трудились на угольных шахтах Кузбасса, Донбасса, треста «Магнитогорскстрой», «Прокопьевскуголь», заводах Кизила, Красноводска, Свердловска, Челябинска, Перми, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Иркутской областей и других регионов.

О значительном отрицательном сальдо миграции свидетельствуют следующие факты. Так, в республику из России прибыло в 1945 году 29 358, выбыло в РСФСР – 31 653 человека, из Украины прибыло – 3883, убыло – 23 528, из Белоруссии прибыло 912, выбыло – 3465, из Молдавии прибыло – 252, убыло – 2430, из Литвы – 97, убыло – 485, из Латвии – 135, убыло – 1142, Эстонии – 64 и 399 соответственно [80, с. 51].

Если в обмене между жителями села республика имела прирост населения, то ситуация с городскими жителями была иной. Несмотря на то, что численность горожан в Казахстане и северных его областях ежегодно росла, в целом, в результате миграционного обмена, значительное количество горожан выезжало за пределы республики. Сальдо миграции между городами Казахстана и союзных республик было отрицательным. Между городами Павлодарской, Северо-

Казахстанской, Кустанайской, Кокчетавской, Акмолинской областей с городами России оно составляло соответственно: 10 903, 614, 203, 353, 262, 299; с городами Украины – 18 237, 340, 433, 428, 336, 403; Белоруссии – 2411, 33, 67, 88, 47, 19; Молдавии – 2021, 34, 44, 49, 21, 87; Литвы – 359, 11, 7, 3, 6, 8; Латвии – 954, 13, 25, 27, 7, 18; Эстонии – 305, 1, 2, 5, 12, 8 [80, с. 52]. Наибольший отток населения из Северного Казахстана происходил на Украину, Белоруссию, страны Балтии.

В результате активных миграционных процессов продолжалось снижение численности населения республики: в 1943 году – 6 145 500 человек, в 1944 году – 6 133 900, в 1945 году – 6 127 600, к концу 1945 года – 5 814 500 [230, л. 44, 99].

Процессы, происходившие в отдельных областях Казахстана, имели свои специфические особенности. В Кустанайской области был отмечен небольшой рост населения: в 1944 году – 369 869 человек, в 1945 году – 382 722 человека [224, л. 1]. Положительным явлением, повлиявшим на рост численности населения области, стало снижение смертности в регионе. Вместе с тем, этот рост в значительной степени был обусловлен не увеличением рождаемости или снижения смертности населения, а размещением в области переселенцев в лице депортантов.

Победный 1945 год стал рубежным, результаты которого свидетельствовали о количественном и качественном изменении населения Казахстана. На 1 января 1945 года в республике проживало 5 807 900 человек, в том числе горожан – 2 194 700, сельчан – 3 613 200. К этому времени численность населения, по сравнению с предвоенным временем, уменьшилась почти на полмиллиона человек, в сравнении с 1943 годом - сократилась на 5,3 %. Численность населения, к примеру, Павлодарской области за годы войны сократилась с 251,2 тысяч до 246,5 тысяч человек [104, с. 145].

В административном отношении республика состояла из 16 областей, 203 районов, 33 городов, в том числе городов республиканского подчинения – 1, областного – 18, районного – 14. В Казахстане насчитывалось 107 рабочих поселков, 1 курортный поселок и 2 643 аульных и сельских советов. Территория республики составляла 2 753,8 гектаров. Северный Казахстан к этому времени состоял из Акмолинской, Кокчетавской, Кустанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей и по размерам составлял 22 % территории Казахстана.

На севере республики, по данным 1945 года, проживали 1 741 500 человек (30 %). Наибольшее количество жителей было сосредоточено в Акмолинской, наименьшее – в Павлодарской области.

Плотность населения в масштабах Казахстана была низкой и составляла 2,11 человека на 1 кв. км. Средняя плотность населения в Северном Казахстане составляла 3,8 человека на кв. км. Наиболее плотно заселенными были Северо-Казахстанская, Кокчетавская области. По показателю наибольшей плотности населения в Казахстане (8,45 человек на 1 кв. км), несмотря при этом на небольшую по размерам территорию (41,7 тыс. кв. км), на первой позиции находилась Северо-Казахстанская область. При лидирующем положении в Северном Казахстане по размерам территории (197,0 тыс. кв. км), Кустанайская область, по сравнению с другими северными областями была наименее населенной, плотность населения здесь была самой низкой в регионе (1,94 человека на 1 кв. км).

Городское население Северного Казахстана по численности заметно уступало другим регионам республики. Средний показатель городского населения по Северному Казахстану составлял 24,5 %. Городское население численно преобладало в Акмолинской, сельское – в Кустанайской области. При этом по численности сельского населения Кустанайская область лидировала не только в Северном Казахстане, но и по всей республике. Наименьшее число горожан было зафиксировано в Павлодарской области. По численности населения в северном регионе Кустанайская область находилась на втором месте после Акмолинской.

Значительную часть населения северного региона составляли депортанты – 385 861 человек (22 %). Об этом свидетельствует то, что почти каждый третий житель являлся депортантом.

География расселения депортированных этносов в Северном Казахстане выглядела следующим образом: Акмолинская область – 105 780 человек (9281 семья), Кустанайская – 73 483 (19 838), Кокчетавская – 102 511 (27 936), Павлодарская – 60 841 (16 722), СКО – 43 246 (11 720).

По данным НКВД КССР, в республике на 1 января 1945 года на учете спецпоселения состояло 815 319 человек (232 593 семьи) [80, с. 72]. По другим данным – 866 300 человек [120, с. 128]. При этом на севере Казахстана было сосредоточено 385 861 человек (47%).

Основную часть спецпереселенцев составляли дети – 394 048 до 16 лет, женщины - 259 050, мужчины - 162 221 [80, с. 74].

В течение третьего, послевоенного периода, наряду с выездом людей, продолжался приток в республику депортированных этносов. Так, в 1946 году из Северного Кавказа, Грузии, Крыма в Казахстан было переселено 5955 семей, 23 362 человека [231, с. 97].

В Казахстан люди прибывали на строительство промышленных объектов. Население республики росло и за счет демобилизованных солдат. Всего к началу 1946 года в Казахстан прибыло 104 тысячи, а к концу года еще 188 169 человек. Только в Кустанайскую область к родному очагу вернулось около 35 тысяч человек. Население Кустанайской области к 1946 году увеличилось до 405 610, в 1947 – до 427 437 человек. Возвращение солдат из рядов Красной Армии вместе с естественным ростом дало прирост городского населения на 23,6 %, в то время как численность сельского населения возросла на 14,4% при общем росте численности всего населения за период после окончания войны на 13,8% [224, л. 1].

Качественные изменения в составе населения Северного Казахстана на протяжении 40-х годов можно проследить по следующим количественным показателям его областей. Так, за 1939-1947 годы число жителей Кустанайской области увеличилось на 55 427 человек (13 %), или на 1,4 % ежегодно. Численность городского населения за почти десятилетний период увеличилась на 34 468 (23,6 %) (4,3 % ежегодно), сельчан – на 21 059 человек (14,4 %) (0,7 % в год) [224, л. 1]. Рост городского населения опережал рост сельского на 32,8 %, или в 6 раз. Рост и снижение численности населения области в течение этих лет составляли +/- 20-30 тысяч человек.

Вместе с тем, в течение ряда послевоенных лет Северный Казахстан вследствие реэмиграции имел отрицательное сальдо миграции. Так, в 1949 году при численности населения в Акмолинской области 443 587, естественном приросте 10 403, выбыло за ее пределы 22 143, а прибыло всего 15 781 человек [80, с. 53].

Активные миграционные процессы, приток переселенцев в Казахстан и отдельные его регионы в 30-х - 50-х годах XX века непосредственно отразились на общем увеличении населения республики, что заметно по данным переписи 1959 года. Численность населения Казахстана с 6 093 507 человек в 1939 году увеличилась до 9 309 847 человек в 1959, из них горожане составляли 4 067 224

(44%), сельчане – 5 242 623 (56 %) человек [232, с. 17]. По сравнению с 1939 годом количество жителей республики к 1959 году увеличилось на 3214 тысяч человек.

В результате событий, происшедших между переписями населения 1939 и 1959 годов, численность населения увеличилась на 45,3 %. С 1940 по 1950 годы все население Казахстана возросло на 7,7 %, а за период с 1926 по 1939 годы - на 2,6 %. В значительной степени это объяснялось механическим приростом – прибытием спецпереселенцев и частично эвакуированных. Городское население увеличилось на 35,7 % (в 1,4 раза), а сельское сократилось на 4,9 %.

К началу 1954 года численность сельского населения еще не достигла уровня довоенного 1940 года. Увеличение численности населения начинается именно в этом году. В 1954 году по сравнению с предшествующим 1953 годом сельское население увеличилось на 5 %, в 1955 году по сравнению с 1954 годом – на 9,1 %. Это было время наивысшего притока новоселов [35, с. 393].

В течение шестнадцатилетнего периода (1940-1956 годы) численность населения Казахстана возросла почти на два миллиона человек (с 6 миллионов 148 тысяч до 8 миллионов 174 тысяч). Наибольший рост был отмечен у городского населения (с 1833 тысяч в 1940 году до 3345 тысяч в 1956 году). Соответственно, изменилось соотношение городского населения к сельскому. Если к 1940 году горожане составляли всего 30 % от всей численности жителей республики, то к 1956 году их стало уже 40,9 %.

Динамика роста населения в 1939-1954 годы была следующей: прирост населения составил 3,2 миллиона человек, в 1959 году численность населения превзошла довоенный уровень более чем в 1,5 раза [35, с. 393]. Благодаря тому, что в Казахстане не происходило военных действий, численность населения к 1950 году была восстановлена [234, с. 139]. Так, население Павлодарской области возросло до 302,6 тысяч человек. В последующие годы оно неуклонно росло: в 1954 году - 336,6 тысяч, в 1959 – 455,0 тысяч [235, с. 143-148].

По состоянию на 1 января 1950 года на спецпоселении, в ссылке и высылке в Казахстане находилось 988 373 человека [35, с. 120]. Значительный удельный вес спецпереселенцев в северном регионе республики подтверждают примеры. Так, к 1952 году в Кустанайской области насчитывалось 14 населенных пунктов, население которых было представлено преимущественно немцами.

На 1 июня 1952 года на спецучёте в Казахстане состояло 974 469 человек, из них в Северном Казахстане – 410 425 человек, или почти 50 % [35, с. 218], в Акмолинской области насчитывалось 117 183 человека, Кокчетавской – 98 128, Кустанайской – 81 091, Павлодарской – 66 680, Северо-Казахстанской – 47 343 [80, с. 153]. К 1 декабря 1952 года общая численность спецпереселенцев в Кустанайской области достигла 80 034 человека. Численность спецпереселенцев в Кокчетавской области была высока. В одном только Чкаловском районе насчитывалось 11 292 немца, поляков, ингушей. В 14 селах этого района они преобладали. В Келлеровском районе находилось 22 105 спецпереселенцев, из них поляков - 9154 человека. Спецпереселенцы составляли 78% от численности населения района и проживали в 33 населенных пунктах.

В Акмолинской области было размещено 115 413 переселенцев, из них 71 517 свыше и 43 896 человек до 16-летнего возраста. Они были расселены в Акмоле и 13 районах области [236, л. 57, 58]. В это же время в Кокчетавской области было зафиксировано 99 660 переселенцев, из них 23 597 мужчин, 37 479 женщин, 38 585 детей. 92,7% этого населения было размещено в селах, 4109 – в Кокшетау, 3175 - в Щучинске [236, л. 49].

К 1 января 1953 года в Казахстане находилось 988 373 спецпоселенца, что составило почти 36 % от общей численности спецпоселенцев СССР [179, с. 68]. К концу года их численность составила 1 013 610 человек, из них 1 000 814 спецпоселенцев, 9646 ссыльно-переселенцев, 2132 ссыльных и других [80, с. 8, 212]. В Северном Казахстане численность спецпереселенцев составляла 215 726 человек, из них: в Кокчетавской – 91 634, СКО – 45 314, Кустанайской области - 78 778 [35, с. 136-136].

Общереспубликанский рост был обусловлен увеличением численности спецпоселенцев в регионах. Следует отметить, что в число спецпереселенцев входили как прибывшие в республику депортанты, так и местные жители, этнически принадлежавшие к переселенцам. Рост численности спецконтингента был обусловлен также тем, что местное население создавали семьи со спецпереселенцами. На учет ставились также дети спецпереселенцев.

Несмотря на общую тенденцию роста численности населения республики, по сравнению с прошлыми годами процент прироста городского, сельского населения был незначительным. К началу 1954 года численность сельского населения еще не достигла довоенного

1940 года. Увеличение численности жителей сельской местности начинается именно с этого периода. В 1954 году по сравнению с 1953 годом сельское население увеличилось на 5 %, в 1955 году по сравнению с 1954 годом на 9,1 %. Следует отметить, что рост численности сельского населения Казахстана был связан с «внешним» демографическим фактором – притоком населения в результате освоения целинных и залежных земель. Значительно увеличилось городское население в результате развития промышленного производства в Казахстане. В 1959 году в сравнении с 1939 его стало больше в 3,2 раза [237, с. 67].

В 50-х годах XX века северные области Казахстана в связи с освоением целинных и залежных земель были объединены в единый Северный экономический район. В списке пяти экономических районов в Северном была сосредоточена большая часть сельского населения Казахстана – 69 %.

К 1939 году Северный экономический район по численности населения находился на втором месте после Южного. В количественном отношении сельское население преобладало над городским. К 1959 году Северный район занял первое место в республике по численности населения, по численности городского населения, уступая лишь Южному. В 1939 году в Северном районе проживало 30,7 % сельских жителей республики, в 1959 году – 36,6 % [237, с. 74].

Все население Северного района за двадцатилетний период возросло почти на 1 миллион человек, из них горожан – почти на полмиллиона человек, сельчан – почти на 600 тысяч человек. Соотношение между сельским и городским населением в регионе было таким: если в 1939 году сельчан было 84 %, то уже к 1959 году их доля значительно уменьшилась и составила 69 %, а численность горожан за указанный период, наоборот, возросла почти в два раза.

В целом, региональный анализ свидетельствует, что в 20-е - 80-е годы наблюдался рост численности городского и сельского населения. При этом темпы роста численности сельских жителей уменьшались из десятилетия в десятилетие. Характерной особенностью является концентрация сельского населения в двух районах – Северном и Южном. Высокая концентрация сельского населения в Северном экономическом районе – в первую очередь результат освоения целинных и залежных земель. Именно в это время здесь наблюдался самый высокий рост численности сельских

жителей, особенно в Кустанайской (62 %) и Павлодарской областях (72 %). Вскоре рост этот прекратился, со второй половины 60-х годов начался выезд населения из целинных районов.

Численность городского населения Северного Казахстана в 30-х - 50-х годах также претерпела значительные изменения. На примере одних городов мы видим рост населения, связанный с размещением в городской местности в начале 40-х годов эвакуированных людей, части депортированного населения, переездом сельских жителей в города, а также прибывших в начале 50-х годов XX века целинников. За двадцатилетний период количество горожан в Кокчетаве, Кустанае, Павлодаре, Целинограде возросло в два-три раза. На примере других городов заметно сокращение населения, обусловленное выбытием людей в другие регионы, мобилизацией в ряды сражавшейся Красной Армии, а также возвращением ранее эвакуированного в города населения.

В отношении возрастной структуры населения Казахстана следует отметить, что по данным 1939 года наиболее многочисленной группой являлась молодежь. Значительным было количество детей в возрасте от 0 до 4 лет, далее следовали подростки от 10 до 14 лет, и молодые люди в возрасте от 20 до 29 лет. Самой малочисленной являлась группа людей преклонных лет в возрасте от 55 до 59 лет. К 1959 году ситуация изменилась. На первом месте также находились дети в возрасте от 0 до 4 лет, далее следовали дети от 5 до 9 лет. В возрастной группе 10-19 лет заметен провал. Причина «недобора» в 1959 году заключалась в резком снижении рождаемости в годы войны. Время рождения молодых людей 15-19 лет приходится на 1940-1944 годы. В 1945-1949 годах должен был быть послевоенный компенсаторный рост, но в 1959 году доля детей в возрасте 10-14 лет составила лишь 7,8 %. Здесь налицо последствия «второй волны» голода 1921-1922, 1931-1932 годов. В 1945-1949 годах должны были родиться дети тех, кто не родился или погиб в начале 20-х и 30-х годов.

На увеличение доли возрастной группы 20-24 года оказали влияние миграционные процессы, прежде всего, приезд молодых людей на целину. В сравнении с 1939 годом увеличилась доля детских (0-14) и старших (60 лет и старше) возрастов. Уменьшилась доля возрастной группы 25-44 года. По данным переписей 1939, 1959 годов наиболее многочисленной группой были молодые люди в возрасте от 20-24 и 25-29 лет, самой малочисленной, как и по данным

1939 года - представители возрастной категории от 55 до 59 лет. И в конце 30-х и к концу 50-х годов эта возрастная категория, а также в целом люди от 50 до 60 лет, являлись наименее многочисленной группой населения [80, с. 84].

Ситуацию в возрастном составе населения Северного Казахстана можно проследить на примере Кустанайской области, хронологический период ограничен 1939-1947 годами. Приведенные данные свидетельствовали о быстром росте численности молодежи при сдерживающем росте взрослого населения. За период с 1939 по 1947 годы численность детей в возрасте до 7 лет выросла на 16,6 %, от 8 до 12 лет – на 49 %, от 13 до 17 лет – на 41,1 %, взрослого населения от 18 и старше – всего на 2,6 %.

В течение 1939-1947 годов численность сельского населения выросла на 6,6 %, в том числе число детей до 7 лет увеличилось на 5,7 %, до 12 лет – на 34,5 %, до 17 лет – на 32,7 %, численность взрослых людей от 18 и старше снизилась на 3,3 %.

Городское население за вышеуказанный период выросло на 63,4 %. Темпы роста горожан в 10 раз превышали темпы роста сельчан. Численность детей в возрасте до 7 лет увеличилась почти в два раза, от 8 до 12 лет – в 2,5 раза, от 13 до 17 лет – на 82 %, от 18 лет и старше – на 37,8 %. Удельный вес численности детей до 7 лет вырос на 13,7 %, от 8-12 лет – на 48,7 %, от 13 до 17 лет – на 11,4 %. Удельный вес численности взрослых горожан снизился на 15,7 %, при этом численность взрослых людей выросла более чем на 12 тысяч человек [224, л. 5].

В половом соотношении к 1939 году мужчины составляли 3 162 тысяч человек (52,0 %), женщины – 2 919 тысяч (48,0 %), в 1959 году количество мужчин возросло до 4415 тысяч (47,5 %), женщин – до 4880 тысяч (52,5%). Численность мужчин и женщин республики увеличилась к концу 50-х годов в два раза, при этом женщин насчитывалось больше.

Половой состав населения Кустанайской области в 1939 году характеризовался практически одинаковым соотношением мужчин и женщин: мужчин насчитывалось 189 521 человек, женщин – 182 389 человек. В городской местности численность представителей обоего пола была почти равной, в сельской – мужчины лидировали незначительно [224, л. 25].

К 1947 году число мужчин-горожан уменьшилось и составило 45,0%, женщин – 50,3 %. В сельской местности количество мужчин с

49,6 % снизилось до 37,6 %. Общее снижение численности мужчин в 40-х годах наблюдалось, как в городской, так и сельской местности, что было связано с их мобилизацией в ряды Красной Армии, а также реэвакуационными процессами.

В отношении уровня рождаемости, смертности и естественного прироста населения Казахстана следует отметить, что в начале 40-х годов в республике наблюдался традиционный тип воспроизводства населения. Так, в 1940 году общий коэффициент рождаемости составлял 40,8 промилле, смертности – 21,4 промилле, естественный прирост – 19,4 промилле. Высокий уровень смертности перекрывал еще более высокий уровень рождаемости.

Для населения Северного Казахстана годы войны были характерны повышенной смертностью от экзогенных заболеваний, особенно в детском и молодом возрастах, и от эндогенных и квазиэндогенных - в пожилом возрасте. В годы войны значительная часть смертей приходилась на болезни органов дыхания, инфекционные болезни, пневмонию, несчастные случаи, отравления, травмы, истощение. Ухудшение состояния питания, неблагоприятный уровень санитарно-гигиенических условий жизни населения, явившиеся результатом размещения большого количества эвакуантов и депортантов, привели в целом к обострению эпидемиологической ситуации в Казахстане.

Значительные изменения в рождаемости и смертности в годы войны привели к крайне неустойчивому режиму воспроизводства населения. Так, если в 1941 году естественный прирост составлял + 11,5, то уже в 1942 году – 11,3 промилле, в основном из-за резкого снижения рождаемости. Но это падение дает эффект уже в следующем, 1943, году – происходит существенное уменьшение общего коэффициента смертности. Естественный прирост составляет – 3,3 промилле. В последующие военные годы эффект снижения рождаемости продолжает сказываться на сокращении общего коэффициента смертности. Естественный прирост составил в 1944 году – 1,7, в 1945 году – 2,8 промилле. Общий коэффициент смертности уменьшился, в 1941 году он был равен 35,3, в 1942 году – 38,1, в 1943 году – 16,4, в 1944 году – 11,5, в 1945 году – 8,3 промилле [77, с. 96].

В послевоенные годы компенсаторный период и мощный миграционный приток населения в республику значительно сгладили демографические последствия войны [77, с. 96]. Низкой оставалась

рождаемость и естественный прирост населения республики. За десятилетие с 1941 по 1950 годы население Казахстана увеличилось незначительно – в 1,1 раза [233, с. 18]. В 40-х годах был отмечен низкий уровень естественного прироста, когда численность умерших превышала в два раза численность родившихся, в 60-х годах XX века он возрос.

За период с 1940 по 1946 годы по числу рождений и смертей на 1000 человек в области лидировали жители сельской местности. Уже к 1945 году и в последующие годы ситуация изменилась, и горожане стали преобладать над сельчанами. В отношении общей рождаемости следует отметить, что, даже спустя семь лет, достичь ее довоенного уровня не удалось. Однако говорить о том, что рождаемость населения повысилась в результате благоприятных послевоенных лет, нет оснований, так как общая картина рождаемости была обусловлена в первую очередь увеличением всего населения области более чем на 50 тысяч человек.

Положительным явлением, повлиявшим на рост численности населения области, стало снижение смертности. Отрицательный коэффициент прироста был отмечен в 1943 и 1944 годах, когда число смертей преобладало над числом рождений. Пик смертности приходится на 1942 год и на 1943 год - для жителей городской местности, что было связано с трудным военным временем, голодом, массовыми заболеваниями.

Количество зарегистрированных браков за двадцатилетний период увеличилось почти в пять раз, а количество разводов, наоборот, уменьшилось, почти в 1,5 раза. Эти процессы свидетельствовали о положительной тенденции увеличения количества браков, создания семей - первичных ячеек общества.

В годы войны население Казахстана выросло за счет специалистов и рабочих, эвакуированных вместе с заводами и фабриками, а также местного населения, и в результате насильственного переселения целых народов. Динамика роста населения в 1939-1954 годы была следующей: прирост населения составил 3,2 млн. человек, то есть примерно в полтора раза. Численность населения республики в 1959 году составила около 9,3 млн. человек и превзошла довоенный уровень более чем в 1,5 раза [71, с. 39].

Таким образом, депортации этносов и эвакуация населения в годы войны являлись одними из главных факторов увеличения

численности населения всего Казахстана и, прежде всего, его северных областей. В масштабах республики только общая численность депортантов составила 1 200 000 человек [35, с. 380].

Одновременно с этим Казахстан принял около 1,5 миллиона человек, эвакуированных из временно оккупированных западных районов СССР [228, с. 18].

Население Казахстана в результате этих факторов по общим подсчетам должно было вырасти почти на три миллиона человек. Однако этого не случилось, так как значительная часть местного населения выбыла в связи с мобилизацией в армию, высоким уровнем смертности в результате голода, болезней, тяжелых трудовых, материально-бытовых условий, а также реэвакуацией населения в послевоенные годы. По сути, процессы депортации и эвакуации являлись «миллионными» событиями, так как численность прибывших в республику людей измерялась миллионами человек. В Северном Казахстане было размещено также около 120 тысяч эвакуированных [80, с. 126]. Все это непосредственным образом сказалось на общем увеличении численности населения Казахстана – за двадцатилетний период (1939-1959 годы) оно выросло на 2 миллиона 900 тысяч человек [35, с. 256]. Однако этот рост в большей степени был обусловлен прибытием в республику целинников и плановых переселенцев в первой половине 50-х годов XX века.

В послевоенный период продолжается преобладание механического движения населения над естественным. Из Казахстана выезжают последние волны эвакуированных в республику в годы войны. Одновременно нарастает встречная волна «ссылных» иммигрантов, среди которых немало побывавших в «немецком» плену, «власовцев», «оуновцев», «врагов народа», спецпоселенцев и других жертв сталинских репрессий и военных действий, собственно немцев, немецких и японских военнопленных и других. Не пустели «Карлаг» и «Степлаг», а начавшаяся кампания по так называемому «делу врачей», как и многие «идеологические» и «изобличительные» процессы, постоянно пополняла ряды казахстанской интеллигенции. При этом по-прежнему продолжались оргнаборы рабочих кадров на фабрики и заводы республики [35, с. 392].

Активное развитие производительных сил Северного Казахстана, широкая разработка природных богатств региона в советский период потребовали дополнительного притока трудовых ресурсов из других районов страны, главным образом из РСФСР и

Украины. Этот приток был значительным в годы войны, но особенно усилился в 1950-е годы, в период освоения целинных земель и начала крупномасштабного промышленного строительства. Значительные миграционные процессы вызвали кардинальные этнодемографические изменения в составе населения Северного Казахстана.

В результате, по данным переписи 1959 г., в Северном Казахстане проживали представители более тридцати национальностей. При этом удельный вес казахов уменьшился более чем в два раза. Особенно это было характерно для городского населения. Одновременно значительно возросла абсолютная численность русских. При значительном увеличении абсолютной численности, несколько сократилась доля украинцев. К 1959 г. в северном регионе стало жить около 31 % всех русских, 52 % всех украинцев, 60,5 % белорусов, 76 % поляков Казахстана. Из всего казахского населения республики в Северном Казахстане стали проживать около 18% казахов. Казахское население, в большинстве проживающее в сельской местности, имевшее ранее в отдельных районах региона компактное большинство, становилось вследствие миграции других этносов компактным меньшинством, а в некоторых случаях превращалось даже в дисперсные группы в русскоязычной среде. В городах данный процесс получил еще большее развитие. Наибольшим удельным весом русского населения, как в городах, так и в сельской местности, выделялась Северо-Казахстанская область. Доля казахского населения в сельской местности была выше всего в Павлодарской и Кустанайской областях, а в городах - в Павлодарской и Целиноградской областях. Украинцев больше всего проживало в Кустанайской области. Другие национальности нигде не образовали значительных ареалов их преобладания.

Таким образом, миграции и переселения в годы войны в Казахстан сопровождались сильными откатными движениями, особенно после начала освобождения европейской части СССР от фашистской оккупации. Первыми начинаются возвратные маятниковые миграции эвакуированных из Казахстана. Позднее, после XX съезда КПСС и разрешения депортированным народам вернуться на историческую родину, многие из них, в частности, народы Северного Кавказа, покинут территорию Северного Казахстана.

3.2 Трансформация полиэтнической картины Северного Казахстана

Изменение этнодемографической картины республики и северных ее областей было также обусловлено внутренними и внешними, транзитными миграционными процессами, межрайонными, межобластными переселениями, носившими постоянный и временный, сезонный характер. Численность населения в северном регионе в течение исследуемого периода периодически подвергалась изменению. Одни этносы, прибывшие в северные области, оставались здесь на постоянное место жительства, другие переселялись в более благоприятные в климатическом и хозяйственном отношении места.

В целом, депортанты и эвакуанты находились в постоянном броуновском движении, перемещаясь в масштабах республики, всего СССР. Вместе с тем и депортированное, и эвакуированное население являлось относительно стационарным контингентом. Постоянный характер пребывания депортантов в местах расселения закреплялся официальным статусом спецпереселенцев. В приговорах указывалось, что переселение осуществлялось «навечно без права возврата к прежним местам проживания». Эта категория населения не имела возможности выехать, а позднее уже не желала покинуть обжитую и ставшую для них второй родиной казахстанскую землю. Эвакуанты, в своем большинстве были также приписаны к своим предприятиям, объектам.

Перед Великой Отечественной войной Казахстан занимал пятое место по численности населения среди других республик СССР после РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана. В результате больших человеческих потерь во время войны, голода и болезней численность населения сократилась. Война нанесла огромный ущерб и населению тыла – высокой была детская смертность, организм человека быстро изнашивался от больших физических нагрузок, недоедания. Однако, благодаря тому, что на территории республики не происходило военных действий и не было тех огромных потерь населения, которые имели место во время фашистской оккупации в РСФСР, Белоруссии, Украине, численность населения была восстановлена к 1950 году.

Этнический состав населения Северного Казахстана был достаточно разнообразным уже в довоенный период. В регионе к

этому времени проживали казахи, русские, украинцы, белорусы, татары, немцы, поляки, чувашаи, мордва и другие народы. К концу 30-х годов вследствие насильственных переселений возросла численность немцев, поляков, в северных областях Казахстана появились азербайджанцы, грузины, иранцы, корейский этнос.

В результате депортационных процессов в 40-х годах XX века на севере республики оказались чеченцы, ингуши, балкарцы, кабардинцы, греки, крымские татары, калмыки, увеличилась численность немцев, поляков.

Значительное влияние на качественный рост населения республики оказала война. Она стала социальной катастрофой, привнесшей деструктивный характер в развитие народонаселения Северного Казахстана. Данный период характеризовался нарушениями в естественном течении демографических процессов. Война оказала отрицательное воздействие на процесс естественного воспроизводства населения - упала рождаемость, повысилась смертность, снизился естественный прирост населения, нарушились семейные отношения. Качество функционирования демографической системы оставалось крайне низким. Возросла роль женщины в семье, совмещавшей профессиональную деятельность с выполнением материнских и семейных обязанностей. Груз ответственности, трудной ноши был взвален на женские плечи, но они показали себя надежными, верными спутницами жизни, боевыми подругами. Произошло увеличение числа инвалидов и пенсионеров. Рост численности данных социальных категорий негативно отразился на демографическом развитии северного региона, республики в целом. Оно выразилось, прежде всего, в том, что в общее число брачных пар вошли семьи инвалидов войны, отличавшиеся пониженной детностью и бездетностью.

В годы войны 1 миллион 200 тысяч казахстанцев были призваны на фронт. Выбытие такой огромной массы трудоспособного населения «взорвало» баланс трудовых ресурсов. Как считает академик М.К. Козыбаев, депортации народов и эвакуация населения из прифронтовой полосы имели пагубное влияние на массовую мобилизацию населения республики, ибо режим видел в них дармовой источник рабочей силы [29, с. 174]. По сути, за счет прибывшего в Казахстан извне населения, пытались максимально «освободить» внутренние ресурсы, призвать в ряды сражающейся армии как можно больше казахстанских солдат.

Депортации этносов и эвакуация населения способствовали дальнейшему развитию севера Казахстана в качестве полиэтнического, мультикультурного региона. Вместе с тем, усиливалась линия по преобладанию в северных областях республики славянских этносов. Соответственно, это способствовало уменьшению доли коренного казахского народа в общей полиэтнической картине Северного Казахстана. Так, по данным 1938 года, в Кустанайской области на долю казахов приходилось 40 % населения, оставшаяся часть была представлена преимущественно русскими, украинцами, белорусами, немцами, поляками, корейцами, татарами и другими народностями [238, с. 71].

Наряду с «традиционными» этносами, в лице коренного населения – казахов, русскими, украинцами и белорусами, проживавшими и преобладавшими в Северном Казахстане, значительной была численность чувашского народа. Так, в 1940 году на территории Урицкого, Мендыгаринского, Затобольского и Карабалыкского районов Кустанайской области было размещено 552 переселенческих чувашских хозяйства. Позднее их численность в данных районах возросла до 1500 хозяйств. В это же время в республику из 6 тысяч хозяйств из Украины, Курской, Воронежской, Мордовской, Тамбовской, Пензенской областей планировалось переселить в Акмолинскую, Кустанайскую, Павлодарскую, Северо-Казахстанскую области 4400 хозяйств [239, л. 25].

Ряд депортированных народов впоследствии стал преобладать в Северном Казахстане. К примеру, в Кокчетавской области в 1945 году из 11 районов в селах 4 районов в основном проживали депортированные поляки, немцы, ингуши. По составу этнической мозаики Северный Казахстан «уступал» лишь Южному региону. В частности, по количеству курдов, армян и тюрков Северо-Казахстанская область в 1938 году являлась лидером, а по общему количеству семей корейцев, иранцев, курдов, армян и тюрков область находилась на втором месте в Казахстане после Кзыл-Ординской области [240, л. 2].

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 года, в масштабах Казахстана удельный вес немцев стал составлять 1,5 %, корейцев – 1,6 %, татар – 1,7%, белорусов – 0,5 % [179, с. 37]. О быстром росте численности корейцев в Казахстане свидетельствуют данные переписей населения: если в 1926 году в республике проживало 42 корейца, из них 4 - в Акмолинской губернии, то в 1939

году их численность возросла до 96 453 человек, при этом в Северном Казахстане – 13 223 корейца [35, с. 94, 116].

Качественные изменения в составе населения Северного Казахстана можно проследить на примере следующих данных. Так, за период с 1937 по 1939 годы наибольший прирост населения в Казахстане был отмечен у русских – 531 тысяча (28 %), казахов – 132 тысячи (6,1 %), украинцев – 106,8 тысяч (19,4 %), немцев – 118 тысяч (14 %), татар – 148 тысяч (16 %), узбеки уменьшились на 6,7 тысяч человек. В 1939 году удельный вес немцев в республике составил 1,5%, корейцев – 1,6 %, татар – 1,7 %, белорусов – 0,5 % [35, с. 37].

На севере Казахстана к 1939 году была сосредоточена четвертая часть населения республики. Этнический состав был таким: казахи – 19 %; русские – 26 %; украинцы – 51 %; немцы – 58 %, другие национальности – 18 %. Немцы доминировали в СКО (22 969), Акмолинской (10 104) областях. По сути, немцы и украинцы были наиболее многочисленными народами в северном регионе. Их насчитывалось 49 420 человек. Значительной была численность корейцев – 13 223 человека (14%), расселенных в Северо-Казахстанской, Кустанайской, Павлодарской, Акмолинской областях. Наряду с этими народами, в переписи 1939 года отмечены азербайджанцы, численность которых в Северном Казахстане составляла 1100 человек (8% от всей численности азербайджанцев Казахстана) [35, с. 588, 589].

Национальный состав населения северных областей Казахстана в 1939 году можно проследить на примере Кустанайской области. Основное население области было представлено русскими, казахами, украинцами, белорусами, татарами, корейцами и другими национальностями.

В отношении особенностей проживания депортированных этносов в Северном Казахстане следует отметить, что основная часть немцев, поляков, народов Северного Кавказа была сосредоточена в сельской местности; татар, корейцев – в городской. Значительная часть эвакуированного населения была размещена в городах.

К 1940 году национальный состав населения Кустанайской области претерпел небольшие изменения и стал характеризоваться так: казахи – 39,1 %, русские – 31 %, украинцы – 18,2 %, другие – 11,7 % [238, с. 71].

В число эвакуантов входило не только славянское население, но и народы, проживавшие в Польше, странах Прибалтики. Контингент

эвакуированных был представлен русскими – 51 758 (32,0 %), украинцами – 26 635 (16,5 %), белорусами – 3 994 (2,5 %), евреями – 75 024 (46,5 %), поляками – 908 (0,6 %), немцами – 423 (0,3 %), латышами – 339 (0,2 %), эстонцами – 247 (0,2), литовцами – 118 (0,1 %), армянами – 10, французами – 3, казахами – 2, осетинами, испанцами, узбеками, мордвой, татарами – по 1, другими национальностями – 1857 человек [13, с. 93].

Если рост эвакуированного населения в Северном Казахстане происходил в течение двух лет (1941-1942 годы), а позднее в результате реэвакуационных процессов снизился, то численность депортированных этносов продолжала увеличиваться на протяжении всех 40-х годов, к началу 50-х годов достигнув своего пика.

К 1 января 1945 года в Казахстане насчитывалось 815 319 спецпереселенцев. 20 288 кабардино-балкарцев было сосредоточено в шести областях республики, из них в Акмолинской – 3256 человек, Павлодарской областях – 2035 человек. 243 722 немца были расселены почти во всех областях республики, за исключением Западно-Казахстанской области, из них в Северном Казахстане – 154 846 человек (64 %). В Акмолинской области – 35 644 немца, Кустанайской – 32 260, Кокчетавской – 41 900, Павлодарской – 24 939, СКО – 20 103. Из 8064 человек спецпоселенцев Молдавии и стран Прибалтики в Акмолинской области проживало 1213 человек, 353 семьи [80, с. 67].

Наиболее многочисленной депортированной группой, проживавшей в Казахстане к середине 40-х годов, являлись чеченцы и ингуши. В количестве 360 405 человек (88 513 семей), они присутствовали почти во всех регионах республики за исключением Западно-Казахстанской области. В Акмолинской области – 43 964 человека (10 003 семьи), Кустанайской – 41 223 (9706), Кокчетавской – 28414 (6519), Павлодарской – 33 720 (8055), Северо-Казахстанской области – 20 563 (4772) [35, с. 74]. На начало 1946 года в республике насчитывалось 107 272 семьи, 412 191 человека, прибывших из Северного Кавказа, Грузинской и Крымской АССР. В течение года прибыло 5955 семей, 23 362 человека, родилось 4641, убыло 7135 семей, 33 102 человека, умерло – 7271 человек.

Об активности миграционных процессов, настроений населения в Северном Казахстане в середине 40-х годов свидетельствуют следующие данные. Они же демонстрируют отрицательное сальдо миграции в регионе. Так, в Акмолинскую область в 1946 году

прибыли 114 семей (1735 чел.), выехали – 158 семей (1671 чел.). В Кустанайскую - въехали 366 семей (2234 чел.), выехали – 457 семей (1719 чел.). В Павлодарскую - прибыли 23 семьи (394 чел.), выехали – 810 семей (4177 чел.), в Северо-Казахстанскую – приехали 369 семей (1279 чел.), выехали – 154 семьи (1258 чел.), в Кокчетавскую – прибыли 243 семьи (1167 чел.), выбыли – 282 семьи (2128 чел.). Причинами такого дисбаланса стали: возвращение людей из армии и госпиталей, воссоединение и разделение семей, переезд людей в поисках лучшей доли, реэвакуационные процессы [80, с. 78].

К следующему году в Казахстане стали проживать 82 650 семей (317 375 чел.) чеченцев и ингушей, 4924 семьи балкарцев (17 269 чел.), 9450 семей карачаевцев (34 387 чел.), 752 семьи калмыков (1937 чел.), 6835 семей из Грузинской АССР (27 256 чел.), 1481 семья из Крымской АССР (4227 чел.). В Акмолинской области были расселены 10 062 спецпереселенческих семьи, Кокчетавской – 6434 семьи, Кустанайской – 9481 семья, Павлодарской – 7083 семьи, СКО – 5081 семья [231, с. 97].

После окончания войны в феврале 1946 года началось возвращение поляков в Польшу. Вопросами приема заявлений на выезд из СССР занималась Смешанная Советско-Польская комиссия по эвакуации, ее представительства. Реэвакуацию планировалось завершить к середине года, но процесс затянулся до 1951 года. Не только поляки, но и представители других наций пытались выехать из Северного Казахстана. Часть поляков осталась, создала семьи с представителями других национальностей, прикипела душой к казахстанской земле. Многим отказывали в просьбе выезда в Польшу из-за отсутствия документов, гражданства Польши и СССР и др. [137, л. 73].

Всего в Казахстан в 30-х - 40-х годах было депортировано около 800 тысяч немцев, 18,5 тысяч корейских семей, 102 тысячи поляков, 507 тысяч чеченцев, ингушей, карачаевцев и других народов. Из западных республик и областей СССР было эвакуировано почти 300 тысяч евреев [80, с. 185, 186].

Влияние процессов депортации и эвакуации, прибытия людей на освоение целинных и залежных земель, на изменение количественных и качественных показателей состава населения Северного Казахстана, республики в целом можно проследить, сравнив данные Всесоюзной переписи населения 1939 и 1959 годов. Численность казахского населения увеличилась к 1959 году в

сравнении с 1939 годом на 19,7 %, русского – на 50,7 %, то есть темпы прироста русского населения были в 2,6 раза выше, чем казахского. Существенно возросла численность и многих других народов, проживавших в республике, увеличился и их удельный вес в составе населения Казахстана. Доля казахов в 1959 году понизилась до 30 %. Уменьшается и доля украинского населения, но в этой связи не следует забывать об ассимиляционных процессах, коснувшихся в первую очередь украинцев и белорусов, все большее их число считают себя в Казахстане русскими.

О том, что Казахстан в рассматриваемый период пополнялся в основном мигрантами, свидетельствуют следующие данные. Население республики за 20 лет увеличилось на 2900 тысяч человек. Доля русских в этом приросте составила 46,1 %, немцев – 19,8, украинцев – 2,9, «прочих» национальностей – 15,4 %. Доля казахов составила лишь 15,8 %. В региональном разрезе наиболее характерен в этом отношении Северный экономический район, благодаря, в первую очередь, освоению целинных и залежных земель.

Русских в Северном Казахстане стало больше на 81,0 %, казахов – на 26,5 %. Существенно увеличилось и число украинцев – на 30,3%. Но особенно ярко тенденция роста за счет миграции видна на примере белорусского народа – белорусов стало больше в 8,1 раза. В результате этих преобразований численность населения в регионе увеличилась на 70,7 % [35, с. 396, 397].

Следует отметить, что Северный Казахстан в масштабах всей республики в межпереписной период (1939-1959 годы) занимал первое место по численности населения. Наибольший процент прироста населения приходился именно на северный регион Казахстана.

Наиболее низкие темпы роста были у казахского населения республики. Доля их в составе населения региона понизилась в 1959 году до 20,4 %, в то время как доля русских увеличилась до 45,2 %. Значительное место в демографической структуре Северного Казахстана стали занимать немцы, украинцы, белорусы и поляки. За 20 лет регион пополнился 1144 тыс. жителей. Доля казахов в этом приросте составила 10,3 %, русских – 48,8 %, что еще раз свидетельствует об интенсивном миграционном движении в Северный экономический район [35, с. 397].

За двадцатилетний период произошло увеличение всех этносов в Казахстане, за исключением корейцев и других менее

многочисленных народов. Численность казахов возросла к 1959 году почти на полмиллиона человек, русских до 3972 тысяч, украинцев – до 761 тысячи, татар – на 85 тысяч, узбеков – на 33 тысячи, белорусов – на 76 тысяч, уйгуров – на 24,4 тысячи, немцев – до 660 тысяч, других национальностей – до 1115 тысяч человек. Численность корейцев уменьшилась почти на 22 тысячи человек [179, с. 39, 40].

Численность казахов в Северном Казахстане в межпереписной период возросла почти в полтора раза, русских стало вдвое больше, увеличилось число украинцев, белорусов. Количество немцев возросло почти в 9 раз, прочих народностей – незначительно. В целом, численность населения региона увеличилась в два раза.

Немцы преобладали в Кустанайской (78 709), Кокчетавской (67 981) областях, азербайджанцы на севере республики были зафиксированы лишь в Кустанайской (504) и Северо-Казахстанской (162) - 666 человек (1,8 %) [25, с. 588, 589]. Местами компактного проживания корейского населения в Кустанайской области в 40-е - 50-е годы XX века являлись Кустанайский, Затобольский, Федоровский, Мендыгаринский, Орджоникидзеvский, Жетыгаринский, Семиозерный, Убаганский, Урицкий, Тургайский районы, а также г.Кустанай.

Из 974 900 спецпоселенцев, расселенных в Казахстане, по состоянию на 1 января 1953 года насчитывалось 448 626 немцев, 244 674 чеченца, 80 444 ингуша, 37 114 греков, 35 960 поляков, 32 619 человек из Грузии, 6560 - из Крыма, 8011 «оуновцев», 1327 «власовцев» [178, с. 100].

В целом, начиная с конца 40-х – второй половины 50-х годов XX века и в последующие десятилетия в республике наметилась тенденция постепенного уменьшения численности некоренных этносов при возрастающей численности казахского этноса.

По данным переписи населения 1959 года, в Северном Казахстане проживали представители более тридцати национальностей [80, с. 131]. Значительная их часть прибыла в северный регион в результате депортации, добровольных и плановых переселений. Какенова А. считает, что удельный вес казахов уменьшился более чем в два раза, особенно это заметно на примере городских жителей. Однако данные переписи населения 1959 года свидетельствуют о том, что удельный вес казахов сократился не в два, а почти в 1,5 раза. Одновременно возросла численность русских, белорусов. Наряду с общим ростом численности украинцев их

удельный вес в составе населения Северного Казахстана к 1959 году заметно сократился.

Таким образом, в северных областях республики к концу 50-х годов стало проживать около 31 % всех русских, 52 % украинцев, 60,5 % белорусов, 76 % поляков. В регионе было сосредоточено около 18% казахского населения [80, с. 131]. Казахское население, в большинстве проживавшее в сельской местности и являвшееся ранее в отдельных районах северного региона компактным большинством, оказалось в результате миграционных процессов других этносов компактным меньшинством, в некоторых случаях превращаясь в дисперсные группы в русскоязычной среде. Этот процесс получил наибольшее развитие в городской местности.

Наибольший удельный вес русского населения, как в городской, так и сельской местности, был отмечен в Северо-Казахстанской области. Доля казахского населения была значительной в Павлодарской и Кустанайской областях – в сельской местности, в городах – в Павлодарской и Целиноградской областях. Больше число украинцев было сосредоточено в Кустанайской области. Как отмечает Какенова А., другие национальности нигде не образовали значительных ареалов их преобладания [80, с. 131]. Однако обнаруженные и введенные нами в научный оборот архивные материалы позволяют сделать вывод о том, что в Северном Казахстане также компактно проживали корейцы, поляки, немцы, иранцы, численность которых даже в сравнении с другими областями республики была значительной, в отношении ряда этносов - преобладающей.

Следствием разнообразия народов и народностей, их взаимодействия между собой становились межнациональные браки. В этот период особую актуальность приобретают интернациональные семьи. При этом браки заключались не только между полноправными людьми, как одной, так и другой национальности, но и между спецпереселенцами, которые, несмотря ни на какие запреты, создавали семьи, воспитывали детей.

Браки также являлись перекрестными, когда свободный гражданин женился, либо выходил замуж за спецпереселенца, и, наоборот. Зачастую эти семейные союзы свидетельствовали о возможности спецпереселенцев, вступивших в брак со свободными, как правило, с местными жителями, обустроиться, выжить в сложных условиях. Обычно в этой роли выступали женщины-спецпереселенки.

К примеру, в Кустанайской области частыми были случаи выхода замуж за местных мужчин полячек. Эвакуанты также вступали в брак с местным населением. Часть из них, создав на гостеприимной казахстанской земле семьи, осталась в республике на постоянное место жительства. Местные жители, представители казахского этноса, также вступали в брак с переселенцами. Так, в Урицком районе Кустанайской области немцы, поляки, чеченцы, ингуши создавали интернациональные семьи. Женщины-спецпереселенки, выйдя замуж за местных жителей, брали фамилию мужа. В Орджоникидзевском районе Кустанайской области немка вышла замуж за ингуша, их ребенок был записан на фамилию матери. Отец был переселен из с. Шалки Пригородного района Чечено-Ингушской АССР [100, л. 13].

Межнациональные браки как одно из следствий миграционных процессов в Северном Казахстане в 40-х - 50-х годах XX века являлись наглядным примером духовного единства, единых жизненных приоритетов, ценностей, взглядов, чувств людей различной политической, этнической, социальной, культурной принадлежности. Созданные в эти годы семьи отличались устойчивостью и прочностью.

В отношении состава и типа семей спецпереселенцев следует отметить, что они были разными. У народов Северного Кавказа они, как правило, состояли из восьми и более членов семьи. В процессе их размещения многие родственники оказывались разлученными. Несмотря на дальние расстояния, они поддерживали между собой связи, помогали друг другу. Семьи немцев, корейцев, поляков были менее многочисленными и, в основном, состояли из 5-8 членов семьи. Архивные данные свидетельствуют о том, что многие корейские женщины имели по 8-9 детей, за что государство выплачивало многодетным матерям пособие по рождению ребенка.

Особенности социально-экономического развития Северного Казахстана в рассматриваемый период привели также и к изменениям в социальном составе населения. Увеличилась численность рабочего класса и интеллигенции северных областей республики. Обусловленное потребностями военного времени ускоренное развитие тяжелой и обрабатывающей промышленности увеличило численность рабочих в этих отраслях индустрии. Приток эвакуантов способствовал пополнению рабочего класса высококвалифицированными специалистами.

Такие социально-экономические факторы как темпы экономического развития, уровень урбанизации, культуры, степень вовлечения женщин и детей в общественное производство оказали значительное влияние на демографические процессы. Мобилизация населения на фронт и в промышленность привела к сокращению числа колхозников. Одним из последствий войны явилось увеличение числа инвалидов и пенсионеров, что непосредственно сказалось на демографических показателях социального состава населения. Рост численности данных социальных категорий негативно отразился на дальнейшем демографическом развитии северного региона, республики. Оно выразилось, прежде всего, в том, что в общее число брачных пар вошли семьи инвалидов войны, отличавшиеся пониженной детностью и бездетностью.

В то же время экономическое развитие республики испытывало влияние со стороны демографических процессов, которое выражалось в участии трудоспособного населения, составляющего трудовые ресурсы, в общественном производстве. Мобилизация мужчин на фронт привела к снижению доли трудоспособного населения в составе населения и вызвала необходимость изыскания трудового потенциала. Мобилизация трудовых ресурсов поставила задачу планового учета и распределения рабочей силы, вовлечения в трудовой процесс незанятого в общественном производстве трудоспособного населения. Вследствие активного привлечения женщин и подростков на производство увеличился их удельный вес в отраслях народного хозяйства.

Казахстан, обладая богатейшими природными ресурсами и большой территорией, накануне войны имел сравнительно небольшие трудовые ресурсы. В военные годы произошло увеличение трудовых кадров за счет эвакуантов и депортантов. Северный Казахстан, в результате активных миграционных потоков, стал второй родиной для многих этносов. Северные области стали местом компактного проживания польского, корейского, немецкого, чеченского, ингушского, балкарского, иранского и ряда других народов. Наиболее многочисленными этносами, размещенными в Северном Казахстане с 1937 по 1956 годы, являлись поляки, корейцы, немцы, иранцы, чеченцы и ингуши. Поляки численно преобладали в Северо-Казахстанской, Павлодарской, немцы – в Кустанайской, Акмолинской областях. Корейцы, чеченцы, ингуши доминировали в Кустанайской, Северо-Казахстанской, Кокчетавской, иранцы - в

Павлодарской области. Численность других народов в северном регионе была незначительной.

В 1937-1956 годы основными факторами, оказавшими значительное влияние на трансформацию этнической картины Северного Казахстана, стали депортации народов, эвакуация населения, и, как следствие, активные миграционные процессы, происходившие как в регионе, так и в масштабах всей республики.

После XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности и сталинские беззакония против своего народа, начинается массовая эмиграция из Казахстана многих депортированных еще в годы войны северо-кавказских народов, которые возвращаются на свою историческую родину. Особенно массовой была эмиграция чеченцев и ингушей. Однако немалая часть ссыльнопоселенцев и депортантов осталась на постоянное место жительства в нашей республике.

Таким образом, можно заключить, что в дополнение к уже ставшим традицией миграционным потокам из европейской части России в Казахстан в послесталинское время добавилось новое направление – из Казахстана на Северный Кавказ, которое не получило дальнейшего развития как по причине малочисленности депортантов, так и в силу того, что источник миграций – политические кампании режима Сталина – прекратил свое существование [35, с. 395]. Наряду с северокавказскими этносами, во второй половине 40-х годов XX века возможность вернуться на свою историческую родину получили поляки. Следует также отметить, что не менее многочисленные депортированные в Северный Казахстан в годы войны народы - корейцы, немцы, будучи восстановленными в своих правах частично, так и не получив своей автономии, были вынуждены остаться в республике. Многие переселенцы на казахстанской земле обжились, адаптировались, создали семьи, и уже, по сути, не хотели переезжать в другие регионы.

В целом, если в дореволюционное время основной контингент иммигрантов составляло безземельное русско-славянское крестьянство, отправлявшееся на юго-восток в Казахстан в поисках «лучшей доли», то есть земли, то в советское время ведомое КПСС государство канализировало миграционные потоки в Казахстан представителей «враждебных» классов и этнических меньшинств – «пятой колонны», чье проживание в местах традиционного расселения, якобы, представляло угрозу интересам Советского Союза. Немаловажную роль в массовых переселениях играли

партийно-хозяйственные кампании по рекрутированию «добровольных» мигрантов для участия в великих стройках социализма – коллективизации, индустриализации, «культурной революции», целинной эпопее и т.д. [35, с. 395].

Подводя итоги, следует отметить, что процессы депортации народов и эвакуация населения стали одними из главных факторов, оказавших значительное влияние на формирование и развитие в дальнейшем полиэтнической картины Северного Казахстана, обусловили его мультикультурную специфику. Возросла общая численность населения Северного Казахстана, увеличилась численность преимущественно славянских народов, проживавших здесь ранее. В регионе появились представители корейского, чеченского, ингушского, балкарского, грузинского, азербайджанского, иранского и других народов. Депортации народов и эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны способствовали взаимообогащению культур народов Северного Казахстана. Межэтнические контакты, межнациональное сотрудничество стали своеобразными кирпичиками, заложенными в фундамент многонациональной республики, приютившей переселенцев, вселившей в них веру и стремление к жизни. Как отметил Н.А. Назарбаев: «Выстраиваемая общеказахстанская культурная реальность не должна быть замкнутой в пределах нашего государства культурной системой. Ее базовая характеристика – принципиальная открытость и направленность на диалог с другими культурными потоками. Если правильно и без эмоциональных ярлыков смотреть в будущее, то диаспоры Казахстана будут не только частями своих «этноматериковых культур», но и, главным образом, станут полномочными представителями культуры Казахстана. Они выступят одним из каналов, механизмов наших взаимосвязей с национально-культурными системами других государств. Ведь на территории Казахстана проживают представители крупнейших народов планеты, представители великих культурных традиций. И в то же время они наши сограждане, и в плане гражданской идентификации, прежде всего – казахстанцы» [148, с. 127, 128].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Будучи разными по своим целям и задачам, характеру, содержанию, депортации этносов и эвакуация населения представляли собой два противоречивых портрета советского государства, его неравнозначного отношения к своему населению. С одной стороны, СССР умело использовал международную обстановку накануне и в годы войны для разрешения «гордиева узла» - национального вопроса. На эшафот отправляли сотни тысяч невинных людей, обращали их в вечных странников. Эти годы стали своеобразным импульсом, инструкцией к действию, насильственному переселению народов по принципу «Нет этноса – нет проблемы». По сути, вторая мировая война стала долгожданным «поводом» для переселения народов, оправдывала массовые жертвы, лишения и страдания миллионов советских людей. С другой стороны, советское государство всеми мерами пыталось спасти от неминуемой гибели миллионы советских граждан, имущество коллективных хозяйств, скот, промышленное оборудование, учреждения науки, образования, культуры, здравоохранения. В совокупности эти мероприятия были направлены на предотвращение, только в первом случае речь шла о «предотвращении» массовых преступлений, а во втором – о предотвращении гибели населения, промышленных и культурных объектов.

Благодаря географическому расположению, социально-экономическому и культурному потенциалу, Северный Казахстан, олицетворяя собой северные врата государства на пути следования переселенцев, с одной стороны, являлся транзитной территорией, на которой прибывавшее в республику население позднее направлялось в другие области Казахстана. С другой, территория Северного Казахстана представляла собой определенную константу, так как значительное количество людей было размещено в крае, либо осталось здесь на постоянное место жительства. Имея стратегический характер, регион в годы войны разместил у себя десятки эвакуированных промышленных предприятий, имущество колхозов, объекты культуры и здравоохранения.

Проводя параллели между депортациями этносов и эвакуацией населения в годы войны, можно отметить ряд особенностей. Прежде всего, временный характер этих взаимообусловленных и взаимодополняющих с количественной и качественной точки зрения

процессов. Депортации были явлением более длительным по сравнению с эвакуацией. Будучи насильственными, принудительными мероприятиями, они способствовали продолжительному, стабильному росту численности населения республики и северных ее областей. Эвакуация, являясь мерой вынужденной, носила кратковременный, нестабильный характер. Однако, мультипликативный эффект в численном росте населения Северного Казахстана был не меньшим. В течение только 1941-1943 годов в Казахстан прибыло свыше миллиона человек. Однако этот эффект носил кратковременный характер, так как после окончания войны почти все эвакуанное население покинуло республику.

По сути, размещение в Северном Казахстане депортантов и эвакуантов компенсировало уменьшение численности населения республики в результате боевых потерь казахстанцев в годы войны, высокой смертности. Компенсаторный характер в большей степени был свойственен депортации этносов. В результате депортационных процессов возросла численность сельского населения Северного Казахстана, так как значительная часть депортантов была расселена в сельской местности. Эвакуация способствовала росту численности городских жителей северного региона.

Процесс обустройства депортантов и эвакуантов был связан с их неравнозначным правовым положением. Несмотря на то, что депортированные народы изначально считались преступниками, а эвакуанное население – вынужденными переселенцами, отношение к ним со стороны местных властей, местных жителей было почти одинаковым, проблемы, с которыми сталкивались и те, и другие, были идентичными: нехватка, отсутствие жилья, продовольствия, одежды, обуви. Различие могло наблюдаться лишь в вопросах трудоустройства: эвакуированные были более или менее обеспечены работой, имели возможность работать по своей специальности, так как прибывали вместе со своими предприятиями, спецпереселенцы же в основном трудились разнорабочими на селе. Не мирясь со своим бесправным, приниженным положением, депортанты и эвакуанты боролись за свои права.

Сходства депортации и эвакуации проявляются в том, что эти процессы были нацелены на долгосрочное, активное и эффективное освоение природных богатств, полезных ископаемых Казахстана и северного его региона. Труд спецпереселенцев активно использовался на промышленных предприятиях Казахстана, в том

числе и на эвакуированных в северные области республики объектах. Север Казахстана, являясь стратегическим тыловым регионом страны в годы войны, разместил на своей территории около 50 объектов промышленности, науки, образования, культуры, здравоохранения. Эвакопредприятия стали импульсом к созданию и развитию собственно казахстанских промышленных, сельскохозяйственных, культурных объектов в северном регионе, Казахстане в целом. Переориентировавшись с производства военной техники, новоиспеченные заводы и фабрики стали производить гражданскую продукцию, сельскохозяйственную технику, машины, оборудование.

В результате воздействия депортации народов, эвакуации населения и миграционных процессов значительной трансформации подвергся этнический состав севера республики. Миграционные процессы в 1937-1956 годах способствовали дальнейшему развитию Северного Казахстана в качестве многонационального региона, увеличению численности народов, проживавших здесь ранее, и появлению новых этносов. Северный Казахстан, отличаясь меньшей численностью населения, имел разнообразную палитру этносов.

Северные области Казахстана стали местом компактного проживания польского, корейского, немецкого, чеченского, ингушского, балкарского, иранского и ряда других народов. Наиболее многочисленными депортантами в Северном Казахстане в период с 1937 по 1956 годы являлись поляки, корейцы, немцы, иранцы, чеченцы и ингуши.

Депортации и эвакуация населения способствовали дальнейшему развитию Северного Казахстана в качестве агропромышленного региона. Труд депортантов и эвакуантов использовался на различных предприятиях местного, республиканского, союзного значения. Каждый депортированный в Северный Казахстан этнос стал, по сути, специализироваться в своем виде хозяйства. Так, корейцы создали в Северном Казахстане первые овощеводческие колхозы, немцы, поляки – занимались земледелием, народы Северного Кавказа – скотоводством. Увеличилась численность рабочего класса, инженерно-технических работников, интеллигенции. Интенсивная урбанизация привела к сокращению сельчан.

Благодаря созидательной деятельности депортированного и эвакуированного населения, в Северном Казахстане появились новые города, стали осваиваться природные ископаемые, заработали

десятки заводов, фабрик. Эвакуация научных, учебных заведений способствовала развитию высшего и среднего специального образования в Северном Казахстане, становлению и развитию профессиональных национальных кадров. В результате перемещения культурных учреждений, творческих коллективов жители республики получили возможность ознакомиться с шедеврами искусства, а творческая интеллигенция — повысить свое мастерство. В то же время казахстанская тематика получила отражение в работах деятелей культуры и искусства, находившихся в республике в эвакуации.

Северный Казахстан стал местом пересечения культур и цивилизаций, территорией конструктивного диалога разноликих народов. Задача сегодняшнего поколения казахстанцев – сберечь и приумножить накопленный веками опыт мирного сосуществования, добрососедских отношений между представителями различных наций и народностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Верт А. Россия в войне 1941-1945 гг. / пер. с англ. - М., 1967. - 250 с.
- 2 Абишев Г.А. Казахстан в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. - Алма-Ата, 1958. - 258 с.; Абишев Г.А. Казахстан в защите социалистического Отечества. - Алма-Ата: Казахстан, 1969. - 357 с.
- 3 Басин В.Я. Тяжелая промышленность Казахстана в годы Великой Отечественной войны. (Исторический очерк). - Алма-Ата: Наука, 1965. - 164 с.
- 4 Городецкая В.С. Размещение эвакуированных предприятий легкой промышленности в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Вестник АН КазССР. - 1975. - №4. - С. 3-7.
- 5 Абуталипов Ж. Экономика Советского Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Народное хозяйство Казахстана. - 1985. - №5. - С. 34-40.
- 6 Ашимбаев Т. Экономика Казахстана за 70 лет. - Алма-Ата: Наука, 1987. - 160 с.
- 7 Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941-1942 годах. - М., 1966. - 236 с.; Очерки экономической истории Казахской ССР (1860-1970 гг.). - Алма-Ата: Казахстан, 1974. - 360 с.; Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. - Алма-Ата: АН КазССР, 1963. - Т. 3. - 300 с.; Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941-1942 гг. - Л., 1985. - 245 с.
- 8 Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917-1940 гг.) - Алма-Ата: Наука, 1966.- 280 с.; Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946-1965 гг.) - Алма-Ата: Наука, 1976. - 290.; Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н. История крестьянства советского Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1985. - Т. 1. - 203 с.; Оразов К.Ю. Рабочий класс Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1974.- С. 114-115.
- 9 Сапарбаев К. Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за создание машиностроительной промышленности в республике в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1974. - 255 с.; Жакупбеков С.К. История легкой индустрии Казахстана (1917-1980 гг.). - Алма-Ата, 1984. - 260 с.; Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов. - Алма-Ата, 1967. - 290 с.

10 Нурбекова Г.Д. Женщины Казахстана - фронту. (Трудовые подвиги женщин в промышленности Казахстана в годы Великой Отечественной войны). 1941 г. - 1945 г. - Алма-Ата: Казахстан, 1968. -158 с.

11 Балакаев Т. Казахстан – арсенал фронта // Вестник АН КазССР. - 1970. - №5. - С. 22-28; Балакаев Т. Трудовые подвиги рабочих, колхозников и интеллигенции Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Известия АН КазССР, Серия общественных наук. - 1965. - №2. - С. 30-34; Балакаева Л.Т. Помощь колхозников Казахстана рабочему классу в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): сб. ст. - Алма-Ата: АН КазССР, 1989. - Вып. 1. - С. 57-67.

12 Белан П.С. Героический труд работников сельского хозяйства Северного Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 годы) // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. - Алма-Ата, 1961. - Т. 10. - С.168-172.

13 Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР (национальный аспект). - Алма-Ата: Наука, 1987. - 190 с.

14 Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. – Алма-Ата: Казахстан, 1970. - 476 с.; Козыбаев М.К. Рабочий класс Казахстана – фронту // Казахстан в Великой Отечественной войне / под ред. С.Н. Покровского. Очерки. Вып. 1. - Алма-Ата: Наука, 1968. – 263 с.

15 Козыбаев М.К., Едыгенов Н.Е. Труд во имя Победы. - Алматы, 1995. - 176 с.

16 Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. - М., 1985. - 150 с.

17 Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941-1942 годы // Новая и новейшая история. - 2006. - №6. - С. 56-60.

18 Рысбеков Т.З. Советы Казахстана (1938-1986 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1988. - 151 с.

19 Шокаманов Ю. Вклад Казахстана в экономическую победу в годы Великой Отечественной войны // Статистическое обозрение Казахстана. - 2005. - №2. - С. 73-76.

20 Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941-1942 гг.) // Новый исторический вестник, 2006. - №1 (14). - С. 25-29.

21 Едыгенов Н.Е., Сулейменов Р.Б. Культура и наука Казахстана в военные годы // Казахстан в Великой Отечественной войне / под ред. С.Н. Покровского. Очерки. Вып. 1. - Алма-Ата: Наука, 1968. - 268 с.

22 Баширова Л.Ш. Культурно-просветительская работа в Казахстане в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Алма-Ата, 1977. – 26 с.; Бисенбаев А.К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист.

наук. - Алма-Ата, 1984. – 24 с.; Жумашев Р.М. Развитие социалистической культуры в Казахстане в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1990. – 25 с.; Жакупова М.А. Эвакогоспитали Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1985. - 158 с.

23 Некрич А. Наказанные народы. - Нью-Йорк, 1978. - 350 с.; Он же. Наказанные народы // Нева. - 1993. - №№9, 10. – С. 123-133, 145-156.

24 Земсков В.Н. Заключение, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. – 1991. - №5. - С. 32-36; Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944-1951 гг. // История СССР. - 1990. - №4. - С. 85-89; Земсков В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных // Социс. - 1991. - №1. - С. 10-13; Земсков В.Н. Судьбы кулацкой ссылки // Отечественная история. - 1994. - №1. - С. 25-26.

25 Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. – 1990. - №7. - С. 33; Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР: история и современность // Конфедерация репрессированных народов РФ 1990-1992. – М., 1993. – С. 250-255.

26 Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. - 321 с.; Полян П. Операция «Чечевица»: депортация вайнахов в марте 1944 года // Звезда. - 2007. - №3. - С. 167-174.

27 Козыбаев М.К. История и современность. - Алма-Ата: Ғылым, 1991. - 203 с.; Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Книга вторая. - Алматы, 2000. - 184 с.; Козыбаев М.К., Алдажуманов К.С. Тоталитарный социализм: реальность и последствия – Алматы: Фонд «XXI век», 1997. - 186 с.

28 Козыбаев М.К. Немцы Советского Казахстана: факты и действительность // История Казахстана: белые пятна. - Алма-Ата, 1991. – С. 237-241.

29 Козыбаев М.К. Отечественная история XX века: мифы и реальность // Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). – Алматы: Ғылым, 2006. – 272 с.

30 Алдажуманов К.С. Расселение депортированных немцев в Казахстане в 1941-1945 гг. // История немцев Центральной Азии. - Алматы, 2000. – С. 245-250; Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К. Депортация народов – преступление тоталитарного режима. - Алматы: Фонд «XXI век», 1997. - 243 с. Алдажуманов К. Күштеп көшіру: жымьсықы саясат, басқыншылық әрекет // Қазақ тарихы. -1997. - №4. - С. 33.

31 Хасанаев М. «Для расселения выделить районы Казахстана...» // Депортация народов и проблема прав человека: материалы семинара. 12 июня 1997 г. – Алматы, 1997. - С. 28-34.

- 32 Кульбаев Т., Хегай А. Депортация. - Алматы, 2001. - 267 с.
- 33 Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. - Алматы: Университет Туран, 1997. - 360 с.
- 34 Қойгельдиев М., Омарбеков Т. Тарих тағылымы не дейді? - Алматы: Ана тілі, 1993. - 208 б.; Омарбеков Т. Зобалан. - Алматы, 1994. - 189 б.
- 35 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана. Народы и культуры. - Алматы, 2000. - 610 с.
- 36 Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. - Алма-Ата, 1965. - 204 с.; Ким И. Советский корейский театр. - Алма-Ата, 1982. - 150 с.; Мен Д., Квон Л., Ким З., Пан А. Советские корейцы Казахстана. Энциклопедический справочник. - Алматы, 1992. - 250 с.
- 37 Кан Г.В. Корейцы Казахстана. - Алматы: Казахстан, 1994. - 180 с.; Кан Г.В. История корейцев Казахстана. - Алматы: Ғылым, 1995. - 260 с.; Кан Г.В. Корейцы в Казахстане: депортация и обретение новой родины // Нива. - 1997. - №4. - С. 4, 5; Кан Г. В. Корейцы в Степном крае. - Алматы: ВШП «Әділет», 2001. - 136 с.
- 38 Ким Г.Н. Корейцы в братской семье народов Казахстана. - Алма-Ата, 1988. - 230 с.; Ким Г.Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана (1946-1966). - Алма-Ата, 1990. - 260 с.; Ким Г.Н., Мен Д.В. История и культура корейцев Казахстана. - Алматы: МГП «Принт», 1995. - 346 с.
- 39 Черныш П.М., Хан В.Н. Корейцы Костанайской области. - Костанай, 2000. - 347 с.
- 40 Эрлих К. Живое наследие. - Алма-Ата, 1988. - 380 с.
- 41 Будгарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг.: депортация и жизнь в условиях спецпоселения. - Усть-Каменогорск, 1997. - 251 с.
- 42 Лайгер М.П. Социально-культурное развитие немцев Казахстана: научно-аналитический обзор. - Алма-Ата: Наука, 1990. - 360 с.; Лайгер М.П. Судьба немцев СССР на переломных этапах истории // Человек и его время. - М., 1991. - С.130-139.
- 43 Пассат В.И. Эвакуация немецких колонистов с территории Бессарабии и Северной Буковины в 1940 году // Отечественная история. - 1997. - №2. - С. 88.
- 44 Ауман В.А. Депортация российских немцев в восточные районы СССР // Немецкий российский этнос. Вехи истории. Материалы научной конференции. 24-25 июня 1994 г. - М., 1994. - С. 350-355.
- 45 Луи де Ионг. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. - М., 1958. - 358 с.

- 46 Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. - 1988. - №11. - С. 193-203; Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. - 1990. - №8. - С. 32 – 38; №9. - С. 28 – 38.
- 47 Штрек В.К. Немцы. - Алматы: Білім, 1999. - 102 с.
- 48 Бельгер Г. Манкуртизация: истоки и последствия // Простор. - 1991. - №1. - С. 152-155; Бельгер Г. Родство. – Алма-Ата: «Казахстан», 1991. – 256 с.; Бельгер Г. Зловещий лик тирании // Наука Казахстана. - 1996. - №3 (63) - С. 4-8.
- 49 Чомаев К.И. Наказанный народ. - Грозный, 1993. - 255 с.
- 50 Жабоев М.Н. Репрессированные народы: история и современность. - Нальчик, 1994. - 230 с.
- 51 Шабаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. - Нальчик: Эльбрус, 1994. - 255 с.
- 52 Ибрагимбейли Х.М. Плоды произвола // Литературная газета. - 1989. - 17 мая.; Ибрагимбейли Х.М. Вернуть Родину. Дать возможность построить дом // Российская газета. - 1991. - 24 июня.
- 53 Шаманов И.М. Наказаны по национальному признаку. - Черкесск, 1999. - 190 с.
- 54 Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30-е - 50-е годы XX века. Депортация, спецпоселение, реабилитация: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Ростов-на-Дону, 2002. - 201 с.
- 55 Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия. (На примере карачаевского и балкарского народов): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пятигорск, 2001. - 30 с.
- 56 Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. - Черкесск, 1997. - 277 с.
- 57 Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М.: «Россия молодая», 1996. - 479 с.
- 58 Жаманкулов С. Поляки в Казахстане в 30-е годы // Карагандинские вести. - 1994. - 12 марта.
- 59 Михайлова Л. Их везли, словно скот, в товарных вагонах // Акмолинская правда. - 1997. - 5 января.
- 60 Машимбаев С.М., Исова Л.Т. Проблема истории польских переселенцев в Казахстане (1936-1946 гг.). - Алматы, 2000. - 460 с.
- 61 Романов Ю. Депортация народов и проблема прав человека. Материалы семинара. - Алматы: Фонд «XXI век», 1998. - 320 с.; Романов Ю.М. История политических репрессий и депортации немцев в Казахстан в исторических исследованиях // История немцев Центральной Азии. - Алматы, 2000. – С. 320-325.
- 62 Баймаханов М. Юридические аспекты депортации народов // Мысль. - 1996. - №3. - С. 74-78; Баймаханов М. Депортация народов и

проблема прав человека. Материалы семинара. - Алматы: Фонд «XXI век», 1998. - 320 с.

63 Хегай А. Был и остаюсь правозащитником // Закон и время. - 1996. - №2. - С. 60-65.

64 Жангуттин Б. Статус и правовое положение спецпереселенцев в Казахстане в 1930-е годы // Отан тарихы. - 2001. - №2. - С. 59-65; Жангуттин Б. О некоторых причинах смертности населения Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Высшая школа Казахстана. - 2003. - №2. - С. 151-157.

65 Гладышева Е.Н. Особенности формирования населения и основные проблемы использования трудовых ресурсов Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1967. - 186 с.; Гладышева Е.Н. О взаимовлиянии миграции и национального состава (на материалах Казахстана) // Статистика миграций населения. - М.: Статистика, 1973. - С. 250-255.

66 Алексеенко А.Н. Сельское население Казахстана в условиях совершенствования социализма (1959-1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Усть-Каменогорск, 1987. - 26 с.; Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). - Усть-Каменогорск: Полиграфия, 1999. - 158 с.; Алексеенко А.Н., Алексеенко Н.В., Козыбаев М.К., Романов Ю.И. Этносы Казахстана. - Астана: Елорда, 2001. - 168 с.

67 Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. - Алма-Ата, 1989. - 128 с.; Татимов М.Б. Летопись в цифрах (на казахском языке). - Алма-Ата, 1969. - 180 с.; Тәтiмoв М. Қазак әлемi. Қазактың саны қанша? - Алматы, 1993. - 152 б.

68 Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.). - Алма-Ата: Ғылым, 1991. - 192 с.; Асылбеков М.Х., Алтаев А.Ш. Историко-демографические исследования в Казахстане: традиции, современное состояние, перспективы // Отечественная история. - 1998. - №1. - С. 56-60.

69 Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в многонациональном Казахстане (1917 по 1991 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. - Алматы, 1994. - 28 с.

70 Сыдыков Е.Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной суперэтнической державы. - Алматы: Ғылым, 1998. - 272 с.

71 Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. - Алматы, 2001. - 265 с.

72 Козина В.В. Сороковые роковые // Мысль. - 2001. - №10. - С. 10-13.

73 Сужиков М., Демаков Г. Влияние подвижности населения на сближение наций. - Алма-Ата: Наука, 1974. - 168 с.; Сужиков М.М.

Дружба народов многонационального Казахстана. - Алма-Ата: Знание, 1983. - 253 с.; Сужиков М.М. Напряженность или гармонизация? (Развитие межнациональных отношений в Казахстане). - Алма-Ата: Казахстан, 1991. - 189 с.

74 Дымов О. Тепло казахстанской земли. - Алматы, 1999. - 205 с.; Дымов О. Мы, народ Казахстана. - Астана, 2004. - 352 с.

75 Назарбаев Н.А. В потоке истории. - Алматы: Атамұра, 1999. - 286 с.; Назарбаев Н.А. Миссия, возложенная на нас временем // Казахстанская правда. - 1993. - 28 июля.; Назарбаев Н.А. Независимость Казахстана: уроки истории и современность // Казахстанская правда. - 1996. - 17 декабря.; Назарбаев Н.А. Перед прошлым – склоним головы, перед будущим – засучим рукава // Казахстанская правда. - 1999. - 11 декабря.

76 Ковальская С.И. Проблемы историографии миграции населения Казахстана (конец XVIII-XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. - Алматы, 1997. - 26 с.

77 Есимова А.Б. Демографические процессы в Казахстане в годы Великой Отечественной войны: политические, социально-экономические и культурные аспекты: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1999. - 170 с.

78 Кыдыралина Ж.У. Спецпереселенцы и трудармейцы в Западном Казахстане (1937-1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Алматы, 2000. - 185 с.

79 Кудайбергенова А.И. Изменения в социальном и национальном составе населения Казахстана (1939-1959 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Алматы, 2000. - 196 с. Құдайбергенова А.И. Қазақстан халқының әлеуметтік және ұлттық құрамындағы өзгерістер (1939-1959 жылдар). – Алматы, 2000. - 179 б.

80 Какенова А.А. Социально-демографические процессы в Северном Казахстане в 1926-1959 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Алматы, 2002. - 186 с.

81 Калыбекова М.Ч. Казахстан как объект переселения депортированных народов (1937-1956 гг.). Исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Алматы, 2005. - 180 с.

82 Нурман Ш.Т. История переселенческой политики Советской власти в Казахстане (1920-1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Алматы, 2004. - 175 с.

83 Абуов Н.А. Депортации народов в Казахстан в 1936-1957 годы (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02. - Караганда, 2008. - 28 с.

84 Ан Р.К. Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937 -2003 гг.). Исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. - Алматы, 2004. - 185 с.

85 Ярочкина Е.В. Корейцы Северного Казахстана. Исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Алматы, 2005. - 174 с.

86 Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945: сборник документов и материалов. В 2 т. - Алма-Ата, 1964. – Т. 1. - 269 с.

87 Из истории поляков Казахстана (1936-1956 гг.): сборник документов. - Алматы: ТОО «Издательский дом»: Казахстан, 2000. - 344 с.

88 Из истории немцев Казахстана. 1921-1975 гг.: сборник документов. - Алматы-Москва: Готика, 1997. - 376 с.; История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) / Ауман В., Чеботарева В. – М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993. - 447 с.

89 История Казахстана: исследования и документы. Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг. – Алматы: Казахстан, 1998. - 255 с.

90 История Казахстана: белые пятна / Абылхожин Ж.Б. - Алма-Ата: Казахстан, 1991. - 348 с.

91 Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. - Алматы: Арыс - Казахстан, 1998. – 428 с.

92 Спецпереселенцы в Карагандинской области: сборник документов и материалов / Жумашев Р.М., Михеева Л.В. - Караганда, 2007. - 286 с.

93 Белая книга. Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944-1957 гг. Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы. - Грозный-Алма-Ата, 1991. - 237 с.; Ли У Хе, Ким Ен Ун. Белая книга о депортации корейского населения России в 30-х - 40-х годах. – М.: Интерпракс, 1992. - 320 с.

94 Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. – М., 1981. – 289 с.; Иванов В.В. Методология исторической науки. – М.: Высшая школа, 1985. – 168 с.; История и историки / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1990. – 438 с.; Андреев В.А. О методах научного познания. – М., 1964. – 250 с.; Виноградов В.А. Общественные науки и информация. – М., 1978. – 246 с.; Козыбаев М.К. История и современность. – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 256 с.; Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. – Алматы: Ғылым, 2006. – 272 с.; Назарбаева Г., Әбжанов Х.М. Қазақстан: тарих пен тағдыр. – Алматы: Кітап баспасы, 2003. – 296 б.; Абжанов Х.М., Селиверстов С. Критическое столетие (объективное познание исторического процесса) // Мысль. – 2004. - №2. – с. 6-12; Әбжанов Х.М. Ұлт тарихы: оны зерттеудің өзекті ұстанымдары қандай болуы керек? // Егемен Қазақстан. – 2006. – 31 мамыр.; Абдуллаев Н.А. Вопросы методологии и методики исторического исследования. – Ақтөбе, 2009. – 308 с.; Абиля Е.А. Методологические проблемы применения естественнонаучных методов в историческом

исследовании: история и синергетика: автореф. дис. ... док. ист. наук: 07.00.09. - Караганда, 2007. - 45 с.

95 Полян П. Не по своей воле.... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. - 321 с.

96 Кан Г.В. История корейцев Казахстана. - Алматы: Ғылым, 1995. - 260 с.

97 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 445.

98 Аманова А.С. К вопросу о депортации народов в Павлодарскую область в 1930-1940 годы: численность и состав // Вестник КазНУ. - Серия историческая, 2007. - №3 (46). - С. 113-116.

99 ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 1. Д. 132.

100 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12684.

101 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12635.

102 ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 156.

103 ГАКО. Ф. 268. Оп. 2. Д. 27.

104 Забвению не подлежит / Афанасьева Е.К. – Павлодар: ЭКО, 1997. - 286 с.

105 Каткова Г. Как лица греческой национальности // Наша газета. - 2007. - №51 (299).

106 Архив Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной Прокуратуры РК по Костанайской области. Ф.3. Оп. 1. Д. 1.

107 ККМ. Отд. 6. НВФ. 12636.

108 Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья: сборник материалов научной конференции – Павлодар, 2000. - 450 с.

109 ГАПО. Ф. 1137. Оп. 5. Д. 1290.

110 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12677.

111 ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 402.

112 ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 6. Д. 157.

113 ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 403.

114 Зумакулов Б.М. Из новейшей истории балкарского народа. (1944-2003 гг.). – Нальчик, 2004. - 230 с.

115 Бочкала А. Джанкойское районное управление образованием // <http://www.djankoi.ru>. revised. copyright 2000.

116 ГАКО. Ф. 779. Оп. 1. Д. 166.

117 Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории, 1990. - №7. - С. 32-36.

118 Арапханова Л. Спецпереселенцы: история массовых репрессий и депортация ингушей в XX веке // <http://www.ingushetia.ru>.

119 ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 288.

120 Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-х - 40-х годах // История СССР. – 1989. - №6. - С. 139-145.

- 121 ГАКО. Ф. 268. Оп. 2. Д. 64.
- 122 Ташева А.Л. Депортация народов Северного Кавказа в Казахстан (1943-1954 гг.) // Вестник КазНУ. Серия историческая. - 2006. - №1. - С. 90-95.
- 123 Кушкетеров Р. Насилие. - Черкесск, 1993. - 280 с.
- 124 ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 12. Д. 41.
- 125 Бугай Н.Ф. Депортация этнических общностей: проблемы реабилитации в России и Казахстане // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX - начало XXI века). – М., 2006. - С. 199-205.
- 126 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12675.
- 127 ГАКО. Ф. 268, Оп. 1. Д. 225.
- 128 ГАСКО. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 125.
- 129 ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 132.
- 130 ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 51.
- 131 Куреньков И. Из плена лет и лживых наветов // Нива. - 1997. - №4. - С. 15-19.
- 132 Билль Л. Выброшенные на ветер // Казахстанская правда. - 1992. - 31 января.
- 133 ГААО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 39.
- 134 ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 36.
- 135 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1102.
- 136 ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 207.
- 137 ГАГК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 243.
- 138 ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 445.
- 139 ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 448.
- 140 ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 123.
- 141 ГАСКО. Ф. 2143. Оп. 39. Д. 14.
- 142 Подвиг павлодарцев в памяти народной. - Павлодар: ТОО «Дом печати», 2004. - 496 с.
- 143 Политические репрессии 30-х - 40-х и начала 50-х годов в истории Павлодарской области. - Павлодар: ЭКО, 2000. – 260 с.
- 144 ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 176.
- 145 ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 412.
- 146 Абиль Е. А. История государства и права Республики Казахстан. – Караганда: ТОО «Учебная книга», 2005. – 256 с.
- 147 АП РК. Ф. 708. Оп. 13. Д. 203.
- 148 Назарбаев Н.А. В потоке истории. - Алматы: Атамұра, 1999. - 286 с.
- 149 АП РК. Ф. 1987. Оп. 26. Д. 301.
- 150 ГАКО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 8.
- 151 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1243.
- 152 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12679.

- 153 ГАКО. Ф. 72. Оп. 6. Д. 19.
154 ГАКО. Ф. 268. Оп. 2. Д. 66.
155 ГАГК. Ф. 730. Оп. 1. Д. 63.
156 ГАГК. Ф. 730. Оп. 1. Д. 94.
157 ГАКО. Ф. 60. Оп. 5. Д. 21.
158 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1469.
159 Белая книга. Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944-1957 гг. Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы. - Грозный-Алма-Ата, 1991. - 237 с.
160 ГАГК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 17.
161 ГАГК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 223.
162 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12684.
163 ГАГК. Ф. 730. Оп. 1. Д. 95.
164 ГАКО. Ф. 268. Оп. 2. Д. 71.
165 ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 9. Д. 22.
166 <http://karaganda.pmicro.kz.htm>.
167 ГАКО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 60.
168 ГАКО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 5.
169 ГАКО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 151.
170 ГАСКО. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 24.
171 Костанайская область: страницы истории. 1936-2006 гг.: сборник документов. - Костанай, 2006. - 258 с.
172 ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72.
173 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1125.
174 Памятка по выявлению документов для сборника «Из истории народов, депортированных в Казахскую ССР (1936-1960 гг.). - Алматы, 1999. - 150 с.
175 Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х-1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. - Ч. 2. - Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. - С. 19-30.
176 ГАПО. Ф. 766. Оп. 1. Д. 4.
177 ГАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158.
178 ГАСКО. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 7.
179 История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. – Алматы, 1998. – 230 с.
180 Бельгер Г. Зловещий лик тирании // Феникс, 1995. - №9. - С. 312-316.
181 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12680.
182 ГАКО. Ф. 302-П. Оп. 1. Д. 119.
183 Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941-1942 гг. // Новая и новейшая история, 2006. - №6. - С. 149-152.

- 184 ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 9. Д. 141.
- 185 ГАКО. Ф. 779. Оп. 1. Д. 223.
- 186 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 227.
- 187 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 984.
- 188 Макишева А.Т. Павлодар өңірінің көп ұлтты құрамының қалыптасуы: Қоныс аудару, депортация, эвакуация // Павлодардың Ертіс өңірінің тарихы. – Павлодар, 2003. – 252-256 бб.
- 189 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 202.
- 190 ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 8. Д. 92; Черныш П.М. Очерки истории Кустанайской области. – Кустанай, 1995. – 276 с.
- 191 Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. – Алма-Ата: Казахстан, 1970. - 476 с.
- 192 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 117.
- 193 ГАГК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 209.
- 194 ГАГК. Ф. 13. Оп. 3. Д. 54.
- 195 ГАГК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 178.
- 196 Жангуттин Б. О некоторых причинах смертности населения Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Высшая школа Казахстана. - 2003. - №2. - С. 151-157.
- 197 ГАГК. Ф. 730. Оп. 1. Д. 27.
- 198 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 977.
- 199 Каймолдин С. Советы Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1969. – 241 с.
- 200 Сообщение Президента Академии наук СССР В.Л. Комарова об использовании ресурсов Казахстана на нужды обороны // Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского союза: сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1964. - Т. 1. – 350 с.
- 201 Иллюстрированная история Казахстана. В 4 т. – Алматы, 2005. - Т. 3. - 302 с.
- 202 Козыбаев М.К. Рабочий класс Казахстана – фронту // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. 1. - Алма-Ата, 1968. - 285 с.
- 203 Кустанай. Вчера. Сегодня. Завтра. - Алма-Ата, 1979. – 250 с.
- 204 Путеводитель по фондам Государственного архива Кустанайской области и его филиалов (часть 1). - Кустанай, 2006. - 253 с.
- 205 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12628.
- 206 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12696.
- 207 Здоровец Н. По закону военного времени // Кустанай. - 2002. - 18 января.
- 208 ККМ. Отд. 7. НВФ. 12633.

- 209 Терновой И.К., Елибаев Т. «Сталинградских соколов» знала вся страна. Поисковая работа успешовских школьников // Печатный двор. - 2007. - №5 (128). - С. 4-5.
- 210 ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 32.
- 211 Северо-Казахстанская область. Страницы летописи родного края. - Алматы, 1993. – 320 с.
- 212 Образов К.Ю. Рабочий класс Казахстана в Великой Отечественной войне. - Алма-Ата, 1975. – 196 с.
- 213 ГАСКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 807.
- 214 ГАСКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 634.
- 215 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1043.
- 216 Жакупова М. Тыловые эвакогоспитали Казахстана и Республик Средней Азии (САВО). - Астана: Елорда, 2005. - 241 с.
- 217 ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 13. Д. 62.
- 218 ГАСКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 810.
- 219 Мельникова Т.С. Социальная динамика населения Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Вестник КазНУ. Серия историческая. - 2004. - №1 (32). - С. 168-172.
- 220 ГАСКО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 307.
- 221 ГАСКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 177.
- 222 Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 - конец 1930-х гг.) // Сибирь. Советская. «Сибирская Заимка» - история Сибири в научных публикациях. – Омск, 1999. – 256 с.
- 223 Переведенцев В.И. Какие мы? Сколько нас? – М.: Мысль, 1989. – 110 с.
- 224 ГАКО. Ф. 234. Оп. 14. Д. 5.
- 225 Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917-июнь 1941 года). – Томск, 1976. – 369 с.
- 226 Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. - 1991. - №10. - С. 3-21.
- 227 ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 448.
- 228 Алексеенко А.Н., Алексеенко Н.В., Козыбаев М.К., Романов Ю.И. Этносы Казахстана. - Астана: Елорда, 2001. - 168 с.
- 229 ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 270.
- 230 ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 244.
- 231 Қожаханова Ә. Ұлы Отан соғысынан кейінгі жылдардағы Қазақстанға жер аударылған халықтарды орналастыру // ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы. - 2004. - №4. - С. 96-102.
- 232 Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. - Алма-Ата «Казахстан», 1980. – 346 с.

233 Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). - Усть-Каменогорск: Полиграфия, 1999. - 158 с.

234 Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.). - Алма-Ата: Ғылым, 1991. - 192 с.

235 Сабданбекова З.Қ. Павлодар облысы халқының 1939-1959 жылдардағы демографиялық дамуы // ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы. - 2007. - №2 (45). – С. 143-148.

236 ГААО. Ф.11. Оп. 1. Д. 40.

237 Алексеенко А.Н. Население Казахстана 1920-1990 гг. - Алма-Ата: Ғылым, 1993. - 125 с.

238 Тюлембаев А., Альпеисов Б. Структурные изменения в населении Костанайской области в годы Великой Отечественной войны // Проблемы гуманитарных наук на современном этапе: материалы регион. науч.-практ. конф., посв. 75-летию со дня рождения академика М.К. Козыбаева. – Костанай, 2007. - С. 70-74.

239 ЦГА РК. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 19.

240 ККМ. Отд. 6. НВФ. 12363.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Динамика численности населения Северного Казахстана 1939-1956 гг.

Таблица А.1 - Численность населения Кустанайской области с 1939-1947 гг.

Годы	Численность населения			Изменение численности в % к предыдущему году		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1939	54 282	317 728	372 010	100,0	100,0	100,0
1940	59 365	339 759	399 124	109,4	106,9	107,3
1941	60 303	362 896	423 199	101,6	106,8	106,0
1942	71 243	348 093	419 336	118,1	95,9	99,0
1943	74 631	321 398	396 029	104,8	92,3	94,4
1944	73 877	295 992	369 869	98,9	92,1	93,4
1945	71 757	310 965	382 722	97,1	105,1	103,5
1946	78 170	327 440	405 610	108,9	105,3	105,9
1947	88 750	338 787	427 437	113,5	103,5	104,4

Примечание. Составлено на основе материалов: ГАКО. Ф. 234. Оп. 14. Д. 5. Л. 1, Л. 20; ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 6. Д. 156. Л. 3; ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 12. Д. 41. Л. 2/

Таблица А.2 - Численность городского населения Северного Казахстана в 1939-1947 гг.

№ п/п	Города	Численность (тысяч человек)			
		1939 г.	1941 г.	1945 г.	1947 г.
1.	Кокчетав	19	-	23,4	-
2.	Кустанай	34 (33 540)	-	40,4	51 181
3.	Джетыгара	15 345	-	-	15 307
4.	Павлодар	29	31,9	38	-
5.	Петропавловск	92	100,4	97,1	-
6.	Целиноград	31- 32 016	48,1	69,4	-

Примечание. Составлено на основе материалов:
Костанайская область: страницы истории. 1936-2006 гг. Сборник документов. - Костанай, 2006. – С. 201; ГАКО. Ф. 268. Оп. 1. Д. 448. Л. 3; Северо-Казахстанская область. Страницы летописи родного края. - Алматы, 1993. – С. 130; ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 6. Д. 156. Л. 3.

Таблица А. 3 - Численность населения Северного Казахстана в 1945 году

Область	Наименование адм. центра	Территория, тыс. кв. км	Плотность населения на кв. км	Численность населения на 1 января 1945 года				
				городского	сельского	всего	% городского населения	% населения КазССР
Казахстан		2 753,8	2,11	2 194 700	3 613 200	5 807 900	37,9	-
Акмолинская	Акмолинск	152,7	2,72	158 800	260 300	419 100	36,3	0,027
Кокчетавская	Кокчетав	77,0	4,07	63 400	250 300	313 700	20,2	0,011
Кустанайская	Кустанай	197,0	1,94	68 300	314 400	382 700	17,8	0,012
Павлодарская	Павлодар	136,5	2,05	47 900	224 100	272 000	17,6	0,008
Северо-Казахстанская	Петропавловск	41,7	8,45	109 300	244 700	354 000	30,8	0,019
<p>Примечание. Составлено на основе материалов: ГАКО. Ф. 779. Оп. 1. Д. 223. Л. 2. ГАСКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1102. Л. 44; ГАГК. Ф. 13. Оп. 3. Д. 54. Л. 77, 85, 88, 238, ГАГК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 176. Л. 143</p>								

Приложение Б

Трансформация полиэтнической картины Северного Казахстана

Таблица Б.1 - Национальный состав населения Северного Казахстана по данным переписи 1939 и 1959 годов

Национальность	1939 год		1959 год	
	численность тыс. чел.	удель- ный вес %	числен- ность тыс. чел.	удельный вес %
Все население	1 619 100	100,0	2 763 500	100,0
Казахи	445 800	27,5	563 900	20,4
Русские	689 600	42,6	1 248 400	45,2
Украинцы	305 200	18,9	397 800	14,4
Белорусы	8 300	0,5	64 600	2,3
Немцы	49 400	3,1	334 400	12,1
Прочие	120 800	7,4	154 900	5,6

Примечание. Составлено на основе материалов:
 Статистический сборник. - Алма-Ата «Казахстан», 1980. - С. 21;
 Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). - Усть-Каменогорск, 1999. - С. 69.

Таблица Б.2 - Этнический состав населения Кустанайской области в 1939 году

Национальность	Всего					
	мужчин	%	женщин	%	обоего пола	%
Русские	61 921	33,1	56 153	31,2	118 074	32,1
Казахи	59 347	31,6	57 899	32,1	117 246	31,9
Украинцы	50 356	26,8	53 680	29,8	104 036	28,3
Немцы	4 739	2,5	5055	2,8	9 794	2,7
Татары	2 516	1,3	2456	1,4	4 972	1,3
Корейцы	2 314	1,2	2 178	1,2	4 492	1,2
Прочие	6 457	3,5	2 781	1,5	9 238	2,5
Всего	187 650	100	180 202	100	367 852	100

Примечание. Составлено на основе материалов: ГАКО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 32. Л. 3; Костанайская область: страницы истории. 1936-2006 гг. Сборник документов. - Костанай, 2006. – С. 145; ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 12. Д. 41. Л. 2, 3.

Депортированные жители села Заречное Костанайской области

Грицай Евдокия Федоровна

Грицай Евдокия Федоровна (в девичестве - Вольф), немка, уроженка Марынтальского района Саратовской области. Родилась 24 февраля 1932 года. В девятилетнем возрасте вместе со своей семьей в количестве 6 человек была выслана в Сибирь. По прибытию в Сибирь их поселили в маленький ветхий домик, отца почти сразу забрали на фронт. Мать трудилась на различных работах, пытаясь прокормить и обеспечить семью. Отец погиб на фронте. В 1965 году мать вместе с подругой переехала в п. Заречный (Конезавод-48), где проживала ее старшая сестра. В возрасте 33 лет, уже на кустанайской земле, она обрела свою настоящую и единственную любовь – Грицай Ивана. В этом браке у них родилось 4 детей. Сейчас у нее 6 внуков, двое из которых вместе с дочерью проживают в Германии. Евдокия Федоровна в течение 12 лет работала на местной базе в качестве доярки, телятницы, затем 8 лет – на Камвольносуконном комбинате. В 1990 году вышла на заслуженный отдых. Награждена орденами «Ветеран труда», «Ударник труда», орденом Ленина. Имеет множество поощрений, благодарностей.

Вольф Виктор Федорович

Вольф Виктор Федорович, немец, уроженец Марынтальского района Саратовской области, родился 2 ноября 1936 года. В 1941 году их семью выслали в Сибирь и расселили в совхозе Березовка Абонского района Красноярской области. Поселили их в старый и ветхий дом, похожий на лачугу. Когда его вместе с семьей выслали в Сибирь, ему было 5 лет. Отца забрали на фронт, откуда он не вернулся. Начиная с 14-летнего возраста, он каждый месяц ходил отмечаться в комендатуру. В п. Заречный он приехал вместе со своей матерью погостить, а позже так и остался здесь на постоянное место жительства. Виктор Федорович имеет 2-х детей, 2 внука. Всю свою жизнь он проработал трактористом, вначале в Конезаводе-48 с 1967 года, затем в ОХ «Заречное», откуда в 2002 года ушел на заслуженный отдых. За годы многолетнего труда имеет две награды – медаль «Ударник труда» и орден «Ветеран труда», имеет множество благодарностей и поощрений.

Мензелинцева Вера Карловна

Мензелинцева Вера Карловна, немка, уроженка с. Моргентау Саратовской области. Родилась 3 октября 1938 года. Летом 1941 года ее вместе с семьей в количестве 11 человек выслали в село Калинино (Рыспай). Отца осенью 1941 года забрали в трудовую армию, откуда он не вернулся. Мать работала дояркой, поваром, сторожем, трактористкой. Постоянно отмечалась в комендатуре до 1953 года. В 1956 году Вера Карловна вышла замуж за Мензелинцева Владимира Фроловича, с которым в браке прожили 51 год, имеют 8 детей. Сейчас у нее 13 внуков и 2-х правнука. После свадьбы они переехали в п. Новоселовка, а в ноябре 1989 года – в п. Заречный. За свою жизнь Вера Карловна работала дояркой, телятницей, поваром. В 2002 году вышла на пенсию. Имеет 4 медали за материнство: «Материнская слава» 2 степени, «Материнская слава» 3 степени и 2 медали «Материнство». Была депутатом сельского Совета, имеет многочисленные грамоты и поощрения.

Деккер Иван Генрихович

Деккер Екатерина Генриховна

Деккер Иван Генрихович, немец, 1935 года рождения. Его сестра Деккер Екатерина Генриховна, немка, 1927 года рождения. Депортированы в 1941 году. Летом 1941 года к ним в дом пришли люди в военной форме и сообщили, что у них есть 24 часа на то, чтобы собрать все необходимое с расчетом на 2-3 дня. По прибытию на станцию они узнали о том, что их депортируют. По месту прибытия их расселили в с. Озерное (конезавод им. К. Маркса). В апреле 1943 года переехали в Конезавод-48 (ныне п. Заречный). Выслали семью Деккер в составе 8 человек: мать – Деккер Екатерину Игнатьевну, 1907 г. р., отца – Деккер Генриха Адамовича, 1899 г.р. и 6 детей. Все взрослые отмечались в комендатуре раз в месяц. Отец с 1942 по 1947 годы находился в трудовой армии в Элагусте на лесоповале. Старшего брата, Федора, 1925 г.р. в 1942 году забрали в трудармию, откуда он не вернулся. Младшая сестра умерла в 1942 году от болезни. В 1973 году скончался отец, а в 1976 году не стало и матери. Екатерина Генриховна всю свою жизнь отдала работе и общественной деятельности. Она 20 лет являлась депутатом, посещала различные собрания и участвовала в митингах. С 1945 по 1947 годы работала телятницей, а с 1948 года – дояркой. Иван Генрихович является почетным конюхом и наездником Конезавода-48. Сейчас Иван Генрихович вместе со своими детьми, братом и сестрой проживают в Германии. Екатерина Генриховна проживает в Заречном и является заслуженной пенсионеркой.

Давыдова Клавдия Пантелеймоновна

Давыдова Клавдия Пантелеймоновна, немка, родилась в 1922 году в Белгородской области. Война ее застала в Ростове-на-Дону, куда она уехала работать, живя у родственников. В апреле 1942 года Клавдия Пантелеймоновна вместе с молодыми ростовчанами рыла окопы для Советской Армии, но началось наступление на Ростов. Прямо с окопов вся молодежь была взята в плен, а через несколько дней в эшелонах их отправили в Германию в рабство, где она пробыла до января 1945 года. Работала на заводе по изготовлению снарядов для фашистской Германии. Их плохо кормили, за невыполнение нормы жестоко избивали, постоянно находились под контролем немцев. В январе 1945 года был расстрелян начальник этого завода, тогда все пустились бежать. Она сначала долго скиталась по Германии, лелея мечту о возвращении к себе на родину, в свою деревню, где ее ждали родственники. Когда она вернулась, она поняла, что родина ее не ждала и, более того, была для нее опасна. В мае 1945 года Клавдия Пантелеймоновна была депортирована вместе со своей семьей. Их депортировали в с. Озерное, в п. Заречный она приехала в 1973 году к своей единственной дочери Надежде. Работала в общежитии, здесь же в 1982 году ушла на пенсию. Сейчас Клавдия Пантелеймоновна живет со своей дочерью.

Акулов Павел Никитич

Акулов Павел Никитич, выходец из Китая. Его родители проживали в Маньчжурии в русских поселениях. Павел Никитич родился в КНР в 1933 году. Его родителей вместе с ним выслали в мае 1943 года в Конезавод-48. Выслали семью Акуловых в составе 10 человек: отец, мать и 8 детей. В ноябре 1945 года отца забрали в трудовую армию в Воркуту, где он проработал на шахтах в течение 10 лет. За это время они построили дом, обзавелись семьями. По письму семьи на имя К.Е. Ворошилова отца освободили, и он вернулся к семье. В 1955 году семья Акуловых принимала участие в поднятии целины. Павел Никитич всю жизнь проработал трактористом. Имеет множество похвальных листов, грамот, благодарственных писем, имеет медаль «За освоение целинных и залежных земель». Является заслуженным работником ОХ «Заречное».

Кокшарова Мария Адольфовна

Кокшарова Мария Адольфовна, родилась 15 февраля 1928 года в г. Армавир Краснодарского края. До 1941 года большая семья Марии Адольфовны проживала на территории Краснодарского края в п. Красный Земледелец. В декабре 1941 года войска фашистской Германии подошли к Северному Кавказу. Проживавшие неподалеку на этой территории немцы и чеченцы получили команду по подготовке к депортации на территорию

Казахстана. Но в связи с началом авиабомбежек больших городов, эшелоны тронулись в путь только в начале января 1942 года. В дорогу было разрешено взять немного одежды, продукты и документы. Доехали до Кустаная, расположились в неотопливаемых бараках. По распоряжению местных властей были отправлены в Мендыгаринский район в п. Акизатский откормсовхоз. Здесь их временно разместили в землянке местного казаха. Жили бедно. По 10 человек в семье, выжили благодаря местному населению, помогавшему им всем необходимым.

Мария Адольфовна работала в животноводстве гуртоправом, трудилась на других работах. Откормленный скот из их совхоза перегоняли на мясокомбинаты в Петропавловск, Троицк. Принимала активное участие в освоении целинных и залежных земель. Награждена медалью «За освоение целинных и залежных земель», почетными грамотами и знаком «Отличник социалистических соревнований». С 1986 года находится на заслуженном отдыхе. До 2005 года проживала в п. Осиновка, теперь живет в Заречном.

Вейс Владимир Готлибович

Вейс Владимир Готлибович, немец. Выслан вместе со своими родителями и родственниками в административном порядке в 1941 году из

п. Моргентану Саратовской области. По прибытию в Северный Казахстан их разместили в Кустанае, а после их направили в п. Семеновка. С 22 февраля 1942 года по 9 августа 1943 года находился в трудармии при бывшем управлении п/я 299. Работал в г. Туринск (г. Тавда) Свердловской области на лесоповале, где готовили толстую фанеру, порох. «Жили в бараках, спали на нарах, а под нами вода, работали по пояс в воде, варили грибы, картофельные очистки», - вспоминает он.

Серьезно заболел 9 августа 1943 года, был демобилизован по инвалидности. Состоял на спецучете в органах МВД без права передвижения с 1941 по 1945 годы. На основании Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении всех прав, пострадавших от политических репрессий 1920-1950-е годы» - реабилитирован. Младший брат Яков, 1926 г.р., начиная с 16-летнего возраста стал трудиться на шахтах Караганды. После возвращения из трудармии в п. Семеновка работал трактористом. Сейчас проживает в г. Балхаш.

Владимир Готлибович позже переехал в Садчиковку. В 1947 году женился на Солохиной Зинаиде Андрияновне. В 1959 году переехал в Конезавод-48. Работал регулировщиком машинно-топливной аппаратуры, шофером. Имеет четверо детей. За трудовую деятельность неоднократно поощрялся.

Забиров Тельман Хамитович

Забиров Тельман Хамитович, уроженец Конезавода-48. Депортированным считается по материнской линии. Его мать Штыра (Забирова) Анна Александровна, уроженка Саратовской области, родом из бедной, многодетной семьи. В 1938 году ее отец привез в Кустанай, до этого она практически не понимала по-русски, в изучении помог отец и местные жители. Анна Александровна работала на различных должностях.

Забиров Тельман Хамитович в 1947 году вместе с семьей переехал в Майколь, где выучился на киномеханика, принимал участие в освоении целины. В 1958 году ушел в армию, служил в морском флоте. В 1962 году демобилизовался и женился. В 1963 году совмещал работу и учебу, учился на техника-электрика. С 1963 года работал в ОХ «Заречное», начинал работать комбайнером, электрослесарем, на пенсию ушел в должности инженера по технике безопасности в 2001 году.

Табулденов Алибек Нурмагамбетович – начальник магистратуры Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, кандидат исторических наук, майор полиции

**ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ
И ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН
(1937-1956 годы)**

МОНОГРАФИЯ

Редактор Красиворон Т.В.
Корректор Шайкемелова Л.С.

Подписано в печать 11.05.2015 г. Формат 60x84¹/₁₆
Печать ризография. Объем 12 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 903

Отпечатано в ИП «НАУМОВ»
г. Караганда, ул. Садоводов, 14
Тел.: 8 (7212) 94-20-00, 44-23-68
Тел./факс: 44-23-60